

Первое сентября

Приглашаем вас в новый учебный год и в новую газету

Вы блестящий учитель, у вас прекрасные ученики

№1 1 сентября 1992 вторник

ПОСЛАНИЕ ОТ МАТВЕЕВА

Из неопубликованного выступления В. Ф. Матвеева на семинаре в педагогическом институте.

Я постепенно узнавал о нелегкой судьбе клуба «Эврика», следил за борьбой учителей-новаторов против чудовищного монолита консервативной педагогики...

ОСЕНЬ 1988 Г. Газета, в сущности, голос истории, а история должна быть полной. Читатель должен видеть, как отчаянно борются разные точки зрения...

ОДИН — И ЗА ПРАВДУ

ЛЕТО 1992 Г. То была рутинная работа советолога: я читал тот или иной печатный орган только потому, что другого в данный момент под рукой не было...

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Третье испытание переживает Россия с 17-го года. Я бы сказал, самое тяжелое — даже по сравнению с войной. События разворачиваются по худшему из сценариев...

Теперь я могу со всей определенностью сказать, что это чудо в «Учительской газете», ставшее заметным явлением во всей духовной жизни нашей страны...

С течением лет информация все больше захватывала человека. Стало казаться, будто люди больше не живут, не едят, не пьют, а только потребляют информацию...

НАША ГАЗЕТА НЕ ПРОСТАЯ, НАША ГАЗЕТА ЗОЛОТАЯ

БЕЗ ЗОЛОТО — ДЕСЯТЬ ПРИЛОЖЕНИЙ С МЕТОДИЧЕСКИМИ ПОСОБИЯМИ ПОЧТИ ПО ВСЕМУ РАСПИСАНИЮ УРОКОВ.

В это трудно верить, но уже с октября вы сможете каждую неделю получать новые материалы для преподавания своего предмета — литературы, физики, математики, истории и так далее.

При нынешнем голоде на методическую литературу почтальон каждую неделю доставит в вашу школу полный набор пособий.

Это делают для вас Российский открытый университет и газета «Первое сентября».

САМАЯ ТОЛСТАЯ ГАЗЕТА В СТРАНЕ — ДЛЯ ШКОЛЫ И ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

Подробности на 4-й полосе.

ВНИМАНИЕ! Этот номер и первые пять приложений (по физике, математике, биологии, английскому языку и «Здоровье детей») БЕСПЛАТНО рассылаются в пятьдесят тысяч школ России.

Узнаете? Андрей Сахаров.

НА СЕГОДНЯ ПРОГНОЗ ДОСРОЧНАЯ СМЕНА ВЕКОВ?

Мы начинаем нашу газету с сообщения, которое еще не облетело весь мир и потому не дошло до вас, читатель. Но со временем оно станет общезвестным и в сильной степени изменит нашу жизнь.

Этот век скоро прикажет долго жить. Как мы будем его вспоминать? Его называли атомным, и космическим, и какие только имена ему не давали. Но особенно прочно приклеилось к нему слово информация — век информации.

Можно точно назвать год, когда впервые вся планета мгновенно получила одно и то же сообщение: это было сообщение о смерти на станции Остапово — о смерти Льва Толстого.

Телеграф был началом, за ним пошел телевизор, спутники, компьютеры... В глубоких работах социологов была показана совершенно небывалая роль массовой информации, позволяющих манипулировать сознанием общества.

Сейчас же заговорили об информационной барьере, о пресыщенности информацией, стали искать причины непонятного равнодушия.

Сначала казалось, что если средства массовой информации станут лучше, то они сумеют привлечь внимание всех, дойти до каждого. Но несмотря на все ухищрения, на профессиональную ловкость, на потрясающую изобретательность творцов масс-медиа, число было бы равнодушных людей не уменьшится, а увеличится.

И теперь это явление больше невозможно объяснить словами «надоело», «одно и то же», «ничего нового», «устали».

Ведь информацию можно назвать искусственным, синтетическим общением. Это что-то вроде тех кримпленовых костюмов, о которых еще недавно думали, что они заменят все, потому что не мнутся и всегда выглядят как новые, то есть практичны.

И вот что получается в результате: не только внешний мир человека, но и внутренний его личный мир стал отделяться от него. Чужое, ненужное, случайное врывается в самую плоть человеческой души.

масс-медиа, тем чаще люди выключают телевизоры и поворачивают их экраном к стене, перестают выписывать газеты (и не только потому, что они дороги), не включают радио...

И что же? И погружаются в информационный вакуум? Нет. Они начинают искать любые доступные им формы живого общения, экологически чистые отнюдь не массовой информации.

Вот довольно новое явление, малоизвестное в нашей стране: рассказы из истории. Они буквально заполнили Америку. По-настоящему, когда люди тысячами собираются на проповеди, но не привычно видеть, что взрослые люди в такой развитой и деловой стране, как США, часами сидят, подперев голову рукой, и слушают беспрерывные рассказы непрофессионального рассказчика...

В наше время все профессионализировалось. В театрах, в кино, на экранах телевизора — всюду мы встречаемся с людьми, которые играют роли. Они всегда по другую сторону рамы или экрана.

Но ведь не случайно уже в шестидесятые годы тысячи молодых людей собирались у нас слушать исполнителей авторских песен. Дело не только в том, что песни эти были неофициальными. Нет, именно непрофессионализм исполнителей давал возможность живого общения. И не случайно появилось странное, если подумать, слово — «авторский». Все стало авторским: песня, проект, телевидение, программа, школа — во всем люди хотят видеть живое, единственное, личностное, а не безличное-массовое.

И на весь мир прославилась тесные московские кухни с их разговорами до утра.

Какой будет наша газета «Первое сентября»? Вместо пространных деклараций скажем одно. Мы мечтаем, чтобы она не была ни коллективным пропагандистом, ни коллективным агитатором, ни даже коллективным организатором; мы хотели бы, чтобы наш читатель увидел за газетными страницами людей, с которыми можно поговорить и которых можно слушать, подперев голову рукой.

Мы мечтаем о газете нового века — о газете живого общения.

Советы газеты Если у вас несколько трудных ребят, сосредоточьтесь на одном и до конца. Вы сами увидите, как это поможет остальным.

Первое сентября

№2

1 октября 1992 г., четверг

КОЛОНКА МИНИСТРА

Несвободный не может воспитать свободного

Э. ДНЕПРОВ о помощи в нравственном выборе

Как быть учителю свободным? В чем она, эта свобода? Свобода — понятие емкое. Это прежде всего категория нравственная, нравственно-духовная. Это — категория политическая. Конечно, все эти грани свободы взаимосвязаны, трудно разделить их. Но, с моей точки зрения, самое главное — для самоопределения личности — это нравственные критерии свободы.

Когда создавалась наша педагогическая концепция, самым главным было слово «самоопределение». Педагогика сотрудничества опиралась на два полюса: самоопределение ребенка и самоопределение учителя. И то и другое важно, одинаково важно. Но я до сих пор больше думаю о самоопределении ребенка. И это было не совсем верно, потому что существует взаимосвязь: ведь как раз от самоопределения учителя зависит то мировоззрение, в котором он вводит ребенка, своего ученика. Человек несвободный свободного человека воспитать не может.

Учитель сегодня трудно. Он оказался в духовном вакууме. Никто не помогает ему стать на ноги. А в сегодняшней жизни, когда привычная система координат полностью

исчезла, помощь учителю особенно необходима. В непривычной для нас ситуации становления демократии, когда путь только нащупывается, еще не смогли, не возникли (а я горячо надеюсь, что они обязательно появятся) глубочайшие, мудрейшие человеческие традиции. И потому столь важно не утратить то ценное, что уже найдено, не разорвать нить между прошлым и тем, что придет.

Когда идет ломка прежнего, идет становление нового государства, именно оно, государство, должно быть для личности гарантом, силой, сохраняющей, сберегающей нравственные ориентиры. Потому и для нас, для нашего министерства, одной из важнейших, первейших задач оказалась защита того, что разрушать нельзя никак: тот мост, по которому учитель пройдет из себя прошлого в себя будущего. Нашему министерству приходится играть роль карантина, которая должна держать на своих плечах этот мост. Во всяком случае, мы стараемся это делать. Нить, связывающая нас с истинно нравственными ценностями, не должна порваться. И это вполне согласуется с понятием личного выбора, с понятием истинной свободы.

Время сейчас интересно совсем не тем, соответствует ли оно нашим ожиданиям или нет — оно интересно само по себе.

СТЕНОГРАММА № 1

О планах, тем более о странных планах, лучше не рассказывать заранее. Но мы писали в первом номере «Первого сентября», вышедшем 1 сентября, что мечтаем о газете общения.

А суть общения — в искренности, равноправии, бесстрашии перед собеседником. У нас, как и у всех начинающих дело людей, должен быть страх провала (он и есть), но мы не должны скрывать этот страх или делать вид, что его нет. — не должны казаться лучше, чем мы есть, иначе общения не получится.

Вот план: в каждом номере на первой полосе печатать некие стенограммы — записи разговоров. Кто с кем? Да самых разных людей на самые разные темы или даже вовсе без темы. Не «крутые столы», а свободное общение...

Мы начали с себя. Когда редакция только-только складывалась, мы собрались вместе — сотрудниками и авторами. Если в порядке появления, то вот мы кто: Георгий Целмс из «Огонька», Александр Терехов — из «Огонька», Олег Макаров — из «Демократической России», Виталина Мальгина — из «СМ — сегодня», Мария Барабаш — из «Вечернего клуба», Екатерина Филатова — студентка, Евгения Долгинова — учительница, Надежда Ожегова — из «Московского комсомольца», Георгий Амбернади — из «Журналиста», Татьяна Ивановна Матвеева — главный редактор всех наших десяти приложений, Сергей Шахиджания — фотокорреспондент, Галина Слободчикова — преподаватель.

Г. ЦЕЛМС. Может показаться странным, но я ощущаю себя счастливым человеком, считаю, что мне очень повезло. Повезло потому, что все мы сегодня здесь, мы — у начала новой газеты. Повезло потому, что для журналистов сейчас интересное время...

жизнь, а не теоретизировать. И прежде чем учить кого-то жить в мире, надо научиться быть в мире с самим собой. Мы все приспосабливаемся: вот произошло какое-то очередное изменение в политической жизни. Ну и что? Произошло — и произошло. Человек — он отдельный, он никакого отношения не имеет к этой большой политике.

М. БАРАБАШ. Я не чувствую себя «поколением», которое ждет каких-то революционных преобразований. Свобода должна быть внутренней, для каждого человека. На факультете журналистики все рассуждали: а как это будет — придется врать или не придется врать? Моя свобода состояла в том, что я выбрала для себя газетный дизайн, работу по оформлению газеты. Тут врать не надо. Хочется, чтобы в газете — при хорошем содержании — была хорошая форма. Мне нравится, что мы создаем новую газету, и потому у меня не будет никаких рамок и догм. Я смогу нарисовать газетную полосу, как мне захочется. В этом и есть моя свобода.

Надо сказать, что Маша Барабаш и Вита Мальгина — им нет и 24 лет — позже создали макет газеты, которую вы держите в руках.

О. МАКАРОВ. А была бы возможность создать такую газету без тех самых «революций», о которых здесь говорят с некоторым пренебрежением?

М. БАРАБАШ. Ну, я не ставлю себе таких вопросов. Исхожу из того, что есть. Сегодня у меня есть возможность делать то, что мне нравится.

Е. ФИЛАТОВА. Свобода, мне кажется, существует в борьбе с какими-то препятствиями, это преодоление чего-то, в себе прежде всего. Она не будет ощущаться, если не будет этих препятствий. Свобода в чистом виде — как кристалл льда, она быстро растает.

Е. ДОЛГИНОВА. Существует испытание свободой. Если обратиться к близкой мне учительской среде... Сейчас, когда учитель получил свободу, многие растерялись. Не знают, что делать, на что ее употребить. Когда нет никаких указаний, разрядок... Ломка себя дискомфортна — для многих учителей, которые десять, пятнадцать, двадцать лет привыкли работать по программе, работать «как положено», привыкли, смирились, вошли в этот образ, а теперь должны двигаться вольно в сторону как бы лучшего. Для многих учителей эта ситуация даже трагична. Я думаю, это одна из самых серьезных проблем учительства сейчас. Учителя не знают, как эту свободу реализовать, как превратить в реальное дело.

Жизнь происходит, надо научиться в ней жить, а не теоретизировать.

Н. ОЖЕГОВА. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

Г. СЛОБОДЧИКОВА. Человек часто мучит неостребованность его как личности. Я чувствую: такой неостребованности в нашей газете не будет.

Г. АМБЕРНАДИ. В северных реках лед нарастает снизу, со дна — там, снизу, холодной. Так и свобода. Она должна нарастать изнутри нас. Если это будет происходить в нашей газете — тогда все получится...

Г. Слободчикова. В корабельных курилках (а я довольно долго проработал на флоте) новичку гостят: расскажи свою историю. У каждого из нас есть своя история жизни, свой секрет. Когда я начал заниматься журналистикой, главным для меня был вопрос мастерства. А мастерство — так считалось в хрущевские времена — было связано со «знанием жизни». Предполагалось, что мы должны учиться жизни у рабочих, у крестьян — на «рабочих местах». У меня был товарищ, в пятидесятых мы были этскими «литературными мальчиками», и нам отекли как-то сопирать с этой жизнью. Он уехал в Якутию, прошел там страшную школу... Но писал книги. Я их читал. Это... в общем, не литература. Я это так для себя формулирую — отравиться жизнью. Если вы хотите заниматься журналистикой, литературой, если вы чувствуете слово, то не переусердствуйте на поле «жизненного опыта», он отравляет. Вот почему я

Г. Амбернади. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

Е. Долгинова. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

Е. Долгинова. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

Г. Амбернади. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

А. Терехов. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

А. Перевалова. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

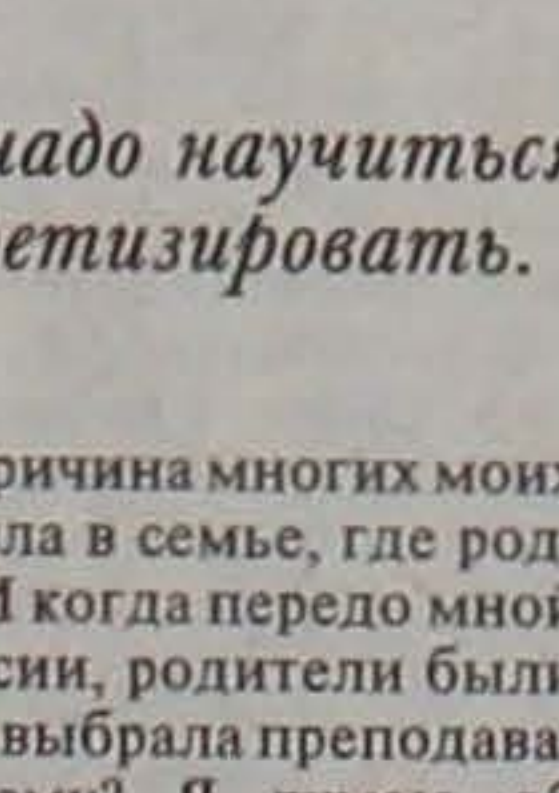
О. Макаров. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

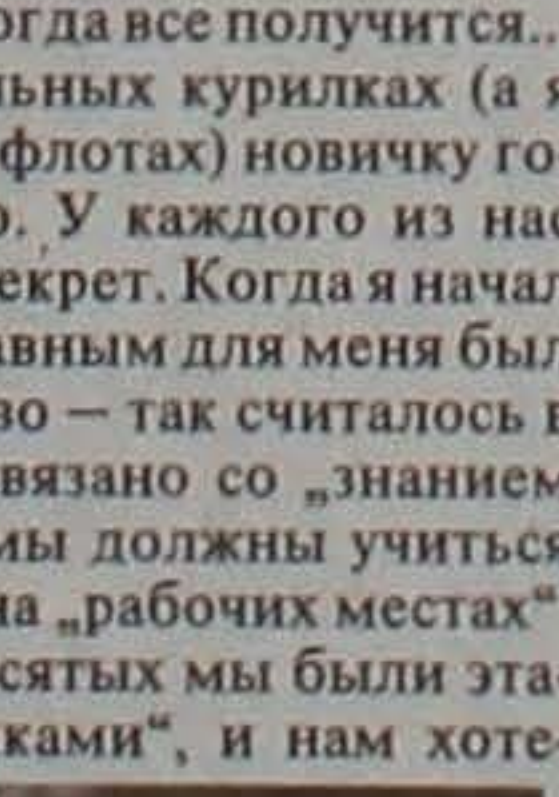
В. Мальгина. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

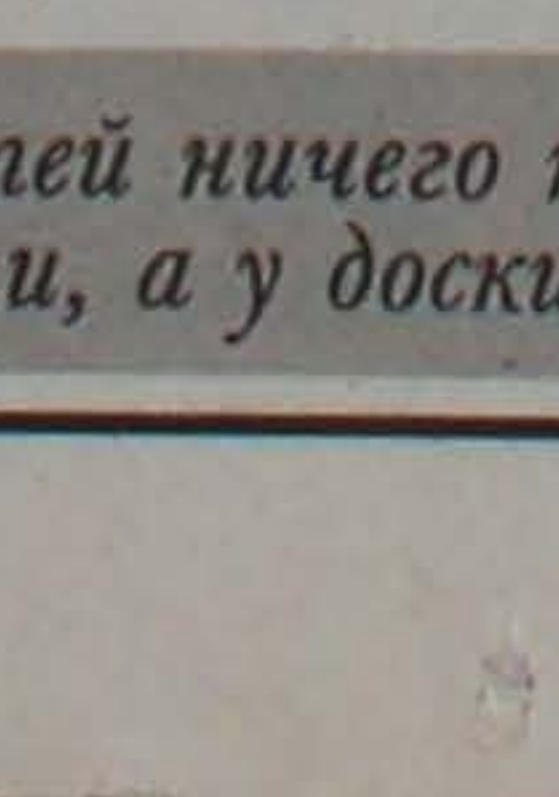
М. Барабаш. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

Т. Матвеева. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

Е. Долгинова. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

Г. Амбернади. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

думая, что не надо нам бояться собственной непоплярности, и нет ничего страшного в том, что не все в нашей газете сами работали учителями.

А. ТЕРЕХОВ. Конечно, все мы зависим от обстоятельств, от того времени, в котором живем. Можно поиграть в такую игру: кем бы мы были, живи мы, например, в девятнадцатом веке? Каждый из нас — как он представляет себе свою жизнь в это время? Я, наверное, в девятнадцатом веке был бы помещиком. Но строгим. Ввел бы во всем учет, в управленческие приказы. Георгий Михайлович Целмс. У меня крестьяне женились бы по любви, и я бы их постепенно освобождал. И государю предложил бы идею: ежегодно освобождать по двести самых лучших крестьян из каждой губернии. Такой был бы постепенный процесс...

Странный, конечно, вопрос — кем бы ты был в XIX веке, — но почему бы и нет? На самом деле это вопрос о том, кем бы ты хотел быть.

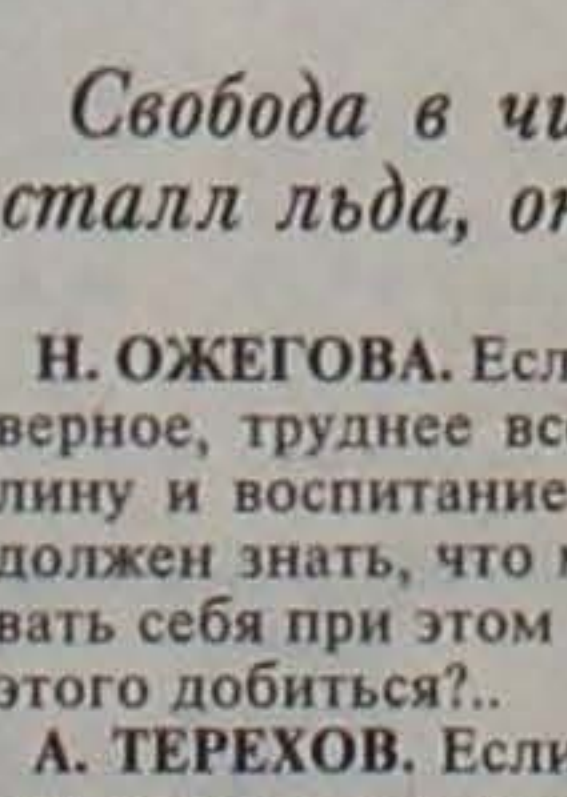
Г. АМБЕРНАДИ. Я бы страстно путешествовал. Но есть и офицерские устремления. Служил бы царю. Такая служба предполагает какую-то цель и блеск в осуществлении этой цели.

Г. ЦЕЛМС. Принимаю должность управляющего у помещика Саши Терехова. Работал я бы вначале очень старательно, во все бы вник, наладил дело... А потом пошли бы конфликты. Во-первых, с помещиком меня бы раздражало, что он постоянно мной попрекает. И... комплексы перед крестьянами, которых мне приходилось бы угнетать. И в итоге я бы от Терехова ушел. Вроде бы по своему складу мог уйти в народники. Но, пожалуй, все-таки пошел бы именно в журналистику.

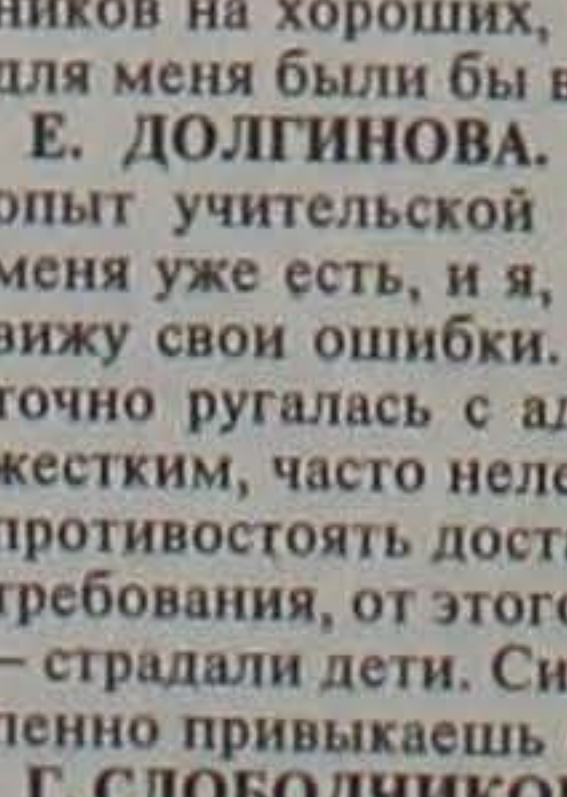
Я не чувствую себя „поколением“, которое ждет каких-то революционных преобразований.

Т. Матвеева. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

Н. Ожегова. Если бы я родилась в девятнадцатом веке такой же, каковая сейчас, я принесла бы себя в жертву человеку, которого полюбила, и в этом была бы вся моя жизнь...

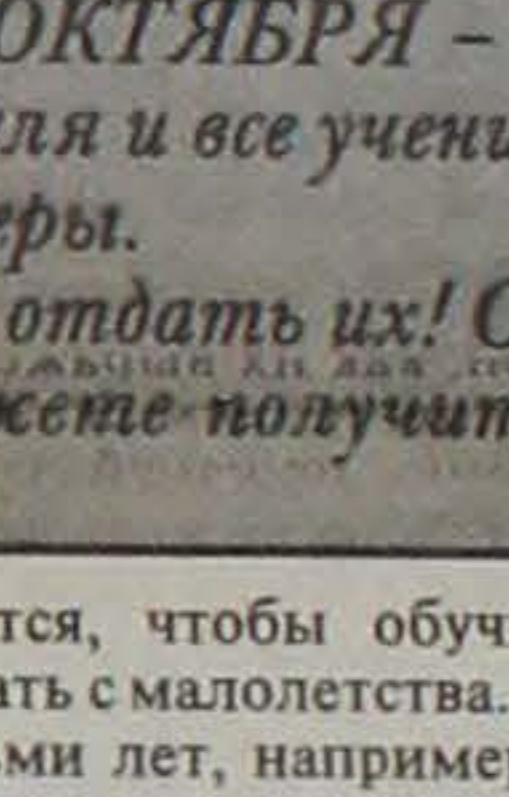
Г. Амбернади. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

ставить в качестве домашнего учителя. Может быть, не по какому-то определенному — по целому кругу предметов. Особенно маленьких жалко. Когда шести-семилетние заставляют сидеть в рядах за партами... Лучше бы им учиться дома.

А. ПЕРЕВАЛОВА. Я была в девятом классе, и меня попросили провести урок английского в пятом. Когда пришла, я, конечно, страшно перепугалась оттого, что на меня смотрят эти вполне уже взрослые дети, они чего-то от меня ждут, а главное, все надеются получить хорошие отметки. И я стала их вызывать... Потом учительница посмотрела и пришла в ужас: «Ой, эта девочка у меня обычно с двойкой на тройку, а ты ей поставила!».

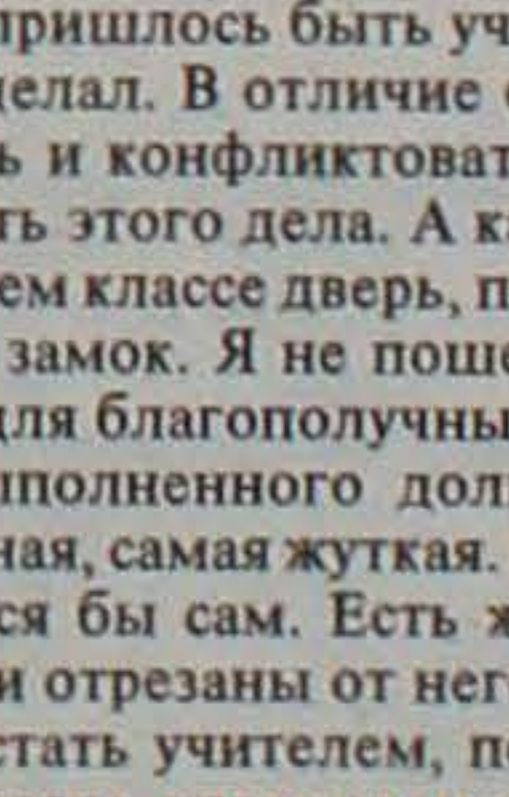
Н. Ожегова. Я думаю, что причина многих моих комплексов в том, что я выросла в семье, где родственники работают в школе. И когда переехала в этот мир, в этом была бы вся моя жизнь...

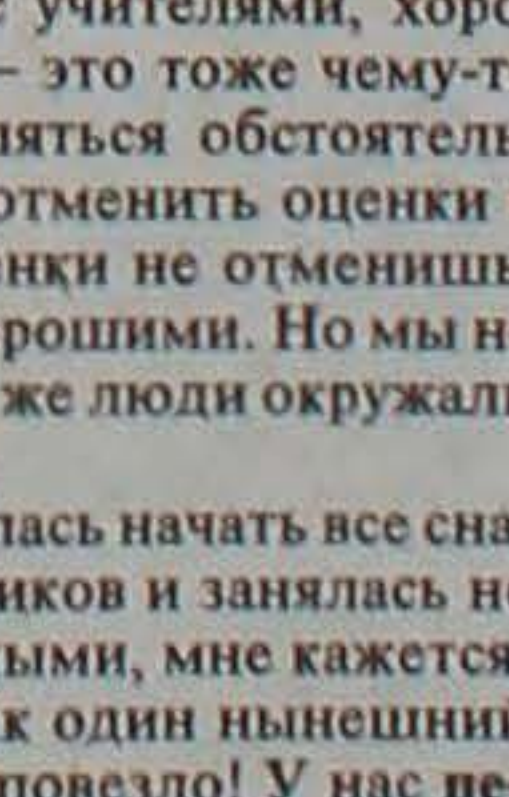
Е. Филатова. Мне кажется, чтобы обучить чему-то ребенка, это надо делать с малолетства. Но не в казенных стенах. С детства лет, например, с пяти, с небольшой группой, ими должна заниматься женщина, которая была бы как мама: ей можно рассказать все, ее можно не бояться, она не поставит двойку... Скажет доброе слово, похвалит, погладит по головке. Не так, как в казенных стенах. Бездельный ребенок должен каждое утро — какая бы ни была погода — в семь вставать, идти куда-то, и его преследует вечное ощущение, что там холодно, там плохо, не как дома. Поэтому школа — это должен быть прежде всего уютный, спокойный дом.

Г. АМБЕРНАДИ. Первый опыт преподавания был у меня в собственной школе. В пятом классе учительница поручила мне позаниматься со слабым учеником. Это запомнилось. Я понял, что преподавать — это слачко, ощутил сладость преподавания. Потом, при разных обстоятельствах, мне приходилось учить, но учил я своеобразным путем, поскольку дело происходило на флоте. Умение спасаться в шлюпках, например. Тут стала вырабатываться техника — скажем, как удерживать внимание слушателя. Школьным учителем я могу себя представить, знаю, как вел бы занятия. Журнал бы не открывал, все формальности выполнял, когда кончался занятия. Безусловно, никаких окриков и замечаний. Предполагаю и такие страшные сцены — что меня не интересуют слушать. Между учителем и учеником обязательно должна быть связь, она, наверное, биологическая, какие-то нити между ними, флюиды...

Г. ЦЕЛМС. Если бы все-таки пришлось быть учителем, я знал бы, чего бы я не делал. В отличие от Жени я бы не пытался спорить и конфликтовать. Понимаю полную безнадзорность этого дела. А как можно плотнее закрыть бы в своем классе дверь, пошел на дверь воображаемый замок. Я не пошел бы в элитную школу, в школу для благополучных. Чувство нужности, чувство выполненного долга может дать только школа обычная, самая жуткая. И еще, конечно, постоянно учился бы сам. Есть же мировой опыт. Мы просто были отрезаны от него.

О. МАКАРОВ. Я не смог бы стать учителем, потому что могу говорить только тогда, когда от меня хотят что-то услышать. У всех, кто сейчас представлял себя учителем, сквозило желание сделать какую-то революцию в школьном деле. Все вспоминали, как плохо им было в школе, как там подавляли, оскорбляли — а вот мы придем, что-нибудь сделаем, дадим свободу, и тогда... Но я думаю, что школа не может быть вечным праздником. Ничего из этого не получится, и не случайно школа такая, какая она есть. Конечно, многое надо улучшить, я понимаю. Но то, что ребенок приходит из родительского дома, где его холят и лелеют, в эту школу с казенными партами, с учителями, хорошими и плохими, с оценками — это тоже чему-то учит. Учит человека сопротивляться обстоятельствам, учит твердости. Можно отменить оценки в школе — в жизни все равно оценки не отменишь. Допустим, все учителя станут хорошими. Но мы не можем сделать так, чтобы такие же люди окружали человека по окончании школы.

два приличных учителя! И на самом деле повезло. У нас ведь всегда школа была в загоне. Ощущения счастья учительской профессии почти ни у кого не было, за редким исключением. Мне кажется, что высший виток труда — когда я могу думать что-то свое. Должно быть много разных путей: одна программа, другая — надо пробовать...

Поэтому школа — это должен быть прежде всего уютный, спокойный дом.

С. СОЛОВЕЙЧИК. Я вспоминаю время, когда учил детей в глухой деревне, в полной нищете, нищете абсолютной, когда белый хлеб привозили только по большим событиям, например, в несколько дней до выборов, и он продавался за деньги выборов уже черствым. А в учительской висело объявление: «Кто хочет варить брагу, славайте по

1 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ РАВНОПРАВИЯ
Сегодня все учителя и все ученики получают равные по цене чеки на ответственность — ваучера.
Не поторопитесь отдать их! Скоро будет акционерное общество «1 сентября», и вы сможете получить доходы от нашего издания.

два кило сахара». Мне кажется, я за время учительства и работы пионерским вожатым испытал все. Ребенок упал с дерева... Он истек кровью, ты бежишь, несешь его на руках, ты живешь в руках несешь — и сам умираешь. Словом, я испытал все страсти учительской жизни. Но я все равно считаю: это счастливейшее время, сладость, как себя назвали. Не знаю, как преподавать сейчас литературу, но, если бы я сегодня был учителем, я добивался бы любым способом, чтобы слушали, чтобы были эти связи между нами, эти ноточки. И если урок проходит в таких контактах, я думаю, это само собой и воспитывает, и обучает.

Можно отменить оценки в школе — в жизни все равно оценки не отменишь.

Е. ДОЛГИНОВА. Если в эту комнату посадить десять учителей (скажем так — думающих!), то у семи из них оказались бы проекты новой свободной школы. Проекты генеральные, яркие, смелые. Но... Я не могу навесить замок на дверь своего класса. Я могу объяснить данную тему так, как я хочу, а это делала. Но я обязательно должна записать в журнале, что я проходила повесть «Сын полка», которую я ненавижу и проходила не хочу. Мало того, что я запису в журнале, — любая проверка придет и спросит у детей: «А как вы прочитали повесть «Сын полка»? На эту тему можно говорить бесконечно. Когда я смотрела на учителей, в отличие от меня обремененных семей, детьми, большими родителями, еще чем-то, у меня было просто преклонение перед этими людьми. У меня и самой бывали дни, и не так уж редко, когда приходилось вести по единичным урокам в день. После этого я должна была приехать домой (час дороги) и проверить семейств тетрадей... Таких примеров тьма. И когда говорят, что школа неумана, что учитель должен быть матерью и так далее... Любый учитель, озабоченный от всего этого, от нехватки денег, от собственных проблем нерешенных, от детей, в конце концов, он скажет вам: вы не работали в школе, вы ничего не знаете. Пока все это существует, никакой школы радости не получится.

Что и как должно перемениться в школе?

А. ПЕРЕВАЛОВА. А я пришла к парадоксальному, может быть, выводу. У нас на самом деле замечательная школа, и ее не надо менять, и она никогда не изменится, и может быть, это и к лучшему. Говорят, школа калечит, подавляет личность. Мне же кажется: она просто проявляет личность. Ведь все мы ее прошли и не стали ни лучше, ни хуже из-за школы. Просто пройден определенный жизненный этап. В школу мы пришли уже сформировавшимися людьми — человек формируется, говорит, к пяти годам. Не может же нас школа настолько исклечить...

Менять школу — не менять? Если в 86-м году вопроса даже не было — «Надо, решительно надо менять все!», то сегодня вопрос есть. Зачем, для чего менять? На этот вопрос предстоит ответить газете и ее читателям. «Что и как должно перемениться в школе? Что может перемениться?»

Е. Болдырева. Стенографировала Е. БОЛДЫРЕВА.

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Считается, что детей ничего не должно отвлекать. Нет, украсьте класс для маленьких фонариками, цветными ковриками, а у доски прикрепите большого клоуна.

Первое сентября

№3

3 октября 1992 г., суббота

Завтра наш общий праздник. Скажите себе: «Я блестящий учитель, у меня прекрасные ученики».

Одна храбрая учительница из Калининграда решила спросить у своих шестиклассников: каким они представляют себе идеального учителя? В их речах много смешного, но ведь этим „теоретикам педагогики“ по двенадцать-тринадцать лет...

СТЕНОГРАММА № 2

Я бы в классе повесил такой плакат: „Выгон с урока строго воспрещен!“.
Лена. И вообще — плохое настроение передается всему классу. Когда учитель сердитый или нервный, тогда и на уроке все идет не так. Юлия правильно сказала: учитель должен быть веселым.
Андрей. А если у него в этот день что-то грустное случилось?

четверть устраняет маленькие праздники для своего класса. Чтобы все одинаково веселились — и ребята, и их учитель. Тогда и на уроках будет по-другому, по-дружески между всеми.
Дима. Дружить с учителем? Может быть, где-то так бывает, но у нас. Вот наша географичка... ну, учительница географии, если что-

Учитель должен быть веселым!

Лена. Идеальный учитель должен — самое главное — считаться с мнением учеников. И быть не очень строгим. Или так: в меру строгим. Лучше пусть будет молодым — мне кажется, молодые лучше понимают нас. А если провинится кто-то один, не надо кричать на весь класс. У нас: им трудно с нами. Но ведь и мы от них устаем, да еще как!
Лидя. У хорошего учителя должно в конце каждого урока оставаться свободное время. И пусть бы в это время он нам читал смешные стихи. Или рассказывал истории. А то когда одно сплошное учение, немного тупеешь.

ноя в себе. Внимательно выслушивать учеников, которые не согласны с ней, с ее мнением, а не считать: „Я старше, значит, я знаю лучше!“ Она должна понимать своих учеников, ну, как-то все-таки... любить их.
Татья. У нас очень хорошая учительница по русскому и литературе. На ее уроках даже настроение улучшается. А с хорошим настроением учиться легче. Иногда не бывает у нее в классе скучно. А шумно — бывает. Но разве обязательно, чтобы на уроке была „мертвая тишина“?
Юлия. Учитель — это человек, который одновременно и добрый, и

такая школа и понравится. Мне — нет.
Андрей. На таком уроке была бы просто скучно. Учитель должен так объяснять, чтобы всем было интересно учиться. Если ни одному ученику в классе не скучно, если хочется что-то узнавать, тогда это — замечательный учитель. И он должен быть умнее самого умного ученика, тогда его будут уважать.
Аня. Некоторые учителя думают, что раз они взрослые, значит, уже умные. Наше мнение их не очень-то интересует. У них задача — загрузить в нас знания, и все. Обидно, когда чувствуешь равнодушие.
Лидя. Учителя бывают добрые, бывают не очень. Добрые завывают отметку, а другие ставят ниже, чем ты заслуживаешь. И то и другое неправильно. Где найти справедливость?

Идеальный учитель должен — самое главное — считаться с мнением учеников. И не быть очень строгим.

Алена. Если учитель не любит смотреть видеофильмы, играть в волейбол, футбол, хоккей, кататься на лыжах — это не идеал. А если он злой, то ему вообще не надо быть учителем.

Строгий. Строгий — это ведь совсем не то, что злой. Строгий — это требовательный, но по справедливости. Еще он должен быть аккуратным, одеваться скромно, не ярко.

Аня. Иногда можно и отругать ученика, если это за дело. Но только не при всех, а наедине. Еще очень важно, чтобы учитель поддерживал ученика — если он смущается, если чего-то не знает. И еще. Хороший учитель никогда не станет читать вслух записки учеников.

Дима. Вот уж нет! Пусть он одевается по-модному и разрешает так одеваться ученикам. Он должен уметь танцевать рэп, хип-хоп, брейк-данс и стэп. И пусть употребляет разные „клевые“ слова: „та-шусь“, „взехать“, „чувак“... Он тогда будет дружить с нами. Только он не должен обзывать учеников и позорить их перед всеми.

Андрей. Ну скажите, почему нельзя на уроке передать записку? А если нужно что-то срочно сообщить? Пусть учитель разрешает писать записки. И пусть не закладывает ничего на дом. А если закладывает, то единственное упражнение.

Юлия. Ну да! И по моде он должен быть одет, и все разрешать, и добрый, и ласковый... Вы только представьте урок с таким учителем... Звонок. Все толпится в коридоре. Подходит учитель. На нем „варежка“, кроссовки фирмы „Адидас“, вез в закладках и цепях. Делочки, — говорит он, — заходите, милые, в класс. Пожалуйста! Ученики ворча рассаживаются к столу. Учитель пишет на доске „дважды два равняется...“ „Это я вам задавал на дом.

Оля. Идеальный учитель должен быть, конечно, мягким. Все прошать, не ругать ни за что и за самый простой отпор ставить только пятерку. Вообще не ставить плохих оценок, один пятерки. Та школа, где будут работать „идеальные учителя“, станет лучшей в мире по ус-

культуры со мной хорошо поговорила, сказала, что я упорная и, если потренируюсь, у меня обязательно получится. Целую неделю я разучивала дома этот мостик. И он получился! Я теперь стала верить в себя...
Алена. Учитель должен быть умным, это обязательно. А если он умный, он всегда будет справедливым.
Катя. Если бы все учителя были не идеальными, а хотя бы хорошими... Но так не бывает. Есть, конечно, уроки, на которые идешь с удовольствием, но это — редко. Для большинства учителей мы — их работа. А работу не каждый любит. Конечно, мы шумные, ленивые, непослушные, от нас одна усталость, мы сами — не идеальные. Но, может быть, у хорошего учителя и мы стали бы хорошими?

Идеальная учительница должна быть спокойной и уверенной в себе.

певаемости. Ведь неплохо, а? Правда, выпускники такой школы вряд ли смогут переможить два на два...

Дорогой Иванов, реши, пожалуйста, эту задачу... Иванов нехотя встает: „А я не выучил. Времена не было“. „Ну ничего, Ванечка, не расстраивайся, я еще раз объясню...“ И так — каждый урок. Кому-то, может,

Катя. Идеальная учительница должна быть спокойной и уверен-

но не идеальными, а хотя бы хорошими... Но так не бывает. Есть, конечно, уроки, на которые идешь с удовольствием, но это — редко. Для большинства учителей мы — их работа. А работу не каждый любит. Конечно, мы шумные, ленивые, непослушные, от нас одна усталость, мы сами — не идеальные. Но, может быть, у хорошего учителя и мы стали бы хорошими?

Учитель — это человек, который одновременно и добрый, и строгий. Строгий — это ведь совсем не то, что злой.

Юлия. Учитель должен быть веселым! У всех бывают неприятности. Иногда даже большие, и тогда все вокруг кажется печальным. Но на эти неприятности можно посмотреть с улыбкой, и сразу станет

легче. Веселый человек не бывает злым, не раздражается и не кричит в классе. Веселый человек все понимает правильно и нас учит правильно понимать. И на уроках с таким учителем хорошо и интересно.

Лидя. Если бы нам повезло и к нам пришел идеальный учитель, мы бы его попросили, чтобы он каждый день отпуская с урока одного ученика, по алфавиту. Просто так — прогулять. Все же знают, что самое интересное — прогуливать. А когда прозвонит звонок с последнего урока, все бросается к окну и по веревке спускаются вниз. Потом помогают спуститься учителю. Кто-то скажет, что это чудно, что так быть не может. Но мы же говорим об идеальном учителе. А его на самом деле тоже быть не может.

Андрей. Но ведь можно, чтобы учитель хоть что-нибудь нам разре-

шил. А то жуеешь жвачку, а он тебя заставляет ее проглотить. Интересно, сам он когда-нибудь попробовал проглотить жвачку?!

Катя. А мне хочется, чтобы учитель был красивым. Если это учительница, она должна быть женственной. Не обязательно одеваться по последней моде, но хотя бы близко к моде. Чтобы на нее было приятно смотреть. Чтобы хорошая была прическа. Если учитель, когда идет в класс, старается хорошо выглядеть, значит, он к нам относится с уважением.

Аня. Идеальный учитель может быть только по литературе или по истории. Я не могу себе представить идеального учителя по физике или математике. Такие жуткие предметы, наверно, никто не может преподавать идеально.

Татья. Очень даже может. Я, например, уважаю нашу учительницу математики. Она строгая, но объясняет так, что все понятно. На ее уроках тихо-тихо. Правда, иногда от этой тишины становится по-чужому не то себе...

Алена. Строгий учитель тоже нужен. Но он не всегда должен быть строгим, а очень редко и только по делу. Самое плохое — когда учитель выгоняет с урока. Это значит — он сильно разозлился. А если разозлился, он уже не может разозлиться, он уже не может разозлиться, что справедливо, а что нет.

Учитель должен быть умнее самого умного ученика, тогда его будут уважать.

Лена. Ну, не знаю... У меня, может быть, тоже что-то плохое произошло. Но ведь учитель на мое настроение внимания не обращает...

то забыл дома, сразу: „к директору!“, „родителям вызову!... Сней — подружиться? Даже подумать страшно...“

Юлия. Хорошим учителем может быть не каждый. Наверно, в этом деле. А большинство наших учителей — обычные люди.

Юлия. Мы же говорим про идеального учителя. Идеальный — это самый из самых. Разве легко найти идеального человека вообще? Но все-таки в нашей школе есть хорошие учителя. Уж если по правде, разве мы — идеальные? Они еще как от нас устают.

Алена. Тогда пусть учителем будет робот. У него много-много знаний и всегда спокойное настроение.

Андрей. Самое страшное в учителях, когда они вызывают в школу родителей. А родительские собрания — вообще ужас. Но в целом у меня к учителям отношение неплохое, я их иногда даже жалею.

Катя. Вот уж действительно — „идеальный учитель!“ Не пьет, не курит... Нет, у работа я бы не хотела учиться.

Лена. Я раньше думала, что в нашей школе нет хороших учителей. Но я ошиблась. Когда каждого учителя узнаешь поближе, то начинаешь к нему лучше относиться. Я думаю, если бы они про каждого из нас узнали что-то хорошее, то и отнеслись бы по-другому. Было бы, конечно, не идеально, но что-то близкое к этому...

Андрей. Работа не надо. Но курить и пить учителю тоже не надо. Он должен быть хоть немного лучше других людей.

Андрей. Вот почему так бывает: если не выучил урок, обязательно тебе спросят! Чувствуют они, что ли? А если чувствуют, то лучше и не надо в этот день спрашивать! А то всем расстроится: и ученику, и самому же учителю.

Лена. Сразу чувствуешь, когда учитель на тебя смотрит свысока. Будто и этого ты не знаешь, и этого не умеешь. А если учитель говорит с учеником на равных, это очень, очень хорошо. С таким учителем интересно, для него ученик — это человек. Конечно, среди ребят есть всякие, есть и хулиганы, но мне кажется, что в душе — все нормально. Ни одного человека не надо унижать.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

Аня. И учитель не должен осуждать, если кто-то из учеников думает не так, как он. Если в классе кто-то верит в Бога, не надо над ним подсмеиваться, говорить: „Бога нет, Бога нет“ и при этом смотреть на этого ученика, как бы специально.

Андрей. Ну, сказала! Это же получается — если учить уроки всегда — идеальный ученик. А мы — об учителе...

Андрей. Роба не надо. Но курить и пить учителю тоже не надо. Он должен быть хоть немного лучше других людей.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

Аня. И учитель не должен осуждать, если кто-то из учеников думает не так, как он. Если в классе кто-то верит в Бога, не надо над ним подсмеиваться, говорить: „Бога нет, Бога нет“ и при этом смотреть на этого ученика, как бы специально.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

Андрей. Роба не надо. Но курить и пить учителю тоже не надо. Он должен быть хоть немного лучше других людей.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

Аня. И учитель не должен осуждать, если кто-то из учеников думает не так, как он. Если в классе кто-то верит в Бога, не надо над ним подсмеиваться, говорить: „Бога нет, Бога нет“ и при этом смотреть на этого ученика, как бы специально.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

Андрей. Роба не надо. Но курить и пить учителю тоже не надо. Он должен быть хоть немного лучше других людей.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

Аня. И учитель не должен осуждать, если кто-то из учеников думает не так, как он. Если в классе кто-то верит в Бога, не надо над ним подсмеиваться, говорить: „Бога нет, Бога нет“ и при этом смотреть на этого ученика, как бы специально.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

Андрей. Роба не надо. Но курить и пить учителю тоже не надо. Он должен быть хоть немного лучше других людей.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

Аня. И учитель не должен осуждать, если кто-то из учеников думает не так, как он. Если в классе кто-то верит в Бога, не надо над ним подсмеиваться, говорить: „Бога нет, Бога нет“ и при этом смотреть на этого ученика, как бы специально.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

Андрей. Роба не надо. Но курить и пить учителю тоже не надо. Он должен быть хоть немного лучше других людей.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

Аня. И учитель не должен осуждать, если кто-то из учеников думает не так, как он. Если в классе кто-то верит в Бога, не надо над ним подсмеиваться, говорить: „Бога нет, Бога нет“ и при этом смотреть на этого ученика, как бы специально.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

Андрей. Роба не надо. Но курить и пить учителю тоже не надо. Он должен быть хоть немного лучше других людей.

Юлия. А ты делай уроки каждый день.

КОЛОНКА МИНИСТРА
ОТДАЙТЕ ВАУЧЕРЫ ШКОЛЕ!
Э. Днепров о финансировании

Конечно, только слепой не видит, что ситуация в экономике резко ухудшилась, и на образовании это отразилось самым непосредственным образом. Есть, увы, три фактора, которые для нашей сферы деятельности становятся решающими.
Во-первых, из 15 миллионов бюджетников России 5,5 миллиона человек работают в сфере народного образования. Второй фактор — более 90 процентов наших учреждений финансируются из местного бюджета, а там свои, очень серьезные проблемы. Третий — по закону заработная плата учителей должна быть не меньше средней заработной платы в промышленности, минимальная же не должна быть ниже средней по народному хозяйству. Но все это рассчитывалось в пору, когда средняя заработная плата в промышленности составляла 450 рублей. Теперь же она скакнула в связи с ростом цен и темпов инфляции. И чтобы, скажем, немедленно ввести в действие статью 54 нового Закона, нам необходимо дополнительно 135 миллиардов рублей. В общем бюджете России это прощра более чем в 14 процентов! Стоит об этом подумать.
Я думаю, народное образование сейчас единственная сфера, уже готовая к введению тарифной сетки. Главное для нас — быстро и качественно провести аттестацию. Если

мы успеем сделать это за месяц-два, президент готов передвинуть сроки введения в действие своего указа на 1 декабря.
Многих учителей волнует то, что наша жизнь начинается как бы с чистого листа. Ведь, скажем, старые надбавки, введенные в мае, отменены. Мы предполагаем в дополнение к рутинной надбавке — за выслугу лет, например, ввести прогрессивную надбавку. Предположим, молодой человек пришел работать в школу. У него еще нет особых заслуг. Но зато есть идея — а у кого, как не у молодого учителя, должны быть идеи? И он наполняет их в жизнь. И если дело движется, почему бы ему не платить за это?
Сегодня все взбудоражены идеями приватизации, ваучерами. Я знаю, раньше отношение в учительской среде к приватизации было абсолютно негативным. Парадокс или нет — теперь оно абсолютно позитивно. Видимо, это и есть диалектика жизни. И как тут помочь? И не просто помочь, а и создать реальную социальную защиту учителя?
На мой взгляд, целесообразно создать Банк образования и интеллектуальных ресурсов. В качестве капиталов которого будут обрабатываться и учительские ваучеры.
Конечно, сегодня не самые благоприятные дни образования. Но не будем пессимистами — выход из кризиса вполне нам по силам.

Ф. СП-1

Министерство связи СССР «Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал (индекс издания)

(наименование издания) Количество комплектов

на 19 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная КАРТОЧКА

ИВ место ли-тер газету журнал (индекс издания)

(наименование издания)

Стоимость подписки руб. коп. Количество комплектов: руб. коп.

на 19 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ — КРУГЛЫЙ ГОД

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Если вам достался слишком шумный класс, ведите урок при распахнутой двери. Иногда это помогает.

Ф. СП-1

Министерство связи СССР «Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал (индекс издания)

(наименование издания) Количество комплектов

на 19 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная КАРТОЧКА

ИВ место ли-тер газету журнал (индекс издания)

(наименование издания)

Стоимость подписки руб. коп. Количество комплектов: руб. коп.

на 19 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

Первое сентября

№5

8 октября 1992 г., четверг

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

Доктор Буратино, вылечи меня

Небывалое событие! Впервые в России — Международный симпозиум по куклотерапии. Вы знаете, как управляемых кукол можно использовать в воспитании детей? Об этом будут говорить кукловоды, психологи, педагоги на симпозиуме в Краснодаре с 9 по 13 октября.

Из закона Российской Федерации «Об образовании»: Право на получение образования является одним из основных и неотъемлемых прав граждан Российской Федерации...

10 июля 1992 г. в Кремле президент России Б. Ельцин подписал закон «Об образовании». С этого момента закон стал действовать. Некоторые его положения вступят в силу позже, это оговорено специальным постановлением Верховного Совета.

Те, кто наблюдал принятие закона Верховным Советом по телевидению, могли видеть, как сражался за абзацы, за строчки, за слова министр Э. Днепрова. Он говорил позже журналистам, что, услышав на заседании Верховного Совета все предложенные депутатами поправки, был настолько подавлен, что на какое-то время растерялся. Но когда к нему подошли депутаты-учителя и сказали: «Иди к микрофону и борись», — встал и пошел.

Теперь закон принят, плачу ли, хорошо — принят. Но оказалось, что теперь один борется за его выполнение, другие...

А. Землянский, декан факультета «Менеджмента развития» свободного университета «Эврика». Чиновники привыкли воспринимать каждую инструкцию как закон. А теперь относятся к закону как к очередной инструкции. Их больше волнует вопрос, насколько реально выполнение закона, как будто речь идет об очередном постановлении пленума ЦК КПСС. Традиций правового поведения нет, поэтому реакция на выход закона бытовая, обывательская. Типа: «Ой, Маня, гляди, закон вышел. Нешто его теперь выполнять? Да ни в жисть не буду...»

Потому закон не рассматривается как Право. Право на образование и образовательную деятельность, на самостоятельность и выбор, право на различные типы школ...

Из закона РФ «Об образовании»: Ст. 12.

3. Образовательные учреждения по своим организационно-правовым формам могут быть государственными, муниципальными, негосударственными (частными, общественными или религиозными организациями).

Действие федерального законодательства Российской Федерации в области образования распространяется на все образовательные учреждения на ее территории независимо от их организационно-правовых форм и подчиненности.

Н. Голубкова, заместитель главы администрации Орджоникидзевского района Екатеринбурга. Год назад, я тогда была директором школы, я для того, чтобы стать самостоятельной, сделала свой устав и прочие документы. Сейчас вижу, что эти документы были абсолютно в духе нового закона: финансовая самостоятельность, плюс выстраивание структуры школы под содержание, а не наоборот. А сейчас, на своем новом месте заместителя главы районной администрации, я могу это делать для других. Ведь администрация района — основная учредитель. Школы поучили право на автономность, а у меня, то есть у власти, появился механизм помощи.

Но, больше половины директоров не ждут этой автономии. Люди не хотят быть один на один со своими проблемами. Гораздо удобнее оставаться под «аремом барщины старинной» и пенять на барина: «Вот никто не решает наши проблемы, никто не хочет нам помочь, ни в одной стране мира та-

кого нет, чтобы школы были без внимания». У меня были очень плохие разговоры с директорами школ и с учителями. Обстановка более угрюмая, чем я предполагала; спрашиваю: «Что вам мешает?» — в ответ слышу: «У нас в школе нет учительской». Выступаю в роли дойной коровы — у меня в руках бюджет, но он дается государством под образовательную программу, это положение закона.

А субъектом закона школы пока не стали. Им надо зарегистрироваться в качестве образовательного учреждения, тогда на них распространяется действие закона, тогда они получают все права и могут за них бороться. Или по-другому — могут на эти права претендовать. Закон не начинает действовать автоматически для всех существующих школ. Зарегистрируйте свой устав, свою образовательную программу — станете субъектом закона. Не хотите...

А. Землянский. Что значит «не хотите»? Закон есть закон. Школа, каждая, должна зарегистрироваться как образовательное учреждение. Это как паспорт получить в шестнадцать лет. Если вы не получили паспорт, вы не гражданин, не надеетесь на права гражданина. Мой любимый афоризм — это эпиграф к «Мистеру Твистеру» Маршака. Помните: «Находясь в чужой стране, подчиняйтесь ее правилам и порядкам». За точность цитаты не ручаюсь, но смысл такой. А уж находясь в своей стране, давайте подчиняться законам и выполнять их. Если же мы будем относиться так: «Что-то не нравится мне этот закон...» Закон об образовании сейчас не предмет диссидентства, не повод для борьбы с властью. Его выполнение не приведет к необратимым социально-экономическим ухудшениям, зато придаст образовательной ситуации правовую форму.

Из закона РФ «Об образовании»: Ст. 33.

1. Образовательное учреждение создается учителем по собственному инициативе и регистрируется органами местного самоуправления в заявительном порядке.
2. В регистрации образовательного учреждения не может быть отказано по мотивам нецелесообразности. Отказ в регистрации может быть обжалован учителем в судебном порядке. Исковое заявление учителя подлежит рассмотрению в суде в месячный срок.

Галина Миронова, заведующая методическим кабинетом Западного учебного округа, Москва. Да мы не против закона. Но вы поймите, для нас, практиков, этот закон противоречив. Там так много противоречий, путаницы, неясностей! Предлагается создавать Устав образовательного учреждения, а Положение об Уставе школы ведь никто не отменял! Как с ним быть? И что значит — набор в десятый класс на конкурсной основе? К этому мы ни психологически, ни юридически не готовы. Мы годами брали в десятый класс всех, без конкурса, и все к этому привыкли — и мы, и родители. А если кого-то обидит, стоит родителям пойти наверх, пожаловаться, как тотчас же будет звонок, и примем как миленькие. Должна быть разъяснительная работа, я бы сказала, психологическая подготовка к такой дифференциации. Причем в законе есть положения, которые перечеркивают предыдущие. Например, контрактная система абсолютно не соответствует статьям КЗОТа. Мы же практики, мы знаем, что уволить учителя или директора практически невозможно. Любуй суд восстанови. Это — жизнь. Как правило, именно те приказы, по которым увольняется человек, признаются судом недействительными. Как с этим быть?

А. Тубельский, президент Ассоциации инновационных школ и центров, генеральный директор научно-педагогического объединения «Школа самоопределения», Москва. Ну, на контрактную систему никто нас не гонит, а вот то, что закон закрепляет государственность школы, делает школу тотально зависимой от государства, — это страшит. Начиная с 1988 года мы еще во ВНИКЕ «Школа» боролись за общественно-государственную систему управления школой, за ее общественный характер, а тут вдруг читаю, что все контролировать будет Государственная аттестационная служба. Это же фигурный листок, контролировал все равно будет ведомство, только теперь его об этом будет просить государство. Например, любой начальник городского, областного или краевого департамента может стать учредителем школы, он же проводит аккредитацию и лицензирование, он же распределяет финансы... Откуда же взяться новым программам, новому содержанию образования? Где защита одиночки, человека,

СТЕНОГРАММА № 4

Закон есть закон

придумавшего что-то новое в педагогике? На каком фундаменте вырастет образовательная общественность? Я говорю не о родительской, а именно об образовательной, о тех, кто вырос из учительского своеобразия, из учительских поисков. Они ведь не пробьются сквозь такую мощную чиновничью стену, через эти аттестации, ведомственные, по существу. Другое дело, если бы в эти аттестационные комиссии были включены эксперты, выбранные самим автором образовательной программы, но ведь этого же нет. А ведь эти комиссии станут постоянными, сплотятся и будут снова все против одного. В законе нет механизма общественного развития школы.

А. Землянский. Вынужден и согласиться, и поспорить. Основным понятием закона об образовании является «образование». Дано определение: «Образование — это целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства». Мне кажется, что корректнее было бы говорить об общественных, групповых и индивидуальных образовательных интересах. Иначе получается, что у государства есть свои образовательные интересы, а у общества — свои. И между ними есть противоречие, есть конфликт. Но разве государство не создано для того, чтобы защищать интересы общества?

Но коль скоро методологически такая норма задана — государственные образовательные интересы, — отсюда следует и государственная форма контроля удовлетворения этих интересов. И именно в такой иерархии: государственно-общественной. Государство будет контролировать стандарты образования, стоять на страже интересов... этого стандарта.

Ст. 7. Государственные образовательные стандарты.

1. В Российской Федерации устанавливаются государственные образовательные стандарты, включающие и национально-региональные компоненты.

А. Тубельский. Вот именно. Стандарт — это совсем непонятная позиция. В законе утверждается, что это основное, что будет защищаться и проверяться. Пока это звучит смешно, боюсь, что завтра это будет страшно. Никакого стандарта в образовании у нас нет, и никто не знает, как этот стандарт определить. Американцы пятнадцать лет потратили на разработку своих стандартов и постоянно их меняют. Конечно, парень с Чукотки должен иметь возможность поступить в московский вуз, за этим государству и следит. Сама идея стандарта мне понятна. Но что лежит в основе стандарта? Если так называемые обязательные результаты обучения, то уже никому не надо доказывать, что они не учитывают личностные особенности ребенка. Его коммуникативность, способность

учиться, его функциональную грамотность, рефлексию, воображение, чувство юмора, наконец. Что будет проверяться? Умеет или не умеет выпускник решать квадратные уравнения? Ну и что? Школа тогда вынуждена будет только этим и заниматься: натаскивать на решение квадратных уравнений. А инспектор будет проверять и контролировать: а почему у вас дети к зиме не знают, к примеру, строение цветка? Положено, чтобы знали. Господи, как это все знакомо, только теперь инспектор станет слугой закона и будет это делать от имени закона и России. Попробуй поспорь.

В чем все-таки концепция образовательного стандарта, кто и с кем ее обсуждал? Нашу ассоциацию никто не приглашал для обсуждения, насколько я знаю, свободный университет «Эврика» такого приглашения не получал, другие общественные организации — тоже. Значит, где-то такое обсуждение идет, но общественности к нему не допускают. Опять соборуют великие географы и будут спорить, сколько детям надо усвоить определенных

и директор школы прямо заявил: «Раньше мы хоть райкомом были нужны. Вызовет «хозяйин» руководителя базового предприятия и заставит школу ремонтировать, и теперь же мы вообще никому не нужны». А что это значит? Можете сколько угодно топтать на меня ногами, но это проявление патерналистского сознания. Мне нужен кто-то сверху, кто укажет бл, защитит за чьей спиной я мог бы спокойно существовать». И, чем сильнее этот «сверху», хозяйин, тем лучше. А если «сверху» не кто-то, а закон?

Л. Миронова, учитель математики частной школы «Экстерн», Санкт-Петербург. Мне нравится, как мы уговариваем друг друга.

Да мы-то согласны, давайте будем исполнять закон. Но помните анекдот про сумасшедшего, у которого был «комплекс пшена»? Его вылечили и спрашивают: «Ты ведь теперь знаешь, что ты не пшено, зачем же прятаться от курицы?» Он говорит: «Я-то знаю, что я не пшено, а вот курица не знает».

Мне кажется, что после знака общественно-педагогического движения, когда значительная часть людей из «клубного пространства», из движения за обновление школы, ушла в ведомственные административные структуры, началось ассимиляция негосударственной школы государством и дальнейшее огосударствление школы. Я согласна с Тубельским. Происходит все очень просто — новые механизмы исполнения закона не разрабатываются. Их нет. И все. Считается, что закон об образовании можно исполнить старыми способами, управления. То есть невидимая курица продолжает охоту за сумасшедшими.

Этот закон вообще написан непедagogическим языком. Там ничего нет про ребенка... Это канцелярит в худшем проявлении.

А. Землянский. Минуточку. Законы пишутся юридическим языком, и нельзя от юридического документа требовать педагогической специфики. По этой логике статьи уголовного права должны быть написаны на блатном жаргоне.

Л. Миронова. В Санкт-Петербурге есть частная школа «Тутти». К первому сентября педагоги этой школы сочинили оперу для детей и родителей о хождении директора частной школы за бюджетным финансированием. У этой оперы нет финала, произведена вель документальное, а летит пока не дают. И я так понимаю, что пока чиновники в силе, закон не работает. И они не заинтересованы, чтобы он работал. Выжилаком. Не со зла, нет. Просто не хотят прилагать лишних усилий. Авось пронесет, как уже было не раз. Не со зла, из осторожности...

Фото С. ШАХИДЖАЯНА. Стенографировал А. АДАМСКИЙ.

КОЛОНКА МИНИСТРА

ПРОЙТИ СКВОЗЬ ШТОРМ

Э. Днепров о положении в российских регионах

Россия огромна. И, конечно, положение учителя, да и вообще дела в сфере образования в разных регионах различны, картина самая пестрая. Но когда поездишь по России, понимаешь, сколь глубоки перемены.

Помню, в августе девяностого года мы собрали на совещание всех начальников отделов образования, министров — из областей, краев, республик России. Сказали им: проводите регионализацию образования. Вскрывайте тот асфальт, которым покрыта наша нива, и пусть у каждого региона будет собственное образовательное лицо, своя программа. Мы говорили: надейтесь на свои силы, не надо думать, что приедем мы, чиновники из Москвы, и дадим указания, инструкции и прочее. Приезжайте мы будем, но с совершенно иными целями. Наша роль — роль градусника, измерительного прибора: температура, давление, пульс. А думать, принимать решения — вам. Живите, развивайтесь... Из восьмидесяти человек, собравшихся на эту тему совещание, поразмыслив на эту тему согласились лишь шестеро. А сегодня у нас уже сорок шесть региональных программ.

Положение учителя в разных регионах, его самосушествие не одинаково — и в степени политической свободы, и в уровне духовности. Зависит это и от самого образова-

тельского корпуса, и от администрации, от того, кто там стоит во главе образования. И еще не могу сказать о таком мощном духовном факторе, каким была матвеевская «Учительская газета». Корни многих сегодняшних перемен — именно оттуда, из восьмидесяти селомого — восьмидесяти восьмого. Это хорошо видно: там, где всерьез в свое время поработали с газетой, где по-настоящему восприняли идеи «Учительской» тех лет, там — глубоко вспаханная почва.

Меня всегда беспокоило, что реформа образования движется тяжело — медленно и со скрипом. Но когда поездишь по России, убеждаешься: многое идет быстрее, чем думают. Гораздо быстрее. Именно поездки меня убедили — я даже на заседании правительства это высказал, не побоялся быть нескромным — что из всех сегодняшних реформ наиболее продвинута наша, реформа образования.

Просто поражаешься переменам, которые видишь. Да, учитель ниц, учитель сир. Но он уже другой. Трудно было даже предположить, что он так изменится. Нам бы пройти через сегодняшнюю зону экономического шторма как можно спокойней, наделать как можно меньше ошибок, почти неизбежных в этом бурном море. Но при любой буре можно отплыть на волю стихий, а можно — грести самому.

Ф. СП-1

Министерство связи СССР «Союзгиз»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал (индекс издания)

(наименование издания) (количество комплектов)

на 19 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная КАРТОЧКА

ПВ место ин-тер на газету журнал (индекс издания)

(наименование издания)

Стоимость подписки руб. коп. Количество комплектов: руб. коп.

на 19 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ — КРУПНЫЙ ГОД

Ф. СП-1

Министерство связи СССР «Союзгиз»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал (индекс издания)

(наименование издания) (количество комплектов)

на 19 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная КАРТОЧКА

ПВ место ин-тер на газету журнал (индекс издания)

(наименование издания)

Стоимость подписки руб. коп. Количество комплектов: руб. коп.

на 19 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Постарайтесь не пропустить ни одного дня рождения своих учеников. Каждый такой маленький праздник — прекрасный повод для отпущения грехов.

10 октября

Первое сентября

№6

10 октября 1992 г., суббота

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

Ташкентское соглашение

Стратеги образования бывшего СССР съехались в Ташкент на очень важное совещание. Там были министры образования, заместители министров, помощники и наш корреспондент. На этом совещании учредили постоянно действующую Конференцию Министров Образования государств - участников СНГ. Надеемся - надолго.

СТЕНОГРАММА № 5

Где оно, это будущее?

Событие, происшедшее накануне Дня учителя, окончательно убедило сомневающихся - все продается и все покупается. И даже то, что до недавнего времени казалось неприкосновенным - во всяком случае у нас, - интеллектуальный труд учителя.

Торг состоялся прямо на сцене Ваганьковского театра. Покупатель - управление образования Южного округа оценило авторскую программу московского педагога Антонины Алексеевны Талоновой, заведующей детским садом № 953, в 100 тысяч рублей, о чем и было торжественно объявлено перед всеми собравшимися на вечер работники образования Южного округа.

Самая виновница торжества, до последнего дня не ведавшая о предстоящей сделке, была растеряна и взволнована. Еще бы - такое не могло произойти ни Шапко, ни Сухомлинском. И даже в наши дни это верится с трудом. Остается лишь догадываться - что означает сие новшество органов образования? Способ поощрения талантливых учителей в духе времени? Или показательный урок государственным деятелям, до сих пор не способным оценить истинное богатство державы?

Фото С. ШАХИДЖАНИЯ

БЕСЕДЫ ПОД СТУК КОЛЕС...

Упущенное в школе потом не восполнишь.
Учитель. В моем детстве это был самый уважаемый человек, выше авторитета не существовало.
Чтобы в нашей неустроенной стране да не нашлось человеку работы!

Мы познакомились на Киевском вокзале, ожидая электричку Москва-Калуга. А потом провели больше часа в неспешной беседе под стук колес. Попутчиками оказались: пенсионеры Людмила Васильевна и Сергей Иванович КОНЫКОВЫ, Людмила Александровна ТКАЧЕНКО - мелестра из Наро-Фоминска, Галина Федоровна ПЛЮВА - воспитательница детского сада из Калуги, и газозлектросварщик Сергей, отец двоих сыновей. Уже в пути, на одной из остановок, к нам присоединился Олег Иванович БУКОВ, который работает в одном из московских НИИ.

Итак, электричка отошла от перрона...

Р. Фирстова. Позвольте представить: я корреспондент новой газеты для учителей, она называется «Первое сентября».

Галина Федоровна. Я помню, у нас в школе был учитель... Слово в слово расскажет нам материал из учебника, потом тот же параграф задаст на дом, на следующий день мы, как попуган, то же самое ему повторим. Ерунда какая! Все потому, что учителей не хватало, один учитель преподавал сразу несколько предметов. Учителю пения, кроме своего урока, вел еще и историю, и обществоведение, учитель физкультуры заодно учил детей геометрии и биологии, учитель немецкого - рисованию и черчению. Можете себе представить, какие из нас образованные люди получились!

после нее пришла учительница - ей памятник ставить надо. И что интересно: когда сына спрашивают, кто была его первая учительница, он Зою Петровну называет. О той, первой, словно забыл вовсе, как будто и не было ее вообще на свете. Хотя я-то знаю, что он ее помнит. Но для него она не существует. Теперь второй сын подросток. Мы с женой заранее волнуемся: какая у него будет первая учительница? Хорошо, если как Зоя Петровна...

Сергей Иванович. Я помню, в моем детстве учитель - это был самый уважаемый человек. Выше авторитета не существовало! Умнее, грамотнее человека не могло быть. Можно ли было представить себе, чтобы кто-то, неважно кто и неважно какого возраста, называл учи-

вучки: «Ирка, ты меня, говорит, искала?» Как вам это нравится? И Ксюша, ученица этой самой Ирки, рядом сидит.

Олег Иванович. А подписаться можно на вашу газету? И на приложения тоже? Я, пожалуй, рискну, подпишусь. Пока месяца на три, а дальше будет видно.

Людмила Александровна. Я бы тоже подписалась, но... Года три-четыре назад, помню, нависла валу всего на 160 рублей - и «Огонек», и «Литературку», и «Новый мир», и «Здоровье»... Целую охапку почтальон приносил. Мать как узнала, ахнула: «С ума сошла! Лучше бы пальто себе новое купила!» В этом году ни на что пока не подписалась. Ни на одну газету, представляете? Да и как выплывешь, с новыми-то ценами и правилами?

Сергей. Да Бог с ними, с газетами! Вы мне другое объясните: как можно за хлеб, молоко, картошку три шкуры драть? В Уренгое, в газете писали, батон белого хлеба 86 рублей стоит и вроде есть решение до 120 рублей цену повысить. И люди покупают, поскольку другого хлеба в продаже нет.

Людмила Васильевна. Но вы-то не в Уренгое живете. А там, наверное, и

Сколько живу, столько и слышу: потерпи, в будущем будет полегче.

Людмила Васильевна. Но вы производите впечатление вполне образованного человека.

Галина Федоровна. Спасибо, приятно слышать. Я окончила сначала педагогическое училище, потом институт, работала некоторое время в школе, преподавала русский язык и литературу, потом по семейным обстоятельствам пришлось из школы уйти, теперь в детском саду воспитываю малышей. Но знали бы вы, чего мне стоило восполнить пробелы в своем образовании! Исполняла все что могла достать.

Сергей. А вы думаете, теперь в школе лучше? Тоже учителей не хватает! Смотрю на тех, кто моего парня учит, и чуть не плачу. Одни перегружены просто до неприличия, тоже, надо полагать, что-то совмещают. Другие... как бы сказать помягче... Ни то ни се. Мой сын в пять лет читать научился, у него сейчас самый толстый формуляр в библиотеке, газеты от корки до корки прочитывает раньше меня... Хотя лучше бы он их не читал! С ним говорить - как с иным взрослым не поговоришь. Умница парень. Если ему учительница начнет из учебника материал рассказывать, он же ее уважать не станет.

Галина Федоровна. Вас послушались - волосы дыбом встают. Как будто в школе одни только, как вы их там... ни то ни се? работают.

Сергей. Да не обижайтесь вы! Конечно, в основном люди приличные, заслуживающие и доверия, и уважения. Так это же нормально. Но иногда попадаются такие... В первом классе, помню, сын принес домой дневник с замечанием. Учительница написала: «Пришел в класс в грязных ботинках... Ботинки, замечать, через «а». Так мой первоклашка аккуратно это «а» перечеркнул и сверху написал «о».

Хотите знать, что было дальше, или не стоит рассказывать? Из-за такого пустяка эта учительница затеяла многомесячную тяжбу с ребенком, отравила ему жизнь. Слава Богу, ушла в декрет и после этого больше в школу не вернулась, а вот

таньшину Танечка или Манечка? Без отчества. Только Татьяна Ивановна или Мария Васильевна, и непременно «на вы», во всяком слу-

КОЛОНКА МИНИСТРА

ВНАЧАЛЕ БЫЛО ДОВЕРИЕ

Э. Днепров о вечных ценностях образования

Задаю себе вопрос: в чем основной порок старой советской школы?

Если последовательно, шаг за шагом исследовать причины нынешнего кризиса системы образования, обязательно придется к выводу - главный порок образования в его обезличенности. Школа работает как бездушный механизм, результаты работы которого бывают поразительно неэффективными. Изменить механизм, может быть, даже сломать его - значит повернуть школу лицом к ребенку.

Школа не должна пугать или отталкивать. Она должна вызывать доверие. Доверие, в свою очередь, достигается уважением к личности ребенка, к его достоинству, принятием его личностных целей, запросов, интересов.

Если школа сумеет раскрыть и развить способности юного гражданина России, если она создаст условия для его полноценной жизни, для его самоопределения, все общество почувствует осязаемую отдачу.

Этот поворот школы и есть гуманизация ее. Мера развития ребенка - мера качества работы учителя, школы и всей системы в целом.

Новые для отечественного образования идеи - это своеобразный коперниканский переворот в нашем традиционно советском пе-

дагогическом мировоззрении. В сущности, чем отличается тоталитарное общество от демократического? В тоталитарном обществе человек - для государства. В демократическом обществе все наоборот. Государство существует во имя и для человека.

Точно так же и в школе. Не ребенок для школы и государства. Школа и государство - для ребенка.

Еще одно соображение, касающееся гуманизации системы образования. Сейчас нам приходится отказываться от традиционных взглядов на культуру только как на наследие, как на предмет складирования и пользования. То есть приходится отказываться от потребительского отношения к культуре.

Школа - составная часть культуры, быть может, одна из важнейших. Как и культура, образование в целом предстает сегодня в своем истинном, объемном виде - как сфера наследия, деятельности и отношений.

Эти мысли - не приобретение сегодняшнего дня. Такой подход к школе мы разрабатывали еще в конце 80-х годов, когда и закладывалась основа новой философии образования, философия нынешней российской образовательной реформы.

Сейчас эти принципы нам всем придется воплощать в жизнь.

зарплаты другие, может, там это и не слишком дорого. Чего ж вы так расстраиваетесь?

Галина Федоровна. Надо как-то перетерпеть это время. Дальше должно быть легче.

Людмила Александровна. Сколько живу, столько и слышу: потерпи, в

будущем будет полегче. Да где оно, это будущее? Оно, как горизонт: идешь к нему, идешь, а оно все дальше от тебя! Я вот смотрю на свою маму: сколько ей пришлось в своей жизни пережить! Она своего отца, моего дедушку, и не помнит. Совсем крошкой была, когда он на войну шел. А кроме мамы, еще трое ребятшек у бабушки было. Как ей было тяжело с ними! Мама рассказывала: чтобы с голоду не умереть, бабушка все из дому продала. Одну вещь как святыню берегла - дедушкины часы.

(будь он трижды проклят!) репрессии... У Сергея Ивановича - вы его спросите - отца расстреляли, мать в лагерях сгноили. У меня дед репрессировали, вернулся больной, не долго прожил. Вы, молодые, не знаете, что такое с ума сойти от любого ночного звонка, и не надо этого знать! У вас все впереди, может, хоть вы по-человечески поживете. Трудно, конечно, да что поделешь? Жить как-то надо...

Олег Иванович. Так-то оно так... Но иной раз совсем беспомощной букашкой себя чувствую! Вот

Как подумаю, что могу потерять работу, колени подгибаются! Куда я пойду? Кому я нужен?

Но и их на хлеб обменяла. Принесла с рынка большую буханку, сама плачет и приговаривает: «Ничего, папочка с войны придет, денюжек много заработает, и мы ему другие часы купим. А теперь зато хлебушка наедемся!» Стала буханку резать, а нож не идет. Как-то это сволочь бездушная, оказывается, в нее камень здоровый застрял. Мама маленькая была, а вот запомнила это, видно, очень болящим для нее это было потрясением. Такое у нее детства было... И дальше - не слаще. Вся жизнь работала не покладая рук и сейчас ни минуты без дела не сидит. Все лучшее судьбу не себе - мне и брату моему строила. А ее «светлое будущее» - вот оно...

Людмила Васильевна. Вы по рассказам своей мамы такие вещи знаете, а мы сами все пережили: и войну, и послевоенные годы, и сталинские

меня предупредили о том, что в нашем отделе намечается сокращение и первый претендент на вылет я. И хоть зарабатываю немного, и работа, признаться, давно меня не устраивает по многим причинам, а как подумаю, что могу ее потерять, колени подгибаются. Куда пойду? Кому я нужен? Мне до пенсии какой-то десяток лет остался, а я что, переучиваться должен? Я наводил на всякий случай справки, по специальности не устроюсь, это факт. Не представляю, как жить без работы!

Людмила Васильевна. Чтобы в нашей неустроенной стране да не было работы! Сколько всего надо рассчитать, убрать, построить, в порядок привести, нашить, натачать, отремонтировать... Я этого не понимаю, извините! Или на худой конец помоги мне огород на даче вскопать, а тебе заплачу, а я пойду с твоим ре-

бенком понаучусь, пока ты в дом отдыха на выходные с женой съездишь отдохнуть. Ты мне ремонт в квартире помоги сделать, а я и тебе, и твоим домашним носков на три зимы навяжу.

Олег Иванович. Как у вас все просто!

Галина Федоровна. А может, и не надо ничего усложнять? У меня двенадцатилетний племянник своей маме, моей сестре, на подарок ко дню рождения деньги зарабатывал. Хотите знать, что он ей подарил? Кофейный сервиз за шесть тысяч рублей! И еще на кепочку фирменную себе кое-что оставил. Я его за работой видела - умора! Стоит и верещит на всю улицу: «Покупайте свежие газеты! В них вы можете прочитать о...» - и выдает краткую информацию о том, что в газете написано. Люди покупают.

лион автомобилей и продавать их по десять тысяч. А можно - десять штук и получить в сумме те же деньги. Можно построить сто домов и поселить в них сто семей. А можно выстроить один дом и продать его одному миллионеру. Деньги те же, а затрат - и физических, и материальных - насколько меньше. Вот вы говорите - работай, зарабатывай... А какой мне смысл надрываться? Какой стимул работать? На машину я все равно не накоплю. Хотя о машине я долгие годы мечтал, даже пытался что-то откладывать, думал, хоть старенькую какую-нибудь куплю. Не довелось. А может, и к лучшему. Бензин-то нынче в какую цену!

Сергей. У меня приятель тоже долго на машину деньги копил. Влез в долги. Во всем себе отказывал, но купил все же. Не машина - груда железа. Никто не верил, что

Вот вы говорите - работай, зарабатывай... А какой мне смысл надрываться? Какой стимул работать?

Олег Иванович. И что же, вы мне предлагаете перешагнуть?

Галина Федоровна. А почему бы и нет? Я у вас с удовольствием «Первое сентября» со всеми приложениями куплю и спасибо скажу. А уж если вы мне домой принесете да в почтовый ящик положите... Слушайте, да неужели на этих грабительско-связистов управы нет? Ведь они просто над нами издеваются! Дошло до того, что их услуги по доставке газет дороже самих газет становятся. А потом, это просто унижение - чинишь какие-то будут мне диктовать, что мне выплывать, а что нет. Причем не на год, как я привыкла, а на полгода. Нет, что-то надо делать!

Людмила Александровна. Я на днях ждала подругу у метро. Хотела купить газетку какую-нибудь, чтобы время скоротать. Там масса киосков, в том числе и под вывеской «Союзпечать». И все они торгуют одними и теми же коммерческими, намозолившими глаза мелочами. Все! Я ходила, ходила... Ни одного киоска не пропустила, но газету так и не купила. Нет, я не против коммерческой торговли. Пусть их в сто раз будет больше, этих киосков. Но нельзя же так! Раньше газеты и журналы во всех киосках продавались, а теперь где их искать?

Олег Иванович. Все говорим: рынок, рынок, а как-то он сложился еще, наш рынок... Пока что он, с моей точки зрения, больше на вульгарную барачную смахивает. Все-таки нормального рынка без избытка товаров я не могу представить. Я так себе представляю: накопил я, допустим, на своем огороде десять мешков картошки. Семь себе оставил, а три у меня лишние, я их продал. А если я вырастил всего пять? А деньги позарез нужны! Я себе четыре оставлю, буду как-нибудь перебиваться, а уж если пятый мешок нужна заставит продать, так я максимальную цену возьму. И если картошки мало, если я вдруг один со своим мешком на рынке окажусь, я уж не постесняюсь. Вот и у нас сейчас так получается: вместо десяти мешков картошки на рынке - всего один. Производство-то сокращается. Холодильников, телевизоров и прочего больше, думаете, выпускают? Не радуйтесь, что они спокойно в магазинах стоят, это оттого, что не по карману. Можно выпустить мил-

она когда-нибудь с места стронется. Представьте, восстановил. Поехал! Правда, без смеха на эту «антилопу» смотреть было невозможно, а Гришка радуется как ребенок: «Ничего, я ее доведу до ума, будет как новенькая!» Года три доводил, пока не довел... Короче, ушли у него машину. А он еще долги за нее не отдал. Я вот что думаю: тот, кто угонял, он, что не видел, на что позарился! Получите себе машину не нашу? Не понял, что у него отнял? Для кого-то «мерседес» последней марки - тыфу! А для Гришки его развалюха - единственная радость в жизни. Он сколько лет, можно сказать, не пил, не ел, чтобы ее купить и восстановить!

Сергей Иванович. Может, найдут еще? В миллионно-то зашли?

Сергей. Ну да, найдут! Ее, небось, сразу же на запчасти разобрали и продали по частям. Вы знаете, сколько эти железки теперь стоят?

Галина Федоровна. Послушайте, а не сменить ли нам тему? Что мы, как старухи на скамейке, все о цене да о цене! Неужели больше не о чем поговорить? Есть же на свете кино. Театры есть...

Людмила Васильевна. И в самом деле. Вот не умеем мы себе праздник создавать. Соборяться, приодеться, хорошими духами подухнуться - пойти в театр! Когда-то мы частенько с Сергеем Ивановичем ходили. Столько хороших спектаклей посмотрели, а каких артистов на сцене видели! Иных уже и нет на свете, а все помнятся их роли. Давненько мы, правда, в театре не были... Но вот дочка с зятем недавно ходили на спектакль. В антракте зашли в буфет. А там цены! Впрочем, о чем это я? Тыфу! Поговорила о театре!

За окном электрички замелькали пригородные кварталы, и наконец нам объявили, что следующая станция - Наро. И мы расстались. Наверное, навсегда.

Стенографировала Р. ФИРСТОВА

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Любой разговор с родителями начинайте с перечисления достоинств их ребенка. Если таковых не находится - выдумайте их.

Первое сентября

№7 13 октября 1992 г., вторник

Вы блестящий учитель, у вас прекрасные ученики.

НАСИЛИЕ ОТ БЕССИЛИЯ

Эпидемия насилия захватывает школы. Кто же мы все, от учителя до министра, если не можем защитить своих детей? В этом и следующем номере в второй полосе читайте педагогическое исследование Василия Кольченко, врача-кардиолога из клиники Н. Амосова: в чем причина насилия в школе?

СКОЛЬКО ПОТряСЕНИЙ, но ШКОЛА ЖИВА, И ТРАДИЦИИ СОХРАНЯЮТСЯ

СТЕНОГРАММА № 6 Из хорошей школы

О ЧЕМ ДУМАЮТ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Они смотрят на нас с удивлением и интересом. Ждут вопросов. И немного волнуются. Пять лет назад мы закончили эту школу. А теперь сидим в пустом солнечном классе с нашими бывшими учителями: Татьяной Стефановой (наш классный руководитель, преподает английский язык), Татьяной Алексеевой (ее специальность — история), Галиной Михайловной и Ольгой Владимировной (преподаватели русского и литературы). Мы — их ученицы, и мы снова на уроках.

Галина Михайловна. Мы о вас все время помним. Приду к Татьяне Стефановне, когда уж плохо совсем, вспоминаю ваш выпуск, предыдущие... Там у нас очень сильные были ребята. А двадцать лет назад, когда школа открылась? Как же у нас были дети... Иногда кажется, что советской интеллигенции как таковой и нет. Семнадцать лет назад прежнее общество, традиции. Но в каких-то семьях это осталось. Ребята из таких семей очень много читали, могли найти любую книгу, даже самиздат. У нас можно было не бояться читать самиздат. И не боялись.

Татьяна Алексеевна. Книгу читал весь класс. У нас просто не было с этим проблем. Если мы называли какую-то книгу, то знали, что она будет найдена и прочитана. Они находят ее...
Татьяна Стефанова. И в обычную очередь вставала, меня, говорю, запишите.
Галина Михайловна. Я помню, «Дети Арбата», еще не изданные

там нет. Учитель пришел, свое отговорил, положенные часы отдал, ушел. Его вовсе не волнует, что творится внутри класса: кто с кем дружит, кто с кем подражал, кто в кого влюбился... Мы же берем на себя не только функции учителя, мы еще и няньки, еще и воспитатели, мы привыкли с ними возиться, мы — это все. Когда берешь маленьких, пятый класс, и доводишь их до одиннадцатого, тогда учитель и ученик становятся друзьями. К нам приходят не просто бывшие ученики — приходят друзья. Ты разговариваешь с ними обо всем, и они выкладывают тебе все.

Татьяна Стефанова. Мы знаем, у кого какие белы, у кого какие проблемы. Причем говорят такие вещи, которые они своим родителям никогда не скажут.
Галина Михайловна. Школу упрекают в том, что она консервативна, но мне кажется, что и в консервативности есть свой плюс. Когда все так быстро разрушается, у нас еще не успело разрушиться многое.

мнех, после уроков, по телефону, встретившись в булочной.
От оценок и подложных справок, которые исправно строили для всех одним, самым взрослым почерком, разговоры незаметно переходили к вещам более серьезным. Мы сочиняли друг другу судьбы невероятные и счастливые. Мы читали стихи и настойчиво искали смысл жизни, наверное, смешно и по-детски, а иногда — неожиданно точно. И теперь, разбирая записки тех лет, писанные на разных уроках, удивляешься и радуешься...
— Какой ты меня считаешь? (вообще такой вопрос!.)
— Очень интересным человеком. А ты меня?
— Мне последнее время хочется кричать: «Я люблю жизнь!»
— Я тоже люблю, но у меня сейчас не то настроение...
— Вчера в «Карнавальную ночь» видела талию молодой Гурченко.
— И я видела. Особенно в черном платье. Ноги у нее самые заурядные, а плечи уж слишком покатые.
— Она, кстати, вообще сутулая...
— Что на данный момент тебе дороже, главное, ценнее? Одно что-то. Например, моя мама в том году говорила, что самое главное в жизни — любовь.

— Я согласна с твоей мамой.
— А на данный момент?
— Самое главное — быстрее кончить школу!.

Фото А. БАРАНОВА, г. Таллинн.

Спят дети на уроках, наработались. Машины моют, газеты продают...

книгой в «Дружбе народов», обошли весь ваш класс.
Оля. Ну а сейчас? Не читают? Почему так происходит? Ведь учатся дети ваших бывших учеников...
Галина Михайловна. Вот вы сейчас на много журналов подписались? Раньше я подписывалась на пять журналов, несколько газет, а теперь думаю: хватит ли мне на мою любимую «Литературную газету»? Всегда подписывалась на «Новый мир», это жизнь, пока себя учителем помню. Когда появляется какая-нибудь новинка, я говорю детям, принесите. А в библиотеке один экземпляр, сразу очередь читать.

Все-таки школа... у нее остался фундамент, свои нравственные ценности, свои ориентиры...
Из истории нашего 10 «Б»
Школу мы любили и прогудивали редко. Так, если только физ-ру или НВП. Устройством автомата Калашникова, впрочем, мы освоили вполне. В классе нашем было тридцать девочек и шесть мальчиков. Из последних всеобщей любовью

Оля. Ну а сейчас? Не читают? Почему так происходит? Ведь учатся дети ваших бывших учеников...
Галина Михайловна. Вот вы сейчас на много журналов подписались? Раньше я подписывалась на пять журналов, несколько газет, а теперь думаю: хватит ли мне на мою любимую «Литературную газету»? Всегда подписывалась на «Новый мир», это жизнь, пока себя учителем помню. Когда появляется какая-нибудь новинка, я говорю детям, принесите. А в библиотеке один экземпляр, сразу очередь читать.

лит преодолеть сегодняшнее хищническое отношение к природе, наше экологическое невежество. Господствующая партократия была безответственна перед историей и перед природой, обществом, человеком.
Почему же мы так поздно вспоминаем о гуманитарной составляющей образования, которая всегда была его сердцем?
Человек, как и общество, к сожалению, вспоминает о сердце тогда, когда оно начинает болеть, когда не выдерживает нагрузок. Вот и сегодня наше сердце, наше образование не выдерживает нагрузок технократизма. Кризис — отражение общего кризиса технократического менталитета общества. Образование пожинет его плоды, но оно же и призвано изменить ситуацию.

Оля. Это даже страшно.
Татьяна Алексеевна. Так вот, школа как раз и бьется над этим. Мы теряем поколения. Школа недополучает от государства дотации, а у государства на это тысячи причин. У нас как всегда было? «Дети — наше будущее», и все-таки под эти лозунги, худо ли бедно, но подвозили материальную базу. И в 50-е годы советская школа была одной из лучших в мире. Наша средняя школа. Японцы ездили к нам учиться и брали нашу систему за образец.
Мне, например, ужасно обидно, когда я встречаю бывших своих учеников, которые сейчас в сфере достаточно крупного бизнеса, они говорят: «Я своего ребенка отправил учиться за границу. Он здесь учиться не будет». Я хочу сказать, в защиту нашего образования, как бы его ни ругали и ни шпыняли. Мы даем фундамент, которого не даст частная школа. Да, мы рассчитываем на среднего ученика, и это плохо. Но те ребята, которые имели возможность поехать за границу, учились в частных школах Соединенных Штатов, говорили мне, что у нас учиться намного интересней. Мы даем больше, чем американская система, когда ученик сам выбирает себе предметы. Духовной связи между учителем и учеником

Я не сторонник антагонизма гуманитарного и технократического взглядов на образование. Само просвещение может и должно быть интегральным, вбирать в себя оба начала. Но акцент смешается сегодня на гуманитарную составляющую. В противном случае мы поставим образование и культуру в противостепенное, опасное положение.
Роскошь таких ошибок непозволительна. Нам надо понять простую вещь. Реформа образовательной системы лежит в сфере стратегических и тактических задач тех глобальных социально-экономических преобразований, которые проводятся в России.

КОЛОНКА МИНИСТРА ЧЕМ ЗАПОЛНИТЬ ВАКУУМ Э. Днепров о гуманитаризации образования

Один из ключевых моментов реформы российского образования — его гуманитаризация. Гуманитаризация не только противостоит утилитарному технократизму нашей прежней советской образовательной системы, небрежению к человеку и духовным ценностям. Она связана с общими изменениями в характере мышления человека, живущего в конце XX века.
Гуманитаризация — по сути отказ от традиций, которые за последние 200 лет сложились в мировой системе образования под влиянием рационалистического, технократического взгляда на мир как на неодушевленный и расчленяемый в процессе познания механизм. И неважно, идет ли речь о человеке, природе или обществе.
Гуманитаризация образования направлена на его поворот к целостной картине мира. Прежде всего — мира культуры, человека. Она предполагает очеловечивание знаний, формирование гуманитарного и системного мышления.
Думаю, гуманитаризация образования является главным средством восполнения духовного вакуума, который возник с крушением старых коммунистических идеологических догм.
Она должна стать источником формирования новой социальной идеологии, способной изменить образ общественного мышления.
Еще одно важное свойство гуманитаризации заключается в том, что новый тип мышления позволялся пользоваться одним, и была у нас еще слабость — учитель математики (замечательный педагог — это мы без горки и неспустив, а вот учитель — весел и по временам итри. О его симпатиях и антипатиях мы узнавали по количеству вызовов к доске и чередке двоек в журнале.
Еще мы любили болтать. На пере-

все-таки еще не совсем обычная, с девятого начинается математический класс. Выпускники идут в университет, серьезные технические вузы. Но в последнее время все чаще и чаще слышишь: «А нужно ли сейчас получать высшее образование, когда можно пойти в совместное предприятие?» Они даже не хотят получать общего образования.

Оля. А дети-то еще остались хорошие?
Галина Михайловна. Наш микрорайон вообще хороший, школа наша неплохая, есть желающие поступить именно в нее. И конкурс есть, и какой-то отбор.
Татьяна Алексеевна. И коллектив учительский держится.
Катя. Какими силами, каким приращением?
Татьяна Алексеевна. Наверно, потому, что мы народ консервативный, за что нас много ругали и били. Мы еще сохранились.
Татьяна Стефанова. А школа — это как наркотик, без этого жить невозможно.
Татьяна Алексеевна. Подумайте, например, о том, чтобы куда-то уйти, и становится страшно: а как там будет?
Ольга Владимировна. Меня зовут в родную школу, в которой я училась. Обещают больше двух ставок русского и литературы. А сюда я от дома добиралась полчаса. Но душой прикинула и к детям, и к коллективу.

Галина Михайловна. Я еще хочу сказать о наших традициях. Потому что все учителя, ушедшие на пенсию, они как-то остались среди нас. И я всегда оцениваю себя по сравнению с ними.
Катя. Наверно, это ощущение связи — самое важное.
Татьяна Алексеевна. Моему поколению, когда мы пришли из института, было у кого учиться. Работали такие зурбы, мы ходили к ним на уроки, хотя, казалось бы, что мне делать на занятиях русского языка и математики? Мы учились на хорошем уровне. Этим мы еще только и живем. Вот этим. Вся жизнь мы работаем не из-за денег, а за идею. И с иронией говорим учительской: «Пойшла спать...» Но, наверное, в этой иронии есть доля истины. Мы все-таки еще проложим себя, и бьемся, и колотимся, и спорим, и страдаем. У нас вечные разговоры о школе. Если где-то идут разговоры о трипках, магазинах, у нас, как только собира-

ется больше двух учителей, вечные проблемы: а вот Сидоров то, а Иванов то. От этого мы не можем отойти. И в этом — своя радость.
Галина Михайловна. Дети — они еще чистые, не испорченные обществом, с ними легко работать, приятно.
Татьяна Алексеевна. И профессия заставляет тебя учиться всю жизнь. Ты не можешь остановиться, иначе остановится твое развитие. Дети заставляют тебя учиться.

Оля. Татьяна Алексеевна, а как вы учите своего сына? Вот вы, педагог. Он у вас в первый класс пошел?
Татьяна Алексеевна. Я отдала его в хорошие руки, для детей огромное значение имеет первый учитель. Кому ты его отдашь, кому он попадет, так он и пойдет дальше, не случайно ведь, когда мы берем классное руководство, спрашиваем: а чей это был класс?
Оля. А как вы проводите теперь родительские собрания, о чем говорите? Они еще существуют, родительские собрания?
Галина Михайловна. Существуют. К старшему классу, правда, родители меньше приходят. Но в учителя все-таки видят своего друга. Потому что на собраниях услышишь много такого, чего сам бы не узнал. И родители помогают, несмотря ни на что, все-таки родители очень помогают. Я в прошлом году взяла пятый класс и без родителей, наверно, не сделала бы и половины. Они доставили очень хороший абонемент от истории Москвы, о древних храмах. Мы ездили и в Новодевичий монастырь, и в Коломенское.

Галина Михайловна. У нас в школе с этого года арендовали помещенье для частного лица. И очень интересно это соседство. Родители платят три с половиной тысячи за ребенка в месяц, они могут выбрать учителя. В классе около двенадцати человек. Дети пошли туда в основном по двум причинам: во-первых, есть какие-то особенности и родители не хотели бы отдавать ребенка в обычную школу, и во-вторых, те, у чьих родителей толстый кошелек,

Там очень много дисциплин, не- сколько языков...
Татьяна Стефанова. Неизвестно, будет это лучше или хуже.
Галина Михайловна. Сейчас кругом лица, гимназии, частные школы, все по своим программам. Многие школы сотрудничают с институтами. В этом, я считаю, больше плюсов.

Мы продолжаем жить: и бьемся, и колотимся, и спорим, и страдаем... Но мы — счастливы.

Катя. Расскажите, пожалуйста, куда сейчас идут учиться ваши одноклассники? Это же так трудно, по-моему, — выбирать.
Ольга Владимировна. Многие нацелены на коммерческие вузы, экономические.
Галина Михайловна. Потому что модно.
Оля. Это не модно, просто стиль жизни.
Ольга Владимировна. Я с ужасом думаю о том, что мы их вроде бы учим, а как им быть дальше, стоит ли вообще получать высшее образование? Смотрю я на свою сестру, которая сейчас заканчивает МИФИ со свободным распределением, и деваться ей, физик-ядерщику, просто некуда. И если раньше она смеялась надо мной и говорила: «Фи, училка!», то теперь у моей сестры коренным образом изменилось ко мне отношение, она говорит: «Я подумываю, не пойти ли мне в школу преподавать математику или физику». А ее муж, физик-теоретик, умнейший человек, вынужден был взять у папы-кооператора денег для приобретения столика, и сейчас продает матрешек на Арбате, чтобы как-то содержать семью.
У меня десятый класс. Ну хорошо: два года я буду вести, а что дальше? Как они будут устраиваться в жизни? Мне об этом даже думать жутко.

Татьяна Алексеевна. Ну а наши мальчишки? На пятом они теперь курсы, говорят: «Если бы мы знали, что выйдет из института безработным, мы бы туда никогда не пошли. Во имя чего мы трудились?» А ведь, маткласс, у нас это очень серьезно. Это сидение за книгами с утра до ночи, даже в метро занимаешься. И они теперь видят, что все

это бесполезно. Все подрабатывают, в институт не ходят.
Галина Михайловна. Получается, что молодежь, которая вышла из института, никому не нужна. Но в то же время ребята из прежних выпусков, они все с высшим образованием, хорошо устроились. У нас очень многие процветают.
Оля. Они устроились не за счет своего высшего образования. К брату на день рождения недавно пришел его школьный друг. И вот он говорит: «Если подумать, Володь, кто из нашего выпуска произведет какие-то материальные ценности? Чем люди занимаются?» Их бывшая одноклассница, например, имеет два курса вечернего юридического образования, получает 56 тысяч на какой-то полусекретарской работе в банке.
Галина Михайловна. Вот это самое печальное, что у нас никто ничего не производит, все в каких-то фирмах, все что-то перепродают...
Татьяна Стефанова. Из бедных моих знакомых, занятых коммерцией, есть только один человек, которого я глубоко уважаю. Портной, у него свое производство, и работает он на уровне мировых стандартов. От Бога ему дано. Сорюк лет мужику, начал сам, без всяких образований. Мы были первыми клиентами его когда-то. Ему не стыдно платить деньги.
Оля. Поколение отцов сейчас ругается, говорит, что это нехорошо, что это спекуляция. А что делать молодому человеку, у которого семья?
Ольга Владимировна. Вот, счастливого случая портного...

Галина Михайловна. Молодые сейчас почти не заводят семьи — жить негде. С родителями жить не хочется. Я помню себя молодой, была мечта бы уехать от родителей.
Ольга Владимировна. А мы сейчас, наоборот, съездились, живем вместе, потому что поняли, что по отдельности не продержаться.

Галина Михайловна. И все-таки не так все плохо. Островки духовности, они-то есть. Ведь за последние время какой пласт литературы понаписали, сколько книг, которых раньше не читали!
Оля. Я даже в чем-то завидую нынешним детям. У нас в десятом классе было всего три поэта: Блок, Есенин, Маяковский.
Галина Михайловна. И музеи еще существуют. Я даже не знаю, как.
Оля. А так же, как школы.
Галина Михайловна. Это просто полнотики.
Ольга Владимировна. В пятом классе изучение Библии ввели. Учебники выпустили, правда, очень странно составленные, как-то все в них налегало. Но, во всяком случае, там есть интересные статьи, отрывки из Библии. Какие-то свдвиги все же происходят...
Галина Михайловна. Оптимизм есть в русском человеке. Исторически это очень сильный характер. Ведь сколько потрясений! Я смотрю на своего папу: он пережил и революцию, и гражданскую, и коллективизацию, и Отечественную войну. И выжил, и живет, и идея у него какая-то есть. Я с ним иногда разговариваю и думаю: Господи, как же ему удалось сохранить веру, патриотизм? Он верит, что наши беды временные, что это все пройдет. Он говорит, ну вот, выжили же мы, пережили, умирала совсем нация, а пережили... Наверное, все-таки заложено что-то в нас такое.

Галина Михайловна. И люди все же покупают книги — и по пятьдесят рублей, и по сто. А в нашей работе... Вот есть в классе три-четыре светлых лица, и ты счастлива, тебя слышат, тебя понимают.
Ольга Владимировна. Если говорить не только то, но и ученики, ты счастлива еще больше — урок состоялся.

Татьяна Стефанова. Все-таки мы странные люди. Вот бывает, хороший урок — ой, какое состояние у тебя! Просто на крыльях! У нас — живое все, настоящее.
Галина Михайловна. Дети дают нам молодость вторую. Оля, а как ваши девочки ощущают себя в жизни, ваш класс?
Оля. Все так же растерянные, по-моему, теперь. Из нашей «женской гимназии» лишь немногие похихикали замуж. Все куда-то поступили. Неловко встречать Женю Малову, она учится в педагогическом на рисовании. Жалуйста: «Оля, ну кому нужно это мое образование? Надо было идти в коммерцию». А она прекрасно рисует, очень талантливая девочка. Элла Комарова. Закончила библиотечный факультет института культуры, она говорит: «Да я в жизни не буду работать по специальности. И я опит как будто поспе школы. Сейчас буду осваивать язык, компьютер, буду заново все учить».

Оля. Мы встречаемся классом, я чувствую наше единение, хотя мы разбегались.
Галина Михайловна. Очень обидно, что вы остаетесь невостребованными.
Оля. Мы выкарабкаемся. Ну, переждем. Главное, чтобы внутри был стержень...
Татьяна Стефанова. А у ваших стержень есть?
Оля. Чтобы было ощущение себя и единомыслия вокруг. Пусть этих людей немного, но ты знаешь, что они есть.
Татьяна Стефанова. Для того, чтобы двигаться вперед, нужны будут хорошие головы, мы, учителя, еще понадобимся. Жаль, что многие уехали из страны, но ведь не все. И коммерсанты наши скоро поймут, что без светлых голов они ничего сделать не смогут.

Стенографировала
Е. ПЕРОВА, О. СЕРГЕЕВА,
студентки МГУ.

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Не бойтесь предсказывать ребятам прекрасную судьбу. Чаще всего сбываются парадоксально хорошие прогнозы.

10-е сентября

№8

15 октября 1992 г., четверг

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

Подпишитесь на богатство

Десять приложений к нашей газете — ваше богатство. Можно подписаться на «Физику», «Химию», «Математику», «Историю», «Литературу», «Начальную школу», «Здоровье детей», «Биологию», «Английский язык» и «Географию». И тогда вы будете получать пособия по почте — каждую неделю.

ЧЕМ БОЛЬШЕ СТРАННЫХ ЛЮДЕЙ, ТЕМ БЫСТРЕЕ МИР МЕНЯЕТСЯ К ЛУЧШЕМУ

СТЕНОГРАММА № 7

Из педагогического колледжа

Мы все сегодня на перепутье: происходит слом старой системы, утрачены привычные ориентиры, меняется образ, стиль нашего существования. Но есть люди, которые не хотят поддаваться чувству всеобщего уныния, стараются честно делать свое дело. О нашей жизни — о зле и добре, о любви и войне, о вечном и сиюминутном — говорят преподаватели и студенты Московского педагогического колледжа № 12: заместитель директора Геннадий Николаевич Дульнев, преподаватель Станислав Эдуардович Чернец, Марина Волкова и две Кати — Майлат и Федина.

О ЧЕМ ДУМАЮТ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Катя Майлат. Жизнь сегодня — какая-то нервная, дерганая. Иногда думаешь: что же мы все такие злые? И, главное, злые по мелочам. Чуть что: хлопнуть дверью, накричать, взорваться.

Марина. Я-то как раз могу хлопнуть дверью из-за чего-то пустячного, но очень серьезного.

Станислав Эдуардович. Последняя капля. Такая мелочь, которая вызывает резкую реакцию, вызывает взрыв, называемая в психологии последней каплей.

Марина. И все-таки о своих поступках, пусть даже резких, я не жалею.

Конечно, очень важно уметь правильно себя оценивать — свои силы, свои возможности. Но для того, чтобы быть уверенной в себе — пусть это и звучит странно, — надо любить себя.

Станислав Эдуардович. Любить себя — тогда тебе легче будет полюбить другого... Что ж, это один из вариантов, который поможет в сложных жизненных ситуациях.

Хотя в привычном для нас представлении такой человек — попросту эгоист.

Геннадий Николаевич. Но есть и концепция всеобщей любви — это характерно, скажем, для китайской философии. Принцип этой философии: надо вращивать в себе любовь не к отдельному человеку, а ко всему человечеству, культивировать чувство уважения ко всему, что тебя окружает. Ибо только в единении с природой, со всем человечеством, только через всеобщую любовь можно понять и полюбить тех, кто рядом с тобой.

Катя Федина. Трудно рассуждать о всеобщей любви, когда видишь постоянно грубых, нервных, раздраженных людей. В очереди, в транспорте, на улице... Мысли у всех не о том, как бы кому добрее дело сделать, а где достать, где по дешевке купить — подороже продать. Говорить сегодня о любви к ближнему...

Катя Федина. Но это же можно понять. У всех свои семьи, близкие люди, которых надо накормить, свои проблемы.

Геннадий Николаевич. На самом

деле деле жизнь стала жестче, грубее или это только кажется? У нас ведь это всегда было. И в магазинах нам хамили, и в очередях мы ругались, и в автобусах рывками, если на ногу наступил. Но общий фон жизни был другой, и эти мелочи не очень-то задевали внимание. А сегодня — ведем болот, ведем раны. И не только потому, что в магазинах дорого, не потому, что единственные мысли,

Только в единении с природой, со всем человечеством, только через всеобщую любовь можно понять и полюбить тех, кто рядом с тобой.

где-то достать, где купить. Мне кажется, нервная эта, назлектризованная атмосфера из-за того, что сломался привычный образ жизни. Какие-никакие, но были принципы, были идеалы, установления, по которым мы жили, все было понятно и привычно, были свои радости. Сегодня же все круто поменялось. И любая мелочь в такой ситуации кажется чуть не катастрофой. Все обострилось. Огненный провод никто не убьет, пока до него не дотронешься. А мы чуть что — колотимся об этот провод. Вы поем-трите, даже мать со своим ребенком как разговаривает? По любому, пустяку — она уже в крик. Будто искра электрическая между ними проскакивает...

Станислав Эдуардович. Так что же все-таки изменилось?

Что произошло: слом идеалов или перемена привычного образа жизни?

Геннадий Николаевич. Мы стараемся поменять нашу жизнь: то, как мы жили, на то, как мы хотим жить. А как мы на самом деле хотим, никто только не знает. Разрушились ложные идеалы. Но разрушаются ведь и какие-то необходимые вечные устои. Говорят: возродятся религиозные ценности. Но не слишком ли много здесь позитивного, не от сердца идущего?

Рухнутся представления о том, что знания — это ценность. Высшее образование? Зачем? И без него прожить можно, прожить неплохо, не

обременяя себя постижением наук и искусств. А как же сегодня социальный статус учителя? Не должно быть так, чтобы учитель находился на низшей ступени социальной лестницы. Пусть это пока не очень заметно, но потом это больно ударит по всему обществу — такая недооценка роли знаний, роли интеллекта.

Станислав Эдуардович. Да, се-

из-за денег. У нас сейчас стипендия — шестьсот тридцать...
Станислав Эдуардович. Да, те, кто пришел к нам или в такое учебное заведение, как наше, они понимают: всех денег не заработаешь, есть еще что-то, кроме разных банкнотов разного достоинства...
Марина. У нас, мне кажется, вообще особая группа. Очень интересно учиться.

Катя Майлат. Когда окончим, станем школьными психологами. Все-таки сейчас обстановка в школах... Есть, конечно, хорошие учителя. Но сколько таких, кто кричит в своей душе, кто убивает у них веру в свои силы!

Катя Федина. Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с какой-то болью, со своей жизненной проблемой. Я смогу ему помочь не потому, что у меня большой жизненный опыт, но просто я лучше знаю психологию человека, его поведение, может быть, смогу ему что-то посоветовать, спланировать внутреннюю неуют. Ему станет легче жить.

Марина. Почему я пошла в этот колледж? У меня была учительница, она сейчас работает психологом в школе. С трудными детьми. Понимаю, что выражение «трудные дети» уже стало штампом. Но в моем понимании — это дети, которых трудно. Это неглупые, это очень способные, даже иногда уникальные дети, но их так забыли в детстве (не физически, а души своей веры в себя, в свои способности), что они просто не хотят ничего делать. У них на самом деле процесс мышления сложнее, чем у других детей, а это не все понимают. Мне тоже хотелось бы заниматься с такими ребятами: лечить их достоинство, их образ самих себя, их душу. Психолог действительно имеет дело с человеческой душой.

не находит с ними общего языка. «Я знаю, как нужно делать» — вот их рассуждения. И не понимают, что есть люди с совершенно другим видением мира... Школьный психолог — профессия очень нужная. Но в Москве только два училища их готовят. У нас группа психологов — тридцать человек.

Станислав Эдуардович. Может быть, не все до конца дойдут, кто-то отсеется. Но зато останутся самые убежденные. Сейчас психолог — очень важная профессия. Надо только смотреть чуть вперед...

Геннадий Николаевич. Понимать, что будет со мной, если я буду поступать так-то и так-то. Верить в человека. А не так, как те, для кого мерило успеха — их собственное благосостояние. Да кому оно нужно, это богатство, если люди будут, как волки?

Мы можем принимать или не принимать тот или иной идеал. Но суть — в движении. Точку за горизонтом надо иметь. Раньше верили в коммунизм. А теперь? Капитализм — разве идеал? Капиталистическое устройство общества само по себе счастья не приносит. Да и бездумно копировать то, что приходит с Запада, вовсе не выход. Конечно, есть какие-то общие тенденции, законы мирового развития, которые надо принимать в расчет. Но зачем нашей стране, у которой одиннадцать веков государственности — если с девятого века считать, — за чем нам слепо брать пример с Америки, которой два века всего? Мы живем в прекрасной стране, у нас прекрасные исторические традиции, духовные корни. Душевная чистота. Может быть, ни у одного народа в мире нет такого... душевного гранта. А мечта, идеал — это обязательно должно быть.

Катя Майлат. Но если одна мечта на всех — опять получается какой-то

шаблон. Раньше было — один идеал на всех. А может быть, остальные, весь мир, живут все же без каких-то общих мечтаний?

Катя Федина. У каждого что-то внутри есть свое, личное. Но и всем вместе... Например, нам же всем хочется мира.

Станислав Эдуардович. Хочется, чтобы дети были счастливы? Да. Всем хочется. Всем, предположим, хочется своему ребенку счастья, а у тебя нет детей, но ты хочешь сделать хорошее тому, кто встретился тебе...

Станислав Эдуардович. Но, может быть, всеобщее недоловство теперешней жизнью — оно не совсем оправданно? Я, например, злос, когда смотрю по телевизору новости. Уж так все черно, плохо — сплошная отрицательная информация. А под занавес диктор говорит: «Давайте законим на этой хорошей новости...». Это они мне ложечку меда протягивают, чтобы я предыдущую бочку легла лучше переварил. Чуть как-то! Да, ощущается некое всеобщее уныние. Все говорят: а что мы можем в таких-то обстоятельствах? Но вот есть, предположим, наше училище. Хочется же, чтобы было получше, что-то придумать интересное. Система системы, а люди в ней живут по-разному. Есть школа хорошая, есть

плохая. Да, жизнь, конечно, одна на всех, система одна на всех, цены для всех одинаково ужасные, заработки одинаковые... Но мы не хотим соглашаться с этим унынием, хотим найти что-то — пусть и очень маленькое, — что помогло бы нам вырваться из этой полосы безрадостности.

Геннадий Николаевич. Я говорил уже, что много страшного видел, когда служил в армии. Страшно — но по-разному. Афганистан. Там было понятно (тогда было понятно), кто враг, а кто друг. Хотя и друг тоже не всегда был понятен, потому что из дружелюбного вреда в кишлак мог раздаться выстрел в спину. Карабах. Я там служил уже офицером. Я не понимаю всех причин того, что там происходит. Мне кажется, виноваты и те, и другие, не может быть правых в такой войне. Когда в наше время убивают друг друга, когда кровь, когда люди, ни в чем не виноватые, гибнут — это страшно.

Но был в моей жизни еще и Чернобыль. Когда мы с солдатами туда попали, саркофай уже был построен, и мы проводили вокруг дезактивацию. Чернобыль... Это страшно тем, что смерть — невидимка. Не могу забыть, никогда не забуду, как первый раз попал в Припять. Город, в котором нет жизни. Я — учитель. Я шел мимо школы, и слезы были на глазах. Представляете: открытые учебники, глобусы, игрушки летские лежат... Ты идешь, и эхо от твоих шагов — по всему городу. А дома стоят, растут деревья, трава, бассейн стоит, школа — и нет ни одного человека! Вот тогда я почувствовал на всю жизнь, что может быть вообще с человечеством, если вдруг... Как же маля, как хрупка наша жизнь! Самая главная, по-моему, идея, — то, что всех должно как-то соединить, — идея о мирной жизни, о защите детства, об охране ребенка, о его воспитании.

Да, мне сегодня сложно. Но учитель — он ведь в чем-то актер. Тебе худо, тебе невозможно, и есть новости. Уж так все черно, плохо — сплошная отрицательная информация. А под занавес диктор говорит: «Давайте законим на этой хорошей новости...». Это они мне ложечку меда протягивают, чтобы я предыдущую бочку легла лучше переварил. Чуть как-то! Да, ощущается некое всеобщее уныние. Все говорят: а что мы можем в таких-то обстоятельствах? Но вот есть, предположим, наше училище. Хочется же, чтобы было получше, что-то придумать интересное. Система системы, а люди в ней живут по-разному. Есть школа хорошая, есть

плохая. Да, жизнь, конечно, одна на всех, система одна на всех, цены для всех одинаково ужасные, заработки одинаковые... Но мы не хотим соглашаться с этим унынием, хотим найти что-то — пусть и очень маленькое, — что помогло бы нам вырваться из этой полосы безрадостности.

Геннадий Николаевич. Я говорил уже, что много страшного видел, когда служил в армии. Страшно — но по-разному. Афганистан. Там было понятно (тогда было понятно), кто враг, а кто друг. Хотя и друг тоже не всегда был понятен, потому что из дружелюбного вреда в кишлак мог раздаться выстрел в спину. Карабах. Я там служил уже офицером. Я не понимаю всех причин того, что там происходит. Мне кажется, виноваты и те, и другие, не может быть правых в такой войне. Когда в наше время убивают друг друга, когда кровь, когда люди, ни в чем не виноватые, гибнут — это страшно.

Но был в моей жизни еще и Чернобыль. Когда мы с солдатами туда попали, саркофай уже был построен, и мы проводили вокруг дезактивацию. Чернобыль... Это страшно тем, что смерть — невидимка. Не могу забыть, никогда не забуду, как первый раз попал в Припять. Город, в котором нет жизни. Я — учитель. Я шел мимо школы, и слезы были на глазах. Представляете: открытые учебники, глобусы, игрушки летские лежат... Ты идешь, и эхо от твоих шагов — по всему городу. А дома стоят, растут деревья, трава, бассейн стоит, школа — и нет ни одного человека! Вот тогда я почувствовал на всю жизнь, что может быть вообще с человечеством, если вдруг... Как же маля, как хрупка наша жизнь! Самая главная, по-моему, идея, — то, что всех должно как-то соединить, — идея о мирной жизни, о защите детства, об охране ребенка, о его воспитании.

Да, мне сегодня сложно. Но учитель — он ведь в чем-то актер. Тебе худо, тебе невозможно, и есть новости. Уж так все черно, плохо — сплошная отрицательная информация. А под занавес диктор говорит: «Давайте законим на этой хорошей новости...». Это они мне ложечку меда протягивают, чтобы я предыдущую бочку легла лучше переварил. Чуть как-то! Да, ощущается некое всеобщее уныние. Все говорят: а что мы можем в таких-то обстоятельствах? Но вот есть, предположим, наше училище. Хочется же, чтобы было получше, что-то придумать интересное. Система системы, а люди в ней живут по-разному. Есть школа хорошая, есть

плохая. Да, жизнь, конечно, одна на всех, система одна на всех, цены для всех одинаково ужасные, заработки одинаковые... Но мы не хотим соглашаться с этим унынием, хотим найти что-то — пусть и очень маленькое, — что помогло бы нам вырваться из этой полосы безрадостности.

Геннадий Николаевич. Я говорил уже, что много страшного видел, когда служил в армии. Страшно — но по-разному. Афганистан. Там было понятно (тогда было понятно), кто враг, а кто друг. Хотя и друг тоже не всегда был понятен, потому что из дружелюбного вреда в кишлак мог раздаться выстрел в спину. Карабах. Я там служил уже офицером. Я не понимаю всех причин того, что там происходит. Мне кажется, виноваты и те, и другие, не может быть правых в такой войне. Когда в наше время убивают друг друга, когда кровь, когда люди, ни в чем не виноватые, гибнут — это страшно.

Но был в моей жизни еще и Чернобыль. Когда мы с солдатами туда попали, саркофай уже был построен, и мы проводили вокруг дезактивацию. Чернобыль... Это страшно тем, что смерть — невидимка. Не могу забыть, никогда не забуду, как первый раз попал в Припять. Город, в котором нет жизни. Я — учитель. Я шел мимо школы, и слезы были на глазах. Представляете: открытые учебники, глобусы, игрушки летские лежат... Ты идешь, и эхо от твоих шагов — по всему городу. А дома стоят, растут деревья, трава, бассейн стоит, школа — и нет ни одного человека! Вот тогда я почувствовал на всю жизнь, что может быть вообще с человечеством, если вдруг... Как же маля, как хрупка наша жизнь! Самая главная, по-моему, идея, — то, что всех должно как-то соединить, — идея о мирной жизни, о защите детства, об охране ребенка, о его воспитании.

Да, мне сегодня сложно. Но учитель — он ведь в чем-то актер. Тебе худо, тебе невозможно, и есть новости. Уж так все черно, плохо — сплошная отрицательная информация. А под занавес диктор говорит: «Давайте законим на этой хорошей новости...». Это они мне ложечку меда протягивают, чтобы я предыдущую бочку легла лучше переварил. Чуть как-то! Да, ощущается некое всеобщее уныние. Все говорят: а что мы можем в таких-то обстоятельствах? Но вот есть, предположим, наше училище. Хочется же, чтобы было получше, что-то придумать интересное. Система системы, а люди в ней живут по-разному. Есть школа хорошая, есть

плохая. Да, жизнь, конечно, одна на всех, система одна на всех, цены для всех одинаково ужасные, заработки одинаковые... Но мы не хотим соглашаться с этим унынием, хотим найти что-то — пусть и очень маленькое, — что помогло бы нам вырваться из этой полосы безрадостности.

ВСТРЕЧА С МИНИСТРОМ МОСТ К ЦИВИЛИЗАЦИИ

Э. Днепров о реформе
российского образования

Не открою Америки, сказав, что образование является и стенками, и содержимым сосуда культуры. Отсюда и парадокс — в прошлом образование и культура нередко были разрушительным началом. К примеру, культура национал-социализма, то есть фашизма, национал-коммунизма — нашего советского тоталитарного режима.

Обе эти культуры имели достаточно мощные и эффективно действующие образовательные системы. Вопрос заключается в том, на какие цели они были направлены.

Суть, смысл нашей сегодняшней образовательной реформы состоит в том, чтобы, не теряя накопленный интеллектуальный потенциал, кардинально изменить цели, направления и характер деятельности. Кстати, в этом заключено основное отличие современной реформы от предшествовавших советских школьных реформ. Да и аналогичных реформ на Западе.

Те реформы проходили не столько в социальном, сколько в технологическом образовательном пространстве, решали задачи не социальные и социально-педагогические, а чисто образовательные.

Мы не можем идти прежним, проторенным путем в момент, когда Россия переходит от тоталитарного к гражданскому обществу, от крепостнической экономики к рынку, от духовного ГУЛАГа к обществу осреднения личности к привычному ее самоценности и приоритету человека, общечеловеческих ценностей.

Этим объясняются и огромные трудности в проведении реформы образования. Не только и порой не столько даже экономические, как часто ошибочно полагают.

Главная трудность — изменить образ мышления бывшего homo sovieticus. Россия строит мост, по

которому надо перейти из тупиковой ветки цивилизации на ее магистральный путь. Образование — одна из основных его несущих конструкций, духовная.

Поскольку философия, стратегия, программа и тактика реформы подвергаются критике, часто базирующейся на недостаточном знании или понимании, скажу еще раз о ключевых моментах реформы.

Принем за аксиому: новое общество нельзя построить на фундаменте старой школы. Образование не просто решающий фактор развития человека и человеческих ресурсов — единственных неисчерпаемых ресурсов, которые и составляют истинный золотой запас России. Образование — решающий фактор развития общества, дающий возможность проводить реформы во всех других сферах. Именно образование должно обеспечить изменение общественного менталитета, разрушить стереотипы, проложить дорогу демократическому сознанию, новой политической культуре, рыночной грамотности россиян.

Настал момент сменить политическую стратегию образования, сам тип образовательной политики. Пора отказаться от постоянного подтягивания образования к требованиям жизни. Образование должно стать опережающим. Только такой его тип — закономерность и условие нормального общественного развития. Образование либо ставит пределы развитию общества, либо раздвигает его горизонты.

Ключевая идея реформ — идея развития. В ней заключена триада конечных целей: создание условий для развития личности, запуск механизма развития и саморазвития системы, превращение образования в постоянно и эффективно действующий фактор движения нашего общества по пути мировой цивилизации.

Геннадий Николаевич. Мы как-то собрали группу педагогов, предложили им своеобразный тест. Спросили, что для них главное в их работе? Учить, образовывать, воспитывать, оказывать помощь? Почти все назвали: главное для них — воспитывать ребенка. И было только два или три ответа: оказывать помощь. А ведь это как раз самое главное. Оказывать помощь в самовоспитании. Марина правела: есть дети удивительного таланта. Они трудные тем, что педагог не знает, как к ним подступиться,

иногда надо перейти из тупиковой ветки цивилизации на ее магистральный путь. Образование — одна из основных его несущих конструкций, духовная.

Поскольку философия, стратегия, программа и тактика реформы подвергаются критике, часто базирующейся на недостаточном знании или понимании, скажу еще раз о ключевых моментах реформы.

Принем за аксиому: новое общество нельзя построить на фундаменте старой школы. Образование не просто решающий фактор развития человека и человеческих ресурсов — единственных неисчерпаемых ресурсов, которые и составляют истинный золотой запас России. Образование — решающий фактор развития общества, дающий возможность проводить реформы во всех других сферах. Именно образование должно обеспечить изменение общественного менталитета, разрушить стереотипы, проложить дорогу демократическому сознанию, новой политической культуре, рыночной грамотности россиян.

Настал момент сменить политическую стратегию образования, сам тип образовательной политики. Пора отказаться от постоянного подтягивания образования к требованиям жизни. Образование должно стать опережающим. Только такой его тип — закономерность и условие нормального общественного развития. Образование либо ставит пределы развитию общества, либо раздвигает его горизонты.

Ключевая идея реформ — идея развития. В ней заключена триада конечных целей: создание условий для развития личности, запуск механизма развития и саморазвития системы, превращение образования в постоянно и эффективно действующий фактор движения нашего общества по пути мировой цивилизации.

Этим объясняются и огромные трудности в проведении реформы образования. Не только и порой не столько даже экономические, как часто ошибочно полагают.

Главная трудность — изменить образ мышления бывшего homo sovieticus. Россия строит мост, по

которому надо перейти из тупиковой ветки цивилизации на ее магистральный путь. Образование — одна из основных его несущих конструкций, духовная.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

Профессия психолога — лечить душу. Человек приходит к тебе с болью, со своей жизненной проблемой.

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

В пятом классе читать вслух „Войну и мир“ лучше, чем в десятом. Великих писателей понимают и маленькие дети.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ — КРУГЛЫЙ ГОД

Министерство связи СССР «Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал 32024

Первое сентября (наименование издания)

на 19 год по месяцам

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная ПАРТОНКА

ИВ место на газету журнал 32024

Первое сентября (наименование издания)

на 19 год по месяцам

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

17 октября первое сентября

№9

17 октября 1992 г., суббота

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

ПРАВО В КОСЮЮ ЛИНЕЙКУ

С размышлений о внутреннем достоинстве ребенка началась наша газета, и мы будем вести этот разговор постоянно. Директору экспериментальной школы Александру Тубельскому удалось создать условия, в которых достоинство ребенка развивается с каждым годом. Его рассказ о духе школы, воспитывающем внутреннее достоинство, читайте в этом и следующем номере на второй полосе.

Когда Россия станет богатой и никто из нас в Америку не поедет — что будет с Америкой?

СТЕНОГРАММА № 8 Из Чикаго

О ЧЕМ ДУМАЮТ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Слетства помнятся строчки Маршака из «Мистера Твистера»: «Ты не в Чикаго, моя дорогая!». Так вот. Как раз в Чикаго...
В тихом пригороде жарко, как летом, несмотря на то, что сентябрь уже перевалил за половину. За столом, накрытым белой скатертью (что в Америке, в общем-то, не принято), сидят четыре человека. Алла и Слава, ученые-иммунологи, принимают гостей. Андрей и Ольга (он — программист, она — тоже иммунолог) — из Вашингтона. И те и другие не эмигранты, они работают по контрактам. Они были знакомы еще в Москве и теперь, что называется, «держат связь».
Я вхожу и тихо закрываю за собой дверь...

своих проблем хватает.
Алла. Да, родители здесь учебными делами детей не беспокоены. Этот «фан» их, удовольствие, отнимает кучу времени. Ох уж мне этот «фан»! Да кому я рассказываю? Мы же все здесь так живем: три раза в неделю приглашения в рестораны, в выходные — куда-нибудь поехать. Нормальный образ жизни для Америки. Но на ребенка времени, конечно, не хватает. И вот результат — сегодня дочка читала слог и забыла букву.
Андрей. Какую? Английскую?
Алла. Да нет, русскую, «р», что ли. С английским проблем нет — целый день Оля или в лагере, или в школе. А русский постепенно пропадает. Это как маятник: либо один язык, либо другой.
Ольга. Ал, ты расскажи, как вы на Мичиган съездили?
Алла. Великолепно. Такое озеро! Нам сослуживец один из Славинной лаборатории оставил ключи от своей дачи. «Пользуйтесь», — говорит. Мы первое время отказывались, потом осмелели. Вот оно, американское радушие.
Слава. Ты им про Тима Джуси рассказывай.
Алла. Тим — это смешная история. Он у нас в лагере работает. Я его почти каждый день где-нибудь встречаю. И каждый день он ко мне подходит и начинает что-то такое жарко говорить. У меня и сейчас английский — отнюдь не блестящий, а поначалу вообще не говорила и не понимала ничего. А он к тому же черныш, вы же знаете, какой у них акцент сильный. Вот Тим подходит и начинает что-то декламировать. Я сначала подумала: «Наверно, в любви объясняется». А месяца через два наконец начала понимать, что он всего-навсего здоровается. Но очень темпераментно здоровается.
Слава. Я, кстати, был у него в виварии, видел, как они работают. У нас, в Москве, я помню, так все строго было: безопасность соблюдают изо всех сил. А здесь, смотрите: опаснейшие вакцины по-простому вручают из одной пробирки в другую переливают. Расслабленно, в общем, работают.
Алла. Но что мне здесь определенно нравится, так это обстановка с реактивами.
Ольга. О, это да! Просто душой отдаешься.
Алла. У нас-то как в институте было? Сидит завлаб и доказывает: «Сколько и чего мне надо заказать на год вперед?» Он еще не знает, что он будет в том году делать, но вынужден заказывать, потому что ведь поздно будет. Здесь техник — техник, заметьте, а не завлаб — заказывает реактивы на неделю. Через два часа приезжает машина, и все готово. Понадобилось сделать что-то новое — закажет другое... Да, Оля, я все забываю спросить, как вы в Нью-Йорк съездили.
Ольга. Замечательно. Весь Манхэттен облизали, Нью-Йорк Стейт Билдинг, конечно, статуя Свободы. Погода, главное, была отличная. На Брайтон-Бич заехали. Странное впечатление. Рвались люди из Союза. Ну вот, вырвались, и что же? Все по-старому: живут, очень часто не работая, на пособие по безработице, язык не учат. Казалось бы, вот тебе простор — вперед, реализуйся. Не тут-то было...
Слава. А где вы жили в Нью-Йорке?
Андрей. У Оли бывший завлаб как раз на Манхэттене живет. Мы у него на три дня остановились. Тоже радостный мужик. Правда, мне там нужно было в Вашингтон другу позвонить. Я спросил Фила этого, можно ли. Он говорит: «Можно, только, пожалуйста, покороче, это дорого». Господи, да это же десять центов минута! А получает он тысячу сорок в год. Я давно знал, что у них в этом биче какой-то, но не думал, что так сильно. Кстати, вот о школе. У Фила сын в пятый класс ходит. И однажды папа заполонил, что у сына неладит с математикой. Пошел на родительское собрание, а там это не как у нас — соберут всех вместе и давай ругать, — а ин-

дивидуально, с каждым по десять минут. Он учительницу спросил про математику. Она ему говорит: «Что вы, да ваш сын самый успешный, самый умный». И так далее. Он успокоился на время. Через две недели пришел опять — снова ему дифирамбы про сына. А потом узнал все-таки, не от учительницы, а от его Коллина действительно свою независимость от, так сказать, центра: законы, к примеру, очень разные. У нас бы, наоборот, сломали такой Капитолий и на его месте воздвигли что-нибудь сугубо национальное.
Андрей. Слава, ну и что тебе сказали, когда ты документы на гражданство принес?
Слава. А ничего не сказали. Будут

хотом подкашивают, где надо смеяться, либо сводки новостей, где про одно убийство могут говорить минут двадцать. Как будто это что-то из ряда вон...
Андрей. Как раз оттого и обескураживают все эти страшные новости. Среднему американцу, по-моему, это все необходимо как физзарядка. Представь себе: с утра он встает,

Алла. Так, ребята, кому огурчиков соевых положить? Очень хорошие огурчики.
Андрей. Пиклз. По-английски соевый огурец называется «пиклз». Странно, я всегда был уверен, что соевые огурчики — исключительное наше, российская пища. Зато вот кефир, обыкновенный кефир — он русский. А в Америке и не знали, пока лет шесть назад какой-то бывший советский гражданин не догадался делать и продавать этот кефир эмигрантам. Сделал, говорит, на этом бешеные деньги. Сейчас зайдешь в любой магазин — как минимум три-четыре сорта.
Слава. Алла, ты когда из Союза уезжала, кефир сколько стоил?

самое современное. Телевизоры импортные в каждом доме — по несколько штук, хотя это, по-моему, излишество. Ну вот, приехала сюда, а тут некоторые оборудованные даже похуже, чем у нас в Москве. Я-то думала: приеду в райские условия! Ну и американцы тоже не ожидали, что я со всей их техникой знакомы. Сначала водила, как на экскурсию, по всем приборам. А я все это тысячу раз видела, работала на них. Мало того, иногда рассказывала им про такое, чего у них и нет. Они изумлялись: ничего себе «ликие русские». Потом я поняла, что рога изобилия здесь не будет. У нас обычный государственный университет, который кормится из бюд-

конце концов, что Люда Иванченко живет через три квартала отсюда, на Лэйк-стрит. Везде, короче, свои.
Алла. Вот, а ты мне не веришь, что Бог есть. Кто же тогда все это подстроил?
Ольга. Если Бог есть, то почему бы тебе мясо помагиче не сделать? Алла. Ох, ну вечно вы все в шутку светлите. Вячеслав Игоревич! Оля, как у Ленокки дела?
Ольга. Хорошо. Я бы даже сказала, слишком хорошо. Она совсем не учится. То есть, по американским меркам, вкалывает в школе изо всех сил. Боже ты мой, в Москве она перескочила через класс, в одиннадцатый пошла в шестой. А здесь ее хотели отправить обратно в четвертый. Еще упростили оставить в шестом. И что? Они по математике проходили, произведение суммы равно сумме произведений... У нас это, по-моему, программа четвертого класса. А помагиче задание — листочек, испи-санный с двух сторон в основном словами. Это по математике-то!
Слава. Да, я тоже слышал, что они по программе двигаются медленно, чем у нас. Я, по-моему, догадываюсь, откуда это идет. У них здесь — творческая система, абсолютно свободная. Я первый раз зашел в Олечкину школу (Оля — семилетняя дочь Аллы и Славы. — О. Б.), чуть не заплакал! Там все есть. Картинки электронные на досках, движущиеся пособия, компьютерное, естественно, навалом. А отношение к детям! Вы знаете, как они пишут сочинения в первом классе?
Ольга. А что, Оля, уже умеет писать по-английски?
Слава. В том-то и дело, что нет. А сочинение выглядит так. К детям приходят ассистенты учителей, как правило, волонтеры — студенты или пенсионеры. И записывают все, что дети говорят на заданную

Счастливые — дома, в России...

Алла. Около полутора рублей...
Ольга. Заметьте, вот мы все сюда приехали, когда Союза вроде уже не было (на самом деле Слава приехал раньше — в сентябре 1991 года, остальные — в январе-феврале 1992 года. — О. Б.). Первый месяц все говорили «Россия», «из России», «российский» и так далее. А потом — по-старому: «Союз» и «Союз». Правильно, в общем. Многие ли изменились? Это американцы почему-то уверены, что у нас все по-другому, «после пучка». А спрашивается: что по-другому? Как народ валит из страны, так до сих пор и валит.
Андрей. Ты не увлеклась так насчет балла. То, что в нашем ИЛ-86 было общим народом, еще ничего не означает. Девяносто процентов из них летели к своим родственникам на Брайтон-Бич.
Ольга. А все остальные счастливые сидят дома, в России...
Андрей. Дело не в том, что все остальные счастливы, а в том, что Америка — больше не страна эмигрантов. Не нужно им больше «просто эмигрантов», людей без всякой квалификации. Вот такие, как мы, пока еще требуются. Да и то в пределах национальной экономики.
Ольга. Слава, а ты сейчас сколько получаешь?
Слава. Двадцать четыре тысячи (в год. — О. Б.). Я искренне Америке благодарен, но мы тут дешевой рабочей силой, это ясно. Любый американец с таким же образованием на такую работу меньше чем тысячу за тридцать пять не пошел бы. А наши — даже если доктора наук — все равно за тридцать не выходят. Я надеюсь, на следующий год нам ставки повысят. Сейчас по зарплате мы на уровне лаборантов находимся. Я и это, впрочем, понять могу. Американцы оживали увидев совсем темных, необразованных русских. Даже и не подозревали, что мы можем знать столько же, сколько и они. Получилось, что в результате я работаю классом ниже, чем в Москве. И Алла тоже.
Алла. Ну, про меня разговор отдельный. Наш московский институт микробиологии вообще считался лучшим в стране. Вся валюта шла туда, приборы, реактивы — все

жета. Вот один наш знакомый, профессор, был вынужден распустить свою кафедру, так как денег ему не дали. Сейчас сидит на двух тысячах в месяц, ни о какой науке и речи не идет.
Ольга. Да, здесь все зависит от того, кто платит. Наш институт, пожалуй, один из самых богатых в Америке. Видно, потому, что работаем со СПИДом. Впрочем, на нас это богатство не отражается, тоже ставки занижены. Из всех русских только двое у нас получают, как американцы.
Слава. Сколько у вас русских в институте?
Ольга. Я не считала точно, человек пятьдесят вместе с эмигрантами. Вообще кто угодно: китайцы, чехи, поляки, индийцы, а американцев совсем мало. Американцы в основном руководят, а думают — такие, как мы. Наш Национальный институт здоровья пора переименовывать в интернациональный. И вот парадокс. При этом считается, что у Америки самая развитая наука в мире.
Андрей. У Америки, но не у американцев. Да, больше всех получают Нобелевские премии, больше всех публикуют научных статей, но это же все не американские мозги. А что, если Россия станет богатой и никто оттуда к ним не поедет? А что, если и Китай, и все остальные? Америка же завоюет!
Ольга. Ой, Андрей, у тебя левый висок нервно подстрижен. За что, спрашивается, отдал восемь долларов?
Андрей. Тоже мне, называется, «приехал я в Америку». Хожу стричься со своего седьмого этажа на второй к девушке Маше, которая со своих соотечественников берет подешевле. Раньше говорили «Москва — большая деревня», теперь, видимо, надо сказать «Мир — большая деревня».
Алла. Это еще что? Славик, расскажи им про Иванченко.
Слава. Да, это история забавная. Мы, когда собирались уезжать, позвонили маме одной из бывших Алкинских сокурсниц. Сокурсница эта живет где-то в Чикаго, как мы знали. Ну, взяли адрес, приехали, сняли эту квартиру. Выяснилось в

Взятка — она и в Америке взятка. Бюрократ — он и там бюрократ.

тему. Получается сочинение. Вот так работают с детьми. Я уж не говорю о том, что будет, если кто-то тронет ребенка хоть пальцем. Общественный скандал случится как минимум. И после всего этого из школы выходят, мягко говоря, среднего уровня выпускники. Один мой знакомый, он в университете в Мэдисоне литературу русскую преподавал, говорит, что студенты попадают часто на просто чудовищно серые. В Союзе, считает, намного лучше были. Может, это из-за свободной системы обучения? Я не хочу сказать, что детей надо по-роть, как в Англии было, но, видимо, надо подталкивать к обучению, заставлять даже иногда. Ребенку учеба, как и всякое усилие, не приносит мгновенной отдачи, не особенно нравится. А тут в пятом классе он волен выбирать себе предметы. Он еще не готов собирать, что ему действительно нужно. Вот и выбирает, что полегче. Родители тоже учебной детей не особенно озабочены. У них

впечатление. Рвались люди из Союза. Ну вот, вырвались, и что же? Все по-старому: живут, очень часто не работая, на пособие по безработице, язык не учат. Казалось бы, вот тебе простор — вперед, реализуйся. Не тут-то было...
Слава. А где вы жили в Нью-Йорке?
Андрей. У Оли бывший завлаб как раз на Манхэттене живет. Мы у него на три дня остановились. Тоже радостный мужик. Правда, мне там нужно было в Вашингтон другу позвонить. Я спросил Фила этого, можно ли. Он говорит: «Можно, только, пожалуйста, покороче, это дорого». Господи, да это же десять центов минута! А получает он тысячу сорок в год. Я давно знал, что у них в этом биче какой-то, но не думал, что так сильно. Кстати, вот о школе. У Фила сын в пятый класс ходит. И однажды папа заполонил, что у сына неладит с математикой. Пошел на родительское собрание, а там это не как у нас — соберут всех вместе и давай ругать, — а ин-

спрашивать, что у него с математикой. Она ему говорит: «Что вы, да ваш сын самый успешный, самый умный». И так далее. Он успокоился на время. Через две недели пришел опять — снова ему дифирамбы про сына. А потом узнал все-таки, не от учительницы, а от его Коллина действительно свою независимость от, так сказать, центра: законы, к примеру, очень разные. У нас бы, наоборот, сломали такой Капитолий и на его месте воздвигли что-нибудь сугубо национальное.
Андрей. Слава, ну и что тебе сказали, когда ты документы на гражданство принес?
Слава. А ничего не сказали. Будут

Образование — дело учителей, родители об этом беспокоиться не должны. Но правильно ли это?

рассматривать с обычной скоростью американских бюрократов — по странице в неделю. Ничего, время есть, будем ждать. Мне это гражданство нужно в основном из-за свободы передвижения. Снашей визой ведь даже домой не съездишь, не то что куда-нибудь еще.
Андрей. Мы только к адвокату пока сходили, проконсультировались, что к чему. Теперь нас Леночка иначе как невозвращенцами не называет.
Алла. Давайте я вам покажу, что у нас есть.
Ольга. Что это? Ой, куколка в банке!
Алла. Куколка. Олечка нашла в граве гусеницу потрясающей красоты. Начались с ней, как с ребенком, положила в банку, кормила травой. А гусеница возьми да окуклится. Теперь вот ждем, когда будет бабочка. Как куда уезжать — ребенок умоляет взять банку с собой. «А вдруг бабочка выплывет, пока нас не будет! Она же умрет!»
Андрей. Олечка — чудо. Как у нее в лагере дела?
Алла. Все в порядке. Устаив за день, значит, без дела не сидит. Вот, правда, проблема: просила меня больше побужу ей не налевать. Дети дразняются, задирают юбку. Я так думаю, они не со зла, им просто интересно, у них же никто в таком возрасте юбок не носит, все в шортах.
Андрей. А как с подружками дела? Есть подружки?
Алла. Вчера как раз познакомилась с Марй. Тихая такая девочка, даже тише, чем наша.
Слава. Тихая, а за себя постоять умеет, не то что Оля.
Алла. У Славы — пунктик, он считает, что дочка должна уметь драться.
Слава. Не драться, а постоять за себя.
Алла. Ну, все равно. Он считает, нехорошо бежать к вожатому или там к учителю и жаловаться. Просто нужно дать в нос, и проблема решится.
Слава. А что еще делать? Ты знаешь ведь, что эти американские дети — чудовищные ябеды. У нас в детстве, я помню, как было: ябедничество — самый тяжелый грех. А здесь все чуть что — сразу к старшему: «А вот этот сделал то, а тот слелал се». Ужас какой-то! Пусть кто-нибудь пристанет к Оле, она к учителю бежать не станет, стукнет обидчика, это лучше подействует.
Алла. А когда вам обратно в Вашингтон возвращаться?
Ольга. Послезавтра. Андрей, мы счет за телефон так и не оплатили. Ой, отключат нам этот телефон.
Слава. Не отключат, не бойтесь. В

суд, правда, вызвать могут. Но это не катастрофа. Телефон — это еще что. Вы у нас внизу на первом этаже объявления не видели? Завтра во всем доме отключат воду на целый день. Каково?
Андрей. Здесь русский дух...
Алла. Ох, не говори. А знаешь, кроме шутки, мне иногда хочется вернуться домой. Уже сейчас. Что же через пять лет будет?
Слава. Ага. Особенно ты этого хочешь, когда мы стоим в автомобильных пробках...
Алла. Нет, серьезно. Мне кажется, что у нас интереснее жить. Все новое, неожиданное. Стресс, конечно, жуткие. Зато это жизнь. А здесь — работа и «фан», «фан» и работа. Включишь телевизор — либо эти идиотские шоу, где тебе сме-

В Америке мы поверили в себя. И вовсе мы не отсталые, а очень даже ничего...

себя за тысячи километров от родного дома.
После этого говорили еще много. О работе, о Москве, об «Эхе Московском», о супермаркетах. Но самое главное было сказано. Эти люди не убежали из России в поисках спасения от домашних неурядиц. Просто уехали поработать. А время. Алла и Слава проведут в Чикаго по меньшей мере еще пять лет. Ольга и Андрей — полтора года. И тем и другим хочется вернуться домой. Они искренне верят, что настанет момент, когда им не придется взвешивать все «за» и «против» возвращения.

суд, правда, вызвать могут. Но это не катастрофа. Телефон — это еще что. Вы у нас внизу на первом этаже объявления не видели? Завтра во всем доме отключат воду на целый день. Каково?
Андрей. Здесь русский дух...
Алла. Ох, не говори. А знаешь, кроме шутки, мне иногда хочется вернуться домой. Уже сейчас. Что же через пять лет будет?
Слава. Ага. Особенно ты этого хочешь, когда мы стоим в автомобильных пробках...
Алла. Нет, серьезно. Мне кажется, что у нас интереснее жить. Все новое, неожиданное. Стресс, конечно, жуткие. Зато это жизнь. А здесь — работа и «фан», «фан» и работа. Включишь телевизор — либо эти идиотские шоу, где тебе сме-

Стенографировал
О. БОЛДЫРЕВ.

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Если вы забыли что-нибудь необходимое для урока, лучше не посылать ученика к себе домой. Это вызывает в классе ненужные разговоры.

Первое сентября

№10

20 октября 1992 г., вторник

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

Подпишитесь на богатство

Десять приложений к нашей газете - ваше богатство. Можно подписаться на «Физику», «Химию», «Математику», «Историю», «Литературу», «Начальную школу», «Здоровье детей», «Биологию», «Английский язык» и «Географию». И тогда вы будете получать пособия по почте - каждую неделю.

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

НА ЛУНУ НИКОМУ НЕ УЛЕТЕТЬ. ПРИДЕТСЯ ЖИТЬ ВМЕСТЕ. НО КАК?

СТЕНОГРАММА № 9 От политологов

«Что нас ждет? Империя рухнет. Кто обеспечит стабильность?» - на эту тему размышляют профессор Игорь Клямкин, ведущий научный сотрудник Института международных политических и экономических исследований РАН, доктор философских наук Алексей Салмин, директор Центра прогнозных программ Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Фонд Горбачева), доктор исторических наук Андриан Мигранян, профессор МГИМО, директор Центра СНГ при Институте международных экономических и политических исследований РАН и публицист Аркадий Дубнов.

А. Дубнов. Андриан, ты был в свое время одним из защитников идеи обособления России как субъекта государственности, когда говорить об этом было еще не модно. Оправдался сегодня твой прогноз либо все происходит не так, как тебе виделось?

А. Мигранян. Сначала хотел бы кое-что уточнить. Меня пытаются обвинять в том, что я был сторонником выхода России из Советского Союза. Но я стал им только тогда, когда действия Горбачева уже привели к распаду Союза де-факто. И особенно стал утверждать это после августа 1991 года, когда центральные структуры Союза были разрушены, а российская государственность еще не оформилась. Такая размытость очень беспокоила, это могло привести к хаосу. Мне казалось, что в тех условиях быстрее оформление российской государственности может стать новым системообразующим фактором, который сможет организовать, во-первых, саму Россию, а во-вторых, по пространству вокруг нее, которое раньше называлось Советским Союзом.

Удовлетворен ли я тем, что происходит? Год назад в «Демократической России» я высказал мысль о

точно искусственным границам, я считал, что необходимо создать какой-то компенсирующий механизм, если угодно, надстройку, которая облегчила бы процесс выяснения отношений всех со всеми. То есть систему, которая бы унаследовала некоторую законность центра, но с другими функциями. Необходимо был некий арбитражный, консультативный центр, но в той мере, в какой он не вступал бы в противоречие с уже проявившимися неотвратимыми тенденциями распада. Этого не произошло, к сожалению, и в декабре вместо Советского Союза образовался конгломерат без всякой концепции развития. Действительно, это была импровизация...

Но я всегда считал, что если этот нежелательный процесс на нежелательных условиях начнется, то со временем, в более или менее длительной перспективе, Россия станет в нем неким центром. Почему? Да потому, что Россия в меньшей степени, чем любая другая бывшая республика, обладала чертами государственности. Это была не та федерация, о которой говорили в школах и университетах. Реально - это была партийная структура, унифицированная, нефедеративная. И

динамическую стабильность. Создать устойчивые государственные структуры сейчас практически невозможно, но и дестабилизировать реальные процессы, формы государственного самовыявления тоже достаточно сложно.

Один пример. Год назад внутри России действовали так, как будто бы здесь не существовало гравитации и все было позволено: можно было отсоединиться, присоединиться к Китаю, к Индии, к кому угодно... Уйти, улечь на Луну... А сейчас этого уже нет. Посмотрите, скажем, на взаимоотношения Москвы с Татарстаном или, предположим, с Башкортостаном, Якутией, даже с Северным Кавказом. Они еще не вполне нормальны, но по крайней мере более управляемы. Все наткнулось лбом на стены и поняли, что набор решений ограничен, не бесконечен.

А. Дубнов. Игорь, а тебе, кажется, более оптимистичная оценка ситуации?

И. Клямкин. Насчет оптимизма сказать трудно, но что мне хочется более оптимистического исхода, это точно.

Жаль, что мы редко видимся, для меня несколько неожиданна такая эволюция Алексея. Конечно, можно встать на ту точку зрения, что все развивается по какой-то такой катастрофической логике, что надо быть готовым к потрясениям...

А. Салмин. Не катастрофичность, а нестабильность. Я не говорю, что все разваливается, наоборот, появились какие-то механизмы взаимодействия...

И. Клямкин. В чем позиция тогда? Эти государства будут, как они есть, сейчас консолидируются, формируются?

А. Салмин. Будет одновременно формироваться какая-то система отношений, причем одновременно и внутри государства, и вне его. Это достаточно длительный процесс, но я вовсе не связываю его с катастрофой.

И. Клямкин. Мне кажется - я не буду спорить ни с кем, - есть три подхода к формированию государственности в России. Один принципиально разные. Один подход уже давно и наиболее отчетливо формулирует Андриан. Это формирование чисто российской государственности. Но весь вопрос в том, на какой основе это произойдет.

Ты, Андриан, насколько я знаю твою позицию, не раз говорил о русской национальной идее, русском государстве. Но, кстати, Алексей уже давно и, по-моему, убедительно доказывает, что период многонациональной этнической государственности прошел. Помоему, это совершенно верная мысль, ведь этническое государство соответствовало переходу от

бор в отношении и потихонечку не просто реформируют, а создают новую государственность по совершенно иному принципу.

И хотя обе концепции логически завершены и в определенном смысле привлекательны - они уязвимы.

Уязвимость первой заключается в том, что, независимо от того, прошли мы эту стадию или нет, путь к этническому государству означает тридцать, а может быть, и пятьдесят лет бесконечных войн. Это войны Украины с Россией за Крым, России с Казахстаном, это возвращение к европеизму XVIII-XIX веку. Может быть, мы туда и пойдем. Но надо тогда понимать - это огромное потрясение всего склада сознания, и те патриоты, которые вспоминают сегодня о парижском сорок восьмом и прочих годах, они правы - эта идея может реализоваться только через какой-то резкий революционный сдвиг. Это предельно революционная позиция, несмотря на декларацию о том, что она консервативна.

Это худшее из того, что можно придумать, потому что означает очень много крови, и надо честно об этом говорить, являясь идиотом к этому, объясняя, что именно это значит.

Второй вариант - Явлинского - в определенном смысле привлекателен: давайте попробуем не сверху, а снизу. Но думаю, реальность такова, что без конца давать права регионам - все равно что ничего не создавать, ведь российские регионы тесно связаны не только с российскими. И пока не решена проблема с валютой (а она не может быть вообще решена в ближайшее время, национальная валюта не будет в большинстве бывших республик), до тех пор мы обречены быть вместе. Создание государственности снизу - это иллюзия.

Я же придерживаюсь третьего варианта. Надо начинать сверху. Но не с федерального верха, а с СНГовского, с надгосударственной крыши. В этом смысле СНГ мне совершенно не кажется исчерпанным, и двусторонние отношения вовсе не противостоят идее СНГовой крыши. Все упирается в валюту, которая будет стигать все регионы, откуда от этого не денешься. Укрепление СНГ - это вовсе не создание каких-то надгосударственных образований, потому что государства-то еще нет. Это - способ строительства государственности в каждой из республик.

Надо понимать настроения людей, нашу историческую уникальность, взаимозависимость бытия. Не будет СНГ - посядут и Украина, и Казахстан... Что касается двусторонних отношений, то уже сейчас приходится выходить за их рамки. Скажем, молдавский вопрос не мог

быть решен двусторонними отношениями, понадобилось включение Украины. И получается, что реальная государственность Молдовы проявляется не на пути построения этнического государства, а обеспечивается сверху, с надгосударственной крыши.

И последнее. Поскольку именно на уровне этой крыши в Беловежской Пуще в декабре 91-го года состоялось соглашение между прежними советскими республиками, произошло разрыв прежней государственности - и в восстановлении государственности - пусть даже на уровне этих республик - может быть лучше обеспечено соглашениями между ними же. Поэтому я еще раз хочу сказать: речь идет о трех способах строительства новых госу-

дарственности. Мне кажется, наиболее перспективный, наиболее безболезненный - строительство с крыши. Но не с федеральной, а с надгосударственной.

А. Мигранян. Я полностью согласен с интерпретацией Игорем моих идей. Действительно, путь становления национальной государственности, связанный с революционными внутренними подвижками, очень опасен. И поскольку авторитарного перехода сверху к новой государственности, то есть управяемого ослабления власти и перераспределения ее сверху вниз, концепция которого я выдвигал в свое время, не произошло, то мне кажется предпочтительным тот путь, о котором сказал Игорь. Его когда-то предлагал Алексей. На концепцию Явлинского не останавливаюсь, Игорь достаточно убедительно показал свою иллюзорность и утопичность этого подхода.

Однако мне кажется весьма спорным тезис о том, что мы проскочили период становления этнических государств. Это было не реликтом XVIII-XIX веков, это происходило и в XX веке: Габсбургская Австро-Венгрия, Оттоманская Турция. Я думаю, что в России эти процессы были заморожены, и после того, как все распало, если не в явной форме в России, то на периферии мы уже это получили.

И самое интересное, против этой идеи, что время этнических государств кончилось, работают самые продвинутые наши республики - Прибалтийские. Они демонстрируют законченные образцы создания этнических государств, несмотря на аппаратные. Это - и процесс в Азербайджане, в Армении, в Грузии. Как ни странно, они идут и внутри России, по всем автономным. И уже начались в сугубо российских областях. Например, на юге или в Ярославле, то есть в тех регионах, где селился коренной русский этнос, приходящий сегодня в непосредственное соприкосновение с инородцами.

А. Салмин. А ты не вошел в противоречие с самим собой, когда стал говорить о формировании национальных государств этнических уже на уровне областей? Нет ли здесь чего-то совсем другого?

А. Мигранян. Думаю, нет. Я только пытаюсь показать тот общий фон, который работает на вариант создания национальной государственности... Я не называю это этническим государством, потому что даже в моем понимании национальное государство несколько шире. И в Европе национальное государство создавалось на основе не только одной этнической группы. Другое дело, что ядро нации, создававшей это государство, была действительно определенной этнической группой. Так, еврейское ядро перешло в российское, потом в имперское и так далее. Поэтому, я думаю, и в становлении русского национального государства будет участвовать не только русский этнос, в чистом виде, а все те, кто захочет участвовать в этом процессе добровольно.

Я себе представляю на данном переходном этапе развитие России и через экономические механизмы, и через идеологический механизм государства. То есть создание сильного централизованного авторитарного государства с русской национальной идеей, с мобилизационной экономикой. И только потом, поэтапно и контролируемо, может быть осуществлена попытка децентрализации. В нынешних же условиях фактически невозможно придать управляемость нашей стране, потому что ни один из участников этой игры - центр, регионы, республики - не придерживается общих правил. И нет того последнего предела, которого они не могли бы перешагнуть.

И. Клямкин. Я думаю, хорошо, что ты последовательно довел свою концепцию до утверждения: авторитаризм в наших условиях может быть только на национальной, этнической основе. Но надо все-таки, чтобы этот вариант был наглядно представлен. Что такое рус-

ский национальный авторитаризм? Как на него отреагируют чеченцы, татары, башкиры? Как на него отреагирует та же Украина? Не повиснет ли там свой национальный авторитаризм, только украинский?

И как на него отреагируют украинские русские? И что из этого всего получится? Не возникнет ли тогда в России желание восстановить державу в ее «исторических границах»? Да, это тоже вариант совместности - через русскую национальную идею. Это есть, по сути дела, этнический имперский вариант. Но что за него придется заплатить?

А. Мигранян. Я бы сказал по-другому. Это опора в географических рамках на Российскую Федерацию, на возможность исключения Северного Кавказа, но с очень сильным давлением в сторону тех территорий, которые населены этническими русскими.

И. Клямкин. В какой логике это возможно - в той, которую развивал Андриан, или о которой говорил я?

А. Мигранян. Я бы сказал по-другому. Это опора в географических рамках на Российскую Федерацию, на возможность исключения Северного Кавказа, но с очень сильным давлением в сторону тех территорий, которые населены этническими русскими.

И. Клямкин. Это в классическом духе формирование такого рода государства, где есть своя нация и идея нации доминирует над идеей прав человека. Есть «мы» и есть «они». «Они» это будут чеченцы, татары...

А. Мигранян. Я бы сказал по-другому. Это опора в географических рамках на Российскую Федерацию, на возможность исключения Северного Кавказа, но с очень сильным давлением в сторону тех территорий, которые населены этническими русскими.

А. Салмин. Я думаю, развиваясь, идея впереди на подкатке, всех подтягивая, не противопоставляя себя другим, а выполняя функцию интеграции. Игнорировать экономическую реформу и совершенно необходимо правовое ядро, правовое - в очень широком смысле. Только так мы сможем собрать это пространство воедино. Наполеон победил своим правовым кодексом Европу - армией он победить не смог.

А. Мигранян. Думаю, что в данном случае позиция Алексея мне очень близка. Я бы слегка конкретизировал: Россия, сознательно не порывая с СНГ, сохраняет эту втягивающую функцию отношений с ним, чтобы самой выкристаллизоваться. Находя свое место, обретая себя и в пространстве бывшего СССР, и в мире.

А. Салмин. Да, укрепление России. Но только в том же смысле, в каком, скажем, после второй мировой войны надо было укрепить германское или французское государство. Потому что, не установив контроль над территорией, над процессами, внутри происходящими, и Европу нельзя было интегрировать.

А. Мигранян. Ну все, на этом можно ставить точку.

И. Клямкин. И все-таки я добавлю... Да, это интегральная идея. Для меня важно здесь то, что государство не может консолидироваться, если оно абстрагируется от общего внешнего фона.

Но весь вопрос в том, как ведет себя этот внешний мир. Я не уверен, что Запад правильно делает, поддерживая исключительно движение к формированию национальной государственности в бывших республиках, абстрагируясь от СНГ. Мне кажется, Запад должен встать на позицию, способствующую укреплению общей крыши СНГ. Лидеры Запада должны - как Ельцин на встрече с нами - приехать на встречи глав СНГ. То есть поднимать статус этого образования. Тогда и Россия сможет играть ту роль, о которой вы говорили. Я хочу повторить еще раз: СНГ - это не просто надгосударственное образование, это способ строительства государственности в каждой из республик.

А. Дубнов. Один вопрос можно напоследок? Вы очень интересно здесь столкнулись своими концепциями. А не привелет ли реальное столкновение различных концепций к серьезным разборкам?

А. Мигранян. И Игорь, и Алексей говорили - и я с этим согласен: если будет реализовываться модель, о которой я упоминал, то, конечно, это приведет к серьезным катаклизмам.

А. Дубнов. Однако ты не прочь оказаться плохим PROVIDCEM. Спасибо и на этом.

Стенографировал А. ДУБНОВ

МИГРАНЯН

Мигранян: Россия и СНГ. Каково место России в Содружестве? На мой взгляд, главное для нее сейчас - становление собственной государственности. А с бывшими республиками надо укреплять двусторонние отношения.

Чувствуется стремление некоторых республик построить государство, руководствуясь национальной идеей. Но государство, созданное лишь на этнической, национальной основе, может быть только авторитарным.

том, что Россия должна стать гарантом стабильности на этом геополитическом пространстве и - главное - посредником в решении всех межнациональных конфликтов и противоречий. Ясно, что сегодня процесс формирования российской государственности еще далек от завершения. Политика России по отношению к ближайшему зарубежью сразу после Беловежской Пущи была сплошной импровизацией и авантюрой. Но теперь представления о роли, задачах и функциях России становятся более или менее осознанными. Первоначально у Ельцина и его окружения был как бы грех бессознательного разрушения огромного государственного целого, в чьем их и обвиняли. И были некие старания в рамках СНГ попытаться всех собрать воедино и продемонстрировать некую целостность, чтобы не травмировать общество. Создать иллюзию союза на новой основе, противопоставляя ее горбачевской идее ССГ. Горбачеву не удалось, а вот Ельцину удается. Но становление новой целостности, даже горбачевского типа, оказалось абсолютно недостижимым для этих людей, и они были отброшены назад намного дальше, чем Горбачев. Начался процесс мучительного осмысления новых реалий и нового места России во всем этом.

Более того, мне кажется, что сегодня наблюдается некий откат от идеи СНГ и его целостности, но российское руководство понимает: для массового сознания и для некоторого психологического комфорта еще какое-то время надо охранять иллюзию необходимости СНГ. Придать становлению Содружества втягивающий характер, не формируя его. Потому что сегодня для России главная проблема - собственная консолидация и перенос центра тяжести в своих отношениях с бывшими республиками на двустороннюю основу. Именно на этой основе Россия имеет все возможности оказывать необходимое давление на эти государства, исходя из вновь сформулированных национальных, приоритетных для нее интересов.

А. Салмин. Год назад я высказывал точку зрения, дополнявшую позицию Андриана. Убеждаясь, что распад Союза происходит по доста-

как раз в этой структуре Россия не обладала никаким собственным лицом, у нее не было ни своего ЦК, ни своего аппарата, который хоть как-то можно было бы адаптировать к новым задачам.

Более того. Как только рухнула союзная государственность, получились так, что властные структуры на местах, особенно в автономиях, оказались более активными и сильными, чем в Москве, что еще больше усилило тенденцию распада и дезинтеграции. И в этой ситуации в задачу российского руководства входило восстановление элементарного контроля, прямой и обратной связи с периферийными районами. Выход из элементарного паралича власти.

Эта задача худо бедно была выполнена. По крайней мере мы сейчас не в том положении, в каком были в декабре-январе. Я никогда не забуду ситуацию - не буду описывать ее по существу, - когда испытывал крайне неприятные чувства, узнав, что, скажем, введение чрезвычайного положения в Чечне не обеспечивало абсолютно ничем... И все-таки по сравнению с тем временем какие-то попытки адаптировать обломки старого организма увенчались сегодня относительным успехом. Опять стала конвертируемой таинственная валюта, которая всегда существовала на Руси, - бумага с печатью и полуплюс. На нее как-то реагируют...

Но остается другая проблема - внешние пределы государства. К сожалению, положение таково, что сама по себе концепция СНГ, этот бльезный отпечаток с концепции СССР - то есть единое пространство - то есть единое пространство в том же составе (надеялся даже на Прибалтику) - эта концепция не действует совершенно. Невозможно на таких основах интегрировать все силы, действующие по периферии России, их интересы являются совершенно взаимоисключающими.

Предстоит достаточно длительный период принципиальной нестабильности, когда будет утрясаться геополитическое пространство и формы внутри- и межгосударственных отношений. К этому надо привыкнуть и быть готовым. Но в краткосрочной перспективе мы сейчас приобрели некоторую

сельскохозяйственной цивилизации к индустриальной, и этот этап исторически пройден. Даже Украина не хочет этнической государственности. Но вот вопрос: по какому принципу, на какой идее эти государства будут консолидироваться? Один ответ - это твоя позиция, Андриан: находить политический механизм для того, чтобы интеграция осуществлялась политической волей.

Второй вариант - прямо противоположный, который сейчас наиболее отчетливо выражает Явлинский с его группой: кончить период старого реформаторства, реформу сверху. Все теперь пойдет снизу, от регионов, пусть они становятся самостоятельными, входят между со-

САЛМИН

быть решен двусторонними отношениями, понадобилось включение Украины. И получается, что реальная государственность Молдовы проявляется не на пути построения этнического государства, а обеспечивается сверху, с надгосударственной крыши.

И последнее. Поскольку именно на уровне этой крыши в Беловежской Пуще в декабре 91-го года состоялось соглашение между прежними советскими республиками, произошло разрыв прежней государственности - и в восстановлении государственности - пусть даже на уровне этих республик - может быть лучше обеспечено соглашениями между ними же. Поэтому я еще раз хочу сказать: речь идет о трех способах строительства новых госу-

дарственности. Мне кажется, наиболее перспективный, наиболее безболезненный - строительство с крыши. Но не с федеральной, а с надгосударственной.

А. Мигранян. Я полностью согласен с интерпретацией Игорем моих идей. Действительно, путь становления национальной государственности, связанный с революционными внутренними подвижками, очень опасен. И поскольку авторитарного перехода сверху к новой государственности, то есть управяемого ослабления власти и перераспределения ее сверху вниз, концепция которого я выдвигал в свое время, не произошло, то мне кажется предпочтительным тот путь, о котором сказал Игорь. Его когда-то предлагал Алексей. На концепцию Явлинского не останавливаюсь, Игорь достаточно убедительно показал свою иллюзорность и утопичность этого подхода.

Однако мне кажется весьма спорным тезис о том, что мы проскочили период становления этнических государств. Это было не реликтом XVIII-XIX веков, это происходило и в XX веке: Габсбургская Австро-Венгрия, Оттоманская Турция. Я думаю, что в России эти процессы были заморожены, и после того, как все распало, если не в явной форме в России, то на периферии мы уже это получили.

И самое интересное, против этой идеи, что время этнических государств кончилось, работают самые продвинутые наши республики - Прибалтийские. Они демонстрируют законченные образцы создания этнических государств, несмотря на аппаратные. Это - и процесс в Азербайджане, в Армении, в Грузии. Как ни странно, они идут и внутри России, по всем автономным. И уже начались в сугубо российских областях. Например, на юге или в Ярославле, то есть в тех регионах, где селился коренной русский этнос, приходящий сегодня в непосредственное соприкосновение с инородцами.

А. Салмин. А ты не вошел в противоречие с самим собой, когда стал говорить о формировании национальных государств этнических уже на уровне областей? Нет ли здесь чего-то совсем другого?

А. Мигранян. Думаю, нет. Я только пытаюсь показать тот общий фон, который работает на вариант создания национальной государственности... Я не называю это этническим государством, потому что даже в моем понимании национальное государство несколько шире. И в Европе национальное государство создавалось на основе не только одной этнической группы. Другое дело, что ядро нации, создававшей это государство, была действительно определенной этнической группой. Так, еврейское ядро перешло в российское, потом в имперское и так далее. Поэтому, я думаю, и в становлении русского национального государства будет участвовать не только русский этнос, в чистом виде, а все те, кто захочет участвовать в этом процессе добровольно.

Я себе представляю на данном переходном этапе развитие России и через экономические механизмы, и через идеологический механизм государства. То есть создание сильного централизованного авторитарного государства с русской национальной идеей, с мобилизационной экономикой. И только потом, поэтапно и контролируемо, может быть осуществлена попытка децентрализации. В нынешних же условиях фактически невозможно придать управляемость нашей стране, потому что ни один из участников этой игры - центр, регионы, республики - не придерживается общих правил. И нет того последнего предела, которого они не могли бы перешагнуть.

И. Клямкин. Я думаю, хорошо, что ты последовательно довел свою концепцию до утверждения: авторитаризм в наших условиях может быть только на национальной, этнической основе. Но надо все-таки, чтобы этот вариант был наглядно представлен. Что такое рус-

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Прежде чем задать маленьким детям работу, подумайте, справятся ли с ней их родители.

Первое сентября

№11

22 октября 1992 г., четверг

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

ПОКОЛЕНИЕ ЛИФТЕРОВ

Молчание — золото, но вряд ли с этим согласится учитель, когда на поставленный искренний вопрос классу ответа нет. Может быть, речь идет о болезни всего поколения? А если да — то тяготится ли поколение этой своей болезнью? Материал «Поколение лифтеров» читайте на 2-й полосе.

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Управление не может быть демократическим или авторитарным. Оно может быть профессиональным или непрофессиональным.

СТЕНОГРАММА № 10

Со слетов «Эврики»

НА УРОКЕ УЧИТЕЛЬ ВЫХОДИТ ИЗ СЕБЯ.

«Эврика». Я делегирую клубу право отбирать учителей на учебу в «Эврику» и анализировать качество преподавания, а «Эврика» берет на себя обязательство принимать на учебу учителей, отобранных клубом. Они знают, сколько у гороно есть денег, знают, сколько свободных мест в «Эврике», и сами собой управляют.

Людмила Нагетенкова, организатор внеклассной работы 8-й Каменск-уральской школы (Урал, Россия). А как управлять воспитанием? Как организовать что-либо для детей? Это сейчас абсолютно невозможно. Мой энтузиазм уже на пределе. Сегодня в школе нет никаких общественных организаций, пытаются хоть чем-то детей заинтересовать, бьются как рыба об лед, ни копейки, ну ни копейки ведь не дают на внеклассную работу! Да будь я хоть Мэри Поппинс, хоть профессор Игорь Иванов — ну если нет денег?

Галина Оя, начальник Нарвского управления образования (Эстония). Для гороно сейчас главная проблема — понимать, что происходит. Научиться понимать. Финансовые проблемы нас пока не очень волнуют. Средняя зарплата учителя в Нарве от 640 до 830 эрон (по последнему курсу крона «стоила» 18,5 рубля. — Прим. ред.), а директорская зарплата от 980 до 1700 эрон. При наших ценах это нормально. Во всяком случае, рабочие нарвских заводов в худшем положении, а многие (около 30 тысяч) просто в вынужденном отъезде находятся. Нашим учителям не грозит ни нищета, ни безработица. К тому же деньги на школу мы получаем прямо из городского бюджета. Но у нас в республике нет ясной программы развития русского образования. Недавно даже конкурс объявили на такую программу, и не было ни одной заявки! Очень трудно управлять, когда нет согласия в принципиальных вопросах: куда мы идем? И, конечно, очень трудно находить общий язык с депутатами. Я только и делаю, что призываю их к сочувствию.

Людмила Александрова, начальник областного главного управления народным образованием (Луганск, Украина). У нас в Украине разрушена вертикальная ведомственная структура управления. Я звоню мэру города и говорю: «У вас звоню не спрашивают. Давайте под-

маем о замене». А он мне отвечает: «Попробуйте заменить — присажайте на эссыю Совета, убедите депутатов, может, и получится». Я хорошо знаю, что депутаты — под влиянием мэра, а мэра звоню устраивает — послушен.

Хочу сказать, что областное управление на самом деле сегодня школой не управляет. Тем более что есть города, например, Лисичанск, которые в областной бюджет вообще ни копейки не отдают, какие мы им начальники. Я ни финансово не управляю, ни административно. Поэтому приходится работать пожарником: там загорелось — бегу тушить, там тлеет — мчусь туда с ведром воды. Никакой у нас нет власти и никакой нельзя вести серьезной политики в образовании.

Анатолий Карайкоза, директор Милонидовской средней школы (Донецк, Украина). Так кого же мы сегодня воспитываем в условиях тяжелого перехода к капитализму? Уже коллективиста не воспитываем? Индивидуалиста? А интернационалиста уже тоже не воспитываем? Понятно — теперь формируем гармонически развитого националиста. Дуй, учитель, до горы, только теперь до другой. Ну, если мы хотим уробрить образование, пусть учитель будет бессловесным. Да ему и некогда про такие вещи думать — нагрузка под тридцать часов плюс нищета. Свои часы отработал — беги на огород, беги к торове, к поросенку, а про всякие тонкости — кого воспитывать — некогда думать...

ИЗ АНАЛИЗА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В Г. ЛИСИАНАНСКЕ. Впервые за многие годы перед учителем встал вопрос: зачем и чему он учит? Новая система ценностей, формируемых рыночной экономикой, и государственные требования к школе, которая должна занять ключевую позицию в воспитании национального самосознания у детей, вошли в противоречие с личными установками учителя. Учителя чувствуют себя ненужными государственными служащими.

Валентин Киричек, заведующий Лисичанским гороно (Донецк, Украина). Министерство спустило нам 60 разных учебных планов. Вы-

бирай — не хочу. И не хотим. Как преодолеть стереотипы? Я о себе говорю, прежде всего о себе. Как же это оказалось трудно: увидеть мир многовариантным. Увидеть, что школы могут быть не просто разными, а такими, какими сами хотят быть. И еще для нас очень трудно — управлять, а не командовать. Как-то мы вдруг потеряли предмет своей деятельности. Кто мы такие? Чего от нас ждут люди, на что надеются? Я уже семь лет загороно, но никогда не думал, что управление — это выбор. Для меня всегда главным было: есть одна правильная линия, остальные — неправильные. Теперь мир стал разноцветным. Теперь бы работать и работать, но мы чувствуем равнодушие правительства к школе.

Сегодня школой управляют в основном те же люди, что и два, три, пять лет назад. Проще всего было бы сказать: давайте заменим старых бюрократов на новых, и дела пойдут на лад. Не пойдет. Опыт показывает, что чиновниками не рождаются. Это очень трудная профессия, годы уходит, прежде чем удастся ее освоить.

Чему же сейчас учатся, вернее, чему переучиваются старые чиновники-управленцы в образовании? На наш взгляд, решаются две основные задачи: как сделать так, чтобы школа была для ребенка, а не ребенок для школы, и второе — как сделать главным закон об образовании, а не «мнение» чиновника.

А пока — ни учителя, ни родители, ни учителя в школе не хозяева. Кто же хозяин?

Анализ образовательной ситуации в регионах делала сотрудники Свободного университета «Эврика»: А. Адамский, А. Аронов, Ю. Бархав, Б. Грозовский, С. Ермаков, А. Землянский, Т. Ковалева, Э. Шепель.

Стенографировал А. АДАМСКИЙ

Вы помните об «эвриканских» слетах? Клуб творческой педагогики «Эврика» проводил их по всей стране. Год восемьдесят шестой: «Школа будущего». Восемьдесят седьмой: «Дни творческих уроков» (Москва). «Эврика-диалог» (Харьков). «Эврика-авангард» (Кубышев). Восемьдесят восьмой год: «Авторская школа» (Москва). Красноярск, Асаново под Ижевском). В 1989 году, когда разгромили матвеевскую «Учительскую газету» (а она была организатором этих слетов), для эвриканцев наступили не лучшие времена. Но затем они стали создавать свои школы, центры, лаборатории, появились даже университеты.

И теперь уже Свободный университет «Эврика» проводит по всему бывшему Союзу — ныне ближайшему зарубежью — сборы и семинары. В конце нынешнего лета прошло несколько сборов, на которых обсуждалось, кто и как управляет школой. Каждый сбор начинается «Часом открытий», когда учителя, директора школ, ученые говорят о том, что их больше всего волнует. Мы предлагаем вам сегодня фрагменты стенограммы «Часа открытий» — не потому, что это сказанное представляется нам единственно верным. Но нам кажется, что сказать что-нибудь вслух и от сердца — это уже полдела.

Александр Землянский, декан факультета «Менеджмент развития» Свободного университета «Эврика». Управление не может быть демократическим или авторитарным. Оно может быть профессиональным или непрофессиональным. Никто ведь не борется за демократические правила техники безопасности или либеральные правила дорожного движения. В управлении есть две основные стратегии:

ИЗ АНАЛИЗА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В Г. ВЕРХНИЙ УФАЛЕЙ. В городе 10 школ, 400 учителей. В учительской среде города — кризис профессиональной позиции, потеря ориентации. Учитель считает, что его задача — дать ребенку единственно правильные ответы на все вопросы. Но представление об управлении учителями сегодня безнадежно устарело.

Тамара Еремина, директор 6-й Верхнеуфалейской школы (Урал, Россия). Какие могут быть новации в школе, где тридцать девять классов вместо двадцати двух? Мы учимся в три смены, нагрузка учителя 28 — 34 часа в неделю да плюс классное руководство. А в классе сидят и те, кто безнадежно отстал, и те, кто по-настоящему хочет учиться.

Владимир Армянин, начальник Каменск-уральского городского управления народным образованием (Урал, Россия). У меня одна стратегия управления, я прошу учителей: «Потерпите». Но чувствую, что даже их терпение на пределе. У нас город смятый, здесь раньше леминговские заводы были и сейчас стоят. И еще живы те настоящие русские учительницы-педвижницы, бабушки уже. Если честно — только их духом и стоим. Остальные — растеряны. Непонятно, чему учить, во имя чего. Я работаю начальником всего-то ничего, с февраля этого года, хочу, чтобы учителя узнали как можно больше о разных образовательных системах, о педагогике сотрудничества, а они приходят ко мне, говорят: «Ирина Георгиевна, милая, мы проработали по тридцать лет и теперь видим: вся жизнь — насмарку». Представляете, как это страшно — жизнь насмарку? Мне кажется, что в школе сейчас опустошенность и безверие учительства. И наша за-

дача — укрепить веру и вселить надежду.

Мы сейчас как первопроходцы, как пионеры на американском западе — только вместо индейцев диких у нас инспектора. Того и гляди налетят и скальп снимут — не так работают. Раньше хвалили за то, за что сейчас ругают.

Светлана Шалавина, директор 31-й Каменск-уральской школы (Урал, Россия). Значит, я должна понимать, как перестроить мышление учителя? Учитель пока тяжело растается с привычным: «Я сказал — ты выполняешь». Не может он пока перестроиться, не может...

ИЗ АНАЛИЗА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В Г. КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ. Руководители школ города не понимают, что традиционные способы административной деятельности уже не эффективны. Им до сих пор кажется, что можно усовершенствовать традиционную модель управления. У большинства руководителей нет осознанной потребности в экономической и правовой автономии школы. Закон «Об образовании» директора школ восприняли как инструкцию, а не как право. Заработная плата учителей в среднем — 2640 рублей. Половина учителей не имеет никаких шансов на получение квартиры.

Любовь Какшаева, директор 16-й Каменск-уральской школы (Урал, Россия). Самый страшный человек в нашей жизни — это пожарный инспектор. Я вообще считаю, что

либо реакция на возмущение системы, на отклонение от нормы, либо стратегия самозащиты школы.

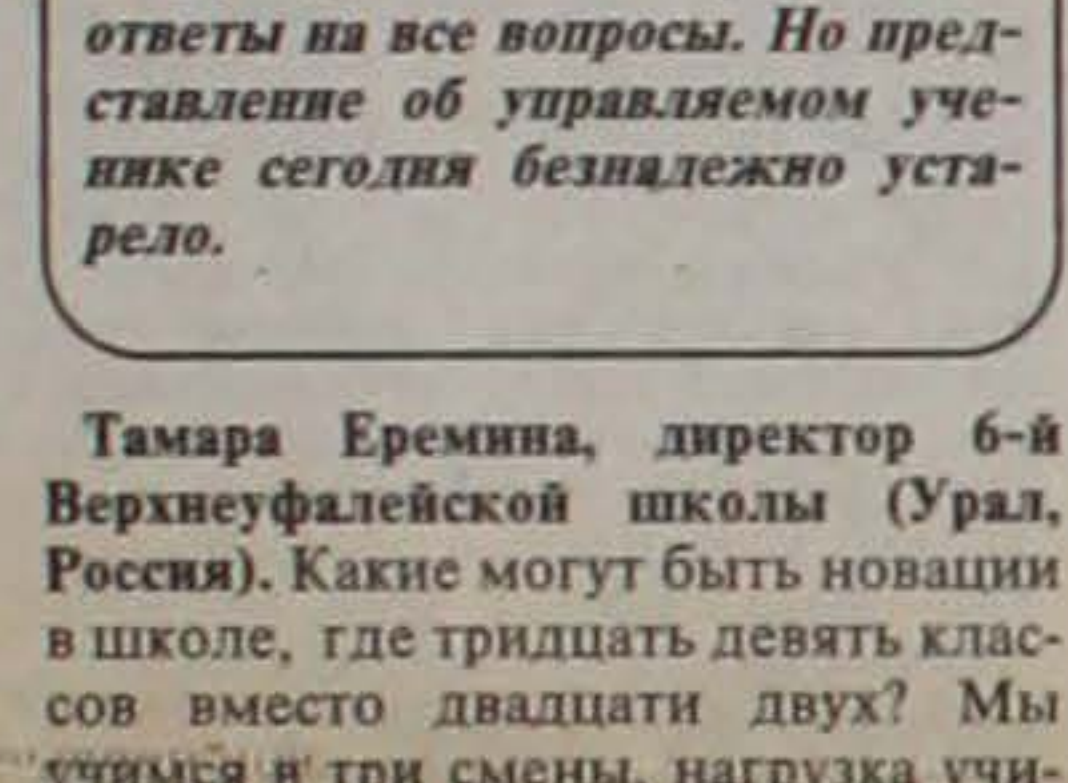
Ирина Дюбенко, начальник Верхнеуфалейского городского управления народным образованием (Урал, Россия). У меня одна стратегия управления, я прошу учителей: «Потерпите». Но чувствую, что даже их терпение на пределе. У нас город смятый, здесь раньше леминговские заводы были и сейчас стоят. И еще живы те настоящие русские учительницы-педвижницы, бабушки уже. Если честно — только их духом и стоим. Остальные — растеряны. Непонятно, чему учить, во имя чего. Я работаю начальником всего-то ничего, с февраля этого года, хочу, чтобы учителя узнали как можно больше о разных образовательных системах, о педагогике сотрудничества, а они приходят ко мне, говорят: «Ирина Георгиевна, милая, мы проработали по тридцать лет и теперь видим: вся жизнь — насмарку». Представляете, как это страшно — жизнь насмарку? Мне кажется, что в школе сейчас опустошенность и безверие учительства. И наша за-

дача — укрепить веру и вселить надежду.

Мы сейчас как первопроходцы, как пионеры на американском западе — только вместо индейцев диких у нас инспектора. Того и гляди налетят и скальп снимут — не так работают. Раньше хвалили за то, за что сейчас ругают.

Светлана Шалавина, директор 31-й Каменск-уральской школы (Урал, Россия). Значит, я должна понимать, как перестроить мышление учителя? Учитель пока тяжело растается с привычным: «Я сказал — ты выполняешь». Не может он пока перестроиться, не может...

Любовь Какшаева, директор 16-й Каменск-уральской школы (Урал, Россия). Самый страшный человек в нашей жизни — это пожарный инспектор. Я вообще считаю, что

ДЕТСКИЙ САД КАМЕРА ХРАНЕНИЯ ДЕТЕЙ

ЧЕЛОВЕК НАПИСАН СМЫСЛАМИ

РЫНОК НЕПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛУГ

ВСТРЕЧА С МИНИСТРОМ

Нужна ли в школе колючая проволока

Э. Днепров о насилии и безопасности

Самая болевая и трудная для решения проблема — насилие в школах, безопасность детей. По данным российского Министерства внутренних дел, за первые шесть месяцев года подростками или при их соучастии совершено 97 600 преступлений. Многие из этих преступлений совершаются в школах, на школьных дворах, и тут мы, пожалуй, вполне можем жить по американским стандартам: и в Америке, в Чикаго, например, есть районы, где лучше не выходить из машины, не опускать стекло. Это с одной стороны. С другой стороны, и у нас даже в образовательную школу может ворваться очередной прапорщик с пистолетом или автоматом, приставить его к голове или животу педагога и яркнуть: «Попробуйте поставить сыну двойку!» Там, где общество проходит полосу серьезной болезни, безопасность даже полицейскими, милиционными методами обеспечить — просто утопия. Я вообще затруднился бы говорить о том, что где-то есть безопасные школы. Другое дело, что в самой школе должны быть созданы предельно комфортные условия — в любом смысле. Они

во многом и будут определять атмосферу. Исключая насилие как метод из сферы педагогики, мы уменьшаем и насилие со стороны детей. Есть много коллективов, которые стремятся к такому положению. Возьму известную школу А. Катликова в Сыктывкаре. При этом это не просто школа, это же интернат для сирот. Лучшего учебного заведения не видел и на Западе. По атмосфере теплоты, участия, отцовства. Безопасность здесь существует изнутри, из-за отношения к детям. Внешняя же безопасность всегда вторична. Многие думают: религия, необходимость уменьшить насилие. И потому усиленно пропагандируют обязательные уроки Закона Божьего. К сожалению, мы привыкли к тому, что нам нужны костыли. Мы не умеем, точнее, разучились ходить на собственных ногах. Вышибли костыль коммунистической идеологии — пытаемся схватиться за костыль православия или ислама. Школа должна быть светской, религия — частное дело каждого. Да, без истории религии в нашем сознании отсутствует близательный пласт культуры. Но искать в нем панацею несерьезно.

Министерство связи СССР «Связь»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **32024**

Первое сентября (индекс издания)

на 19__ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная карточка

№В место др-тер на журнал **32024**

Первое сентября (индекс издания)

на 19__ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

Министерство связи СССР «Связь»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **32024**

Приложение (индекс издания)

на 19__ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная карточка

№В место др-тер на журнал **32024**

Приложение (индекс издания)

на 19__ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Задавая вопрос, дайте ученику время подумать. Опыты показывают, что несколько секунд ожидания в тишине повышают количество ответов на 20 процентов.

Первое сентября

№12

24 октября 1992 г., суббота

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

Есть закон. Нужна программа

Мы все так или иначе задумываемся — какое место в рыночном обществе будет уготовано образованию. Сможет ли оно, наконец, работать на потребителя? «Мало иметь для этого закон об образовании, для решительных перемен необходима новая программа» — решило правительство России и объявило конкурс на разработку Федеральной программы развития образования. Подробности — в следующем номере.

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Мы развелись, но дети у нас — общие. Министры договорились дружить семьями.

Как мы уже сообщали, 2—3 сентября 1992 г. в Ташкенте состоялась конференция министров образования. Участники ее старались наладить равноправное сотрудничество государств в сфере образования, разработать совместные многосторонние программы.

В перерывах между заседаниями участники конференции говорили между собой о школе, о ее проблемах.

Участники беседы: министр образования Узбекистана Джуря Юлдашев, заместитель министра просвещения Армении Артак Саградян, министр образования Беларуси Виктор Гайсенко, министр образования России Эдуард Днепров, первый заместитель министра образования Туркменистана Оман Бекджанов, министр образования Украины Петр Таланчук, первый заместитель министра образования Казахстана Виталий Корольков, заместитель директора Института педагогики Литвы Виолета Ионинене.

В. Гайсенко. Конечно, школе сейчас трудно. Стало уже общим местом говорить о том, что состояние школы определяется состоянием общества. Тем не менее это так. И пока не стабилизируется экономическая обстановка в наших государствах, пока не будут преодолены последствия распада Союза, ситуация в образовании не выправится. Правда, у школы есть свой плюс. Это, как ни странно, ее инерционность, даже некоторый консерватизм, за что ее не раз обвиняли. Сейчас эти качества придают ей устойчивость, она оказалась более стабильной, чем многие другие структуры, в нынешней обстановке экономического хаоса.

О. Бекджанов. Наша главная забота, печаль наша — учительские кадры. Так недостаёт хороших учителей! Вы ведь все знаете, как оплачивается сегодня учительский труд, и учитель уходит в другие сферы деятельности. Теряем кадры. И это нас беспокоит. Сейчас присматриваемся к опыту Турции — там материальное стимулирование учителя на очень высоком уровне.

У школы есть свой плюс. Это, как ни странно, ее инерционность, даже некоторый консерватизм, за что ее не раз обвиняли. Сейчас эти качества придают ей устойчивость, она оказалась более стабильной, чем многие другие структуры.

А. Саградян. У нас тоже учителей не хватает. Особенно в горных районах: такие условия, что не всякий поедет туда работать.

В. Корольков. С кадрами и у нас проблема. Прямо скажу, хороших учителей очень мало. Учитель-диктатор, учитель — административный работник, не желающий, не умеющий творчески мыслить, он еще сохранился. Думаю, не ошибусь, если скажу: у нас, в Казахстане, таких учителей процентов семьдесят. Мы сейчас думаем о том, как изменить такое положение. Должны прийти другие учителя — молодые, недавно окончившие вузы. У нас (и это, мне кажется, очень хорошо) Министерство образования единое — оно занимается проблемами и средней, и высшей школы. Наша надежда — на выпускников педагогических институтов.

Наложить психологический климат в школе. Сейчас школе дана большая свобода, в этой свободе не все умеют распорядиться.

Э. Днепров. Да, школа получила главное — свободу. И хозяйственную, и правовую. Это очень важно. Началось реформирование образования. Но, конечно, процесс этот непрост. Реформа — процесс длительный.

В. Ионинене. Здесь еще так много работы! В Литве школьная реформа, которая началась в 1918 году, продолжалась шестидесять лет. Тогда в преобразование школы включались самые умные люди республики, они прекрасно понимали роль школы в совершенствовании общества. Но перемены происходили не быстро. А ведь тогда ничего не надо было разрушать — только строить. Теперь же...

Когда в 88-м году была принята новая концепция образования, мы ее с таким восторгом, с таким воодушевлением приняли! Это было, пожалуй, первое слово нашей перестройки: не с экономики все началось, а именно с образования. Но потом мы увидели, как непрост бу-

дет путь, который предстоит пройти, как он будет долгим. Поменять портрет Ленина на литовский герб нетрудно. А по-настоящему изменить, реформировать школу...

Э. Днепров. Конечно, путь предстоит нелегкий. Но мы уже вступили на этот путь. На каждом этапе reforms должны включаться все новые и новые механизмы ее продвижения. Началась структурная перестройка школы. Смысл ее в том, чтобы школьное образование соответствовало спросу, отвечало потребностям общества. Начали появляться гимназии, лицей. Правда, их еще недостаточно. Многие предстоит изменить в профессиональном образовании. А проблема национальной школы?..

В. Гайсенко. Возвращение к национальным истокам, к национальной культуре — эта задача стоит, я думаю, перед всеми бывшими союзными республиками. Ведь до недавнего времени все учились по одним учебникам, по одним программам — от Прибалтики до Дальнего Востока. Это унификация всего и вся шла из центра. Не из России —

именно из центра. Русский народ пострадал в той же степени, что и остальные, — национальное своеобразие, корни, истоки национальной культуры совершенно не учитывались. Для Белоруссии возрождение национальной школы приобретает сейчас большое значение. Речь идет не только о языке, речь — о духе образования, о его содержании.

Идеология образовательной концепции, которую разработали в 1988 году, едина во всех бывших республиках.

А. Саградян. Дети обязательно должны знать историю своего народа, его культуру. Ведь как до сих пор преподавалась история? В первую очередь — история Руси, ну, пожалуй, Украины, потом советского времени. А про каждую из остальных республик — скоротечной, на страничку всего. Из центра шел диктат: все должно было быть по единому стандарту.

П. Таланчук. От этой унификации образования все мы потеряли очень много. Какую область знания ни возьми... Вот хотя бы биологию. Казалось бы, при чем здесь национальные особенности? Но посмотрите: все дети знают, где вольты слоны, знают, что центуру — обитатель Австралии, а спроси их, какие птицы вылет гнезда рядом с их собственным домом, — изовут три, ну, пять видов. А ведь мир вокруг них, рядом с ними огромен и разнообразен.

Д. Юлдашев. Мы сейчас вводим в школе предметы, которые так или иначе учитывают национальные особенности: этнографического характера, например, или изучение народного искусства. Но в сугубо своих национальных рамках тоже, наверное, не стоит замыкаться, а то мы впадаем в другую крайность. Вот, например, открылся у нас узбекско-турецкий лицей. Обучение в

нем пока бесплатное — тут нам помог кооператив из Турции: они оплачивают и питание детей, и аренду помещения, даже школьную форму. Но это только в первый год, потом за обучение в лицее надо будет платить, и немало. Мы хотим, чтобы обучение в этом лицее соответствовало мировым стандартам. Это очень важно для нас. Пусть это пока начало. Но ведь от развития школы будет зависеть развитие общества.

В. Корольков. Мне кажется, общество уже начало понимать: образование — решающая сила в развитии любого государства.

П. Таланчук. А если не понимает, то скоро поймет, должно понять. Ведь мы все, да, почти все — малообразованные люди. Потому и работаем абы как, потому и экономика хромает, и промышленность в разладе. Я не верю, что наши государства, бывшие республики, возродятся, если не подыять резко плану образования, обучения. Причем образование всех, взрослых в том числе: нужна система переобучения, повышения квалификации. Все население надо вовлечь в эту учебу, иначе так и будем отставать от других стран.

О. Бекджанов. Ну, не знаю... Поднимаешь эту планку — а дети до нее не дотягиваются, под ней проскакивают. Школьная программа должна быть такой, чтобы дети могли ее освоить. Для многих наших детей сегодняшняя программа чересчур сложна. Нам самим еще надо понять, на какого ученика — сильного или слабого — ориентироваться. Поэтому хотелось бы чаще встречаться с коллегами из других независимых государств, посоветоваться, поразмышлять вместе.

Э. Днепров. Мы и собирались здесь сейчас, чтобы подумать: как же нам все-таки поддержать друг друга, в

чем помочь, чему друг у друга научиться. Мы часто обращаем свои взоры на Запад, смотрим, как работает система образования там. Но ведь у всех нас, у тех, кто раньше жил в одном Союзе, гораздо больше точек соприкосновения. Распад Союза — это итог политического бесплодия старой системы. Конечно, это большой удар, это большая потеря для нашего общества — не в имперских каких-то амбициях, а в тех культурно-исторических традициях, которые всех нас связывали. Но нет худа без добра. Этот распад дал старт развитию национальных систем образования. У каждой образовательной системы появляются свои национальные особенности. Но что меня очень радует — то, что идеология, образовательная концепция едина во всех бывших республиках. Та, что разрабатывалась в 1988 году...

В. Ионинене. Да, я уже говорила: тогда, в восьмидесятые восьмидесятые, мы все были воодушевлены чрезвычайно. Это потом стало ясно: свобода — самая тяжелая ноша. Нужно уметь быть свободными. Говорить учителям: вы свободны, лейте указания! А они по-прежнему ждут указаний... Можно принять хорошую концепцию, можно сменить учебные планы, но все это внешняя оболочка, скорлупа. Главное — ну-

СТЕНОГРАММА № 11 Из Ташкента

три: чему и как мы будем учить. И зачем учить. Раньше предполагалось: ученик оканчивает школу, чтобы затем поступить в вуз. Вот такая была цель — вуз. При этом не столь уж важно, какой. Но ведь надо же думать и об интересах личности — а каждый ребенок, конечно же, личность, — и об интересах общества...

П. Таланчук. Мы очень надеемся, что общество наконец начнет интересоваться результатами нашей работы. Сколько же можно требовать только со школы! И родители должны быть ответственны за воспитание детей, и производственники надо обратить внимание на школу — ведь туда к ним завтра придут дети, которые сегодня сидят за партами. Пусть школа станет своеобразным клубом, где встречаются заинтересованные стороны: учителя, родители, люди с производств. Ведь они действительно должны быть заинтересованы в судьбе школы, в судьбе детей — в конечном итоге судьбе будущего. Тут, я думаю, и церковь должна сказать свое слово: что хорошо, что плохо и почему именно это плохо. Мы хотим и президента Украины попросить оказать внимание школе. Предположим, школьник отлично учится и ему вручают почетную грамоту от имени президента, подписанную президентом. Это же все сразу увидят: какое знание придется образованию. Государство должно понимать, что ему необходимы умные, образованные люди, способные работать в новых условиях.

В. Корольков. Я убежден: именно благодаря образованию должны

ходимы, без них ему в жизни не продвигнуться.

Д. Юлдашев. У нас в республике начинают уже готовить молодежь, которая сможет работать в условиях рынка. Создают лицей, где обучение идет на иностранных языках, где учат экономике, менеджменту. Вообще мы считаем, что должны быть школы разного типа: и лицей, и гимназия, и частные школы, и школы для детей одаренных. Даже обучение в семейных условиях теперь у нас возможно...

А. Саградян. Альтернативные

ЧИТАЙТЕ СТЕНОГРАММЫ!

Читайте наши стенограммы. Привыкайте к ним. Это — социологическое исследование особого рода, какого вы не найдете больше нигде. Это картина нашей жизни — в разговорах самых разных людей, в их спорах, размышлениях, осмыслениях того, что происходит сегодня со всеми нами.

В уже вышедших номерах «Первого сентября» вы могли прочитать стенограммы:

- № 1 — из редакции,
- № 2 — из школьного класса,
- № 3 — из учительской,
- № 4 — обсуждение закона «Об образовании»,
- № 5 — из подмосковной электростанции,
- № 6 — из математической школы,
- № 7 — из педагогического колледжа,
- № 8 — из Чикаго,
- № 9 — с дискуссии психологов,
- № 10 — со слетов «Зврки».

А скоро вы сможете прочесть стенограммы из Санкт-Петербурга, из обочины московской кухни, из ювелирной мастерской, с собрания союза кузнецов.

Мы, наши читатели, тоже можете принять участие в создании этой своеобразной летописи. Присылайте нам записи бесед: со своими коллегами, с друзьями, может быть, даже со случайно встретившимися людьми. Ведь не только же о высоких ценах и низких зарплатах мы говорим, собравшись вместе... А лучшие стенограммы будут премированы.

Читайте наши стенограммы. Пишите нам. Подписка на газету «Первое сентября» на 1993 год, в которой печатаются стенограммы, идет во всех почтовых отделениях. Индекс издания 32024. Если вы хотите получить «ПС» до нового года, присылайте свой адрес. Вы получите газету наложенным платежом.

произошли положительные изменения в обществе. А то мы все на рыночную экономику уповаем. Никакой рынок у нас не заработает, если мы не воспитаем, если не научим человека тому, что необходимо знать и уметь.

А. Саградян. Я думаю, в условиях рынка изменится и отношение наших учеников к учению. Молодой человек поймет: знания ему необ-

ходимы, без них ему в жизни не продвигнуться. Мне даже кажется, что их чересчур много, просто мода такая пошла. Из одной крайности мы бросаемся в другую, хотим все изменить революционным путем. Но в образовании не революция нужна, а постепенность, эволюционность изменений. Еще не известно, что получится из всех этих лицеев и гимназий...

жет быть, надо все же этих детей разделить, дать им хороших учителей, создать из них специальный класс, а лучше — отдельную школу. Обязательное образование у нас — девятилетнее. А если ученик не очень хорошо успевает, после девятого класса он может уйти в ПТУ, совсем не обязательно его тянуть до выпускного класса. Все-таки способности у всех разные.

В. Ионинене. Я все-таки немножко не согласна с Джурой Ганиевичем. В том, что надо разделять детей на способных и неспособных. Способности ведь тоже надо уметь видеть, не все могут ярко о себе заявить, одаренность до поры может таиться в душе, внутри человека. Мы в Литве считаем: нас так мало, нам так дорог каждый человек. Не надо его отбирать, отсеивать. Не надо...

Д. Юлдашев. Хорошо, что мы поборились все вместе, что можем поговорить, поспорить, пообщаться. Наша профессия мирная, мы обязательно должны встречаться. Знать, что делается у соседа. Что-то, может быть, перенять, что-то использовать с учетом своих особенностей. Союз распался, но разве это повод обрывать общение с друзьями из бывших республик! Мне так не хватает общения! Педагогического общения...

О. Бекджанов. Обязательно надо встречаться. Вот мы говорим: как хорошо, что теперь разные программы, есть из чего выбирать. Но надо все-таки и сохранить что-то

Учителю просто надо освободиться. Освободиться самому, внутренне. Понять, что он может очень многое.

Э. Днепров. Я не хотел бы вмешиваться в личность и что-то в ней менять. Мы постоянно говорим: нам нужен новый учитель, новый человек. А нам нужен — человек. Учителю просто надо освободиться. Освободиться самому, внутренне. Понять, что он может очень многое.

Для этого, может быть, помочь ему взглянуть на себя со стороны, помочь осмыслить то, что происходит сегодня в обществе. Мне кажется, таким помощником могла бы стать хорошая газета для учителя. Она поддержала бы учителя в его творчестве, возродила тот душевный настрой, который так остро чувствовался в восьмидесятых годах. Этого ни один министр, ни одно министерство не сделает, и это была бы духовная и профессиональная поддержка учителя. А учитель этот творческий стимул перенес бы на своего ученика. Дети — они ведь народ талантливы...

Д. Юлдашев. Мы как раз очень стараемся поддерживать талантливых детей. Раньше такое было мнение: «Нет плохой земли — есть плохие земледельцы. Нет плохих учеников — есть плохие учителя». Но, наверное, это все же не так. Есть дети изначально одаренные и есть обычные дети. Одаренных мы стараемся как-то опекать. Провели специальный конкурс, тестирование. Из разных областей нам учителя порекомендовали пять тысяч отличников. Но из них по-настоящему талантливых оказалось чуть больше двухсот, мы теперь за ними наблюдаем. Пока еще не знаем, как поступить: некоторые учителя говорят — пусть учатся вместе со всеми, чтобы за ними другие тянулись. Но, мо-

общее в них. Поедет, скажем, мой ребенок поступать в московский вуз, а как он поступит? Ведь учился он по другой программе... Что бы ни говорили про Советский Союз, а он свое дело сделал: служил как-то нас всех. И теперь не должны мы забывать о своих связях...

Э. Днепров. Начали мы наш разговор с того, что школе трудно. Даже такое выражение иногда употребляется: школа болела. Но я все же считаю, что школа сейчас находится в посткризисном состоянии. Она, конечно, еще не выздоровела, ее лихорадит, и температура иногда поднимается, но кризис — кризис мы прошли в восьмидесятых. Именно тогда была выработана новая стратегия, школа обрела второе дыхание. Пришла в нашу жизнь педагогика сотрудничества, были сформулированы принципы, которые сейчас уже начали работать. Школа выздоравливает, обязательно. И, я думаю, даже раньше, чем станет здоровым все общество. Потому что есть у нас все-таки свои внутренние ресурсы. Нам бы только хоть немного стабилизировать ситуацию, только бы самый трудный вопрос решить — с заработной платой учителя.

Д. Юлдашев. А вот я оптимист. Если будет мир в наших республиках, то лет через пять страна, которая раньше называлась Советским Союзом, станет одной из самых цивилизованных стран. Это сейчас мы пока что нуждаемся в помощи. Но если будет взаимная поддержка и дружба, то мы — пройдет какое-то время, — мы и сами другим странам сможем помочь... Я же говорю: я — оптимист.

Стенографировала
Г. СЛОБОДЧИКОВА

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Будьте внимательны: может быть, 7-й „А“ объявил вам войну, а вы и не знаете? Торопитесь начать мирные переговоры.

Первое сентября

№13

27 октября 1992 г., вторник

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Всем трудно. А женщинам — вдвойне, ведь нужно еще быть красивой.

СТЕНОГРАММА № 12 (из парикмахерской)

В эту парикмахерскую я попала случайно. Но с тех пор хожу только туда. Постригут и причешут здесь ничуть не хуже, чем в салоне. А возьмут за свои услуги намного дешевле. Повяты, здесь не только наводят красоту, но и активно общаются. Настоящий женский клуб. И разговоры — соответственно — женские...

КАТЯ (мастер). Она маленькая, наша парикмахерская, но зато посмотрите, как у нас чисто. Цветы, зелень. С мебелью, конечно, плоховато — бедные мы. Вот и живем — бедно, но чисто. Некоторые наши коллеги этим похвастаться не могут. Слышали, какой скандал недавно случился в некоторых престижнейших салонах? Нет? Санэпидстанции потребовала их закрыть из-за жуткой антисанитарии. Представьте, какой стыд! А если я вам назову эти салоны, вы вообще упадете. Приролен сорок летом покакрывали. Представьте, что там творилось?

КАТЯ. А зубная паста сколько стоит? Про кремы, лосьоны, про лезвия для бритья для наших бедных мужчин, про всякие чистящие, моющие средства для кухни и сантехники, про многое другое я молчу. Конечно, сейчас все дорожает. Но эти вещи должны быть и безработному, и бездомному — всем доступны. А у нас... Когда человек вынужден выбирать между куском хлеба и куском мыла — как вы думаете, чему он отдаст предпочтение? А страдает от этого все общество в целом. Потому что с грязью не только тиф начинается — масса других заболеваний. Вы в столовой

свидания! Девчонок, дочерей своих, сама надолбывалась стричь. А жалко: они уже почти взрослые, выпуклились, хотят быть красивыми. Иногда под настроение мужа своего упрекаю: мол, до чего же вы, мужики, нас довели! Мало того, что шаем наравне с вами, на хлеб насущный зарабатываем, домашний труд бесценно на себе тянем. Так теперь, чтобы вам нравиться, приходится нананивать выворачиваться, бог знает на чем экономить, чтобы на парикмахерскую накопить или на косметику...

КАТЯ. Наши бабушки без этого обходились. Свежикой шези подкрашивали, угольками — брови, а парикмахерскую заменяли раскленными щипцами или какими-нибудь примитивными тряпочными бигуди...

ВАЛЯ. Вот-вот, скоро и мы начнем так изворачиваться. Только что это за жизнь наступит? Ведь женская красота, она все облагораживает, все обещает.

АНЯ. Да бог с ней с красотой. Наши бы ребята здоровенькими сбереж! Моя Аллочка возвращалась вечером одна домой, после второй смены. Мы все на работе, некому ребенка встретить, да и большая уже вроде. Увязалась за ней какой-то кретин. Она у него из рук вывернулась, убежала. Но ведь этого негодяя не задержали. Даже искать не стали, я уверена. А куда он дальше пошел? И сколько таких маленьких дурочек, что сами на любой крючок попадутся? Куда угодно с незнакомым дядей пойдут...

НАТАША. Как-то по телевизору рассказывали об одном эксперименте, который проводила милиция. К ребятам подходила на улице, спрашивала: "Заработать хочешь?". В ответ был записан: "Да!". Сидели в машину! А в ней — три здоровых мужика. Вы думаете, хоть один ребенок отказался? Экспериментаторы были в ужасе!

ВАЛЯ. В школе детей учат чему угодно, только не тому, что жизненно необходимо ребенку, что надо знать в самую первую очередь. Забыть не могу, как мои шестилетние близняшки заучивали наизусть из букваря текст гимна. Не с этого бы начинать. Надо элементарно научить ребенка, как с наименьшими потерями по этой бурной, извините за банальность, реке под названием жизнь выплыть, раз уж закинули в нее взрослые не обученного плавать малыша. А потом уж гимн вдалбливать. Хотя теперь это и вовсе не нужно. Союз

этой, как выяснилось, вовсе не надежной великая Русь сплотила.

АНЯ. К нам недавно родственники из-за границы приезжали. Так там, за границей оказывается, дети вместе с аттестатом зрелости (или как он у них там называется?) получают права на управление автомобилем. Учить этому начинают довольно рано, когда еще не пропал интерес. А экзамены — в полицию (ну, в их ГАИ, что ли?). Принимают такие экзамены очень строго, но сдают все. Потому что ребенок идеально подготовлен. У них вожделе автомобиль — такой же важный предмет, как, скажем, математика, или география, или химия. Нет, я ошиблась, они еще раньше, до окончания школы водительские права получают, с определенным какого-то возраста. В каникулы подросток может поработать, например, судомойкой и купить себе подержанный автомобильчик. Ведь как здорово, правда?

нее прав, конечно, нет. Ну, это отдельный рассказ, как она туда поступила, кому и сколько заплатила. Это я как-нибудь потом расскажу. Но наконец-то недавно тетюшка села за руль. Инструктор — молодой паренек. Ну, воспитатель! Чего глаза вытупила, дура! — это не самое грубое к ней обращение. А тетюшка — педагог с приличным стажем, причем человек исключительно интеллигентный, воспитанный. Терпела-терпела, пошла к руководству и деликатно попросила перевести ее к другому инструктору, поскольку этот, мол, непонятно объясняет. Перевели. На первом же занятии новый учитель ей с ходу: "Куда ты, тра-та-та, лезешь? Не видишь, тра-та-та, знак какой висит?" А тетюшке водительские права необходимы! Так что будет она, бедная, терпеть и поборы, и хамство. И куда не денется.

ВАЛЯ. А ведь этих хамов и хапуг тоже чья-нибудь тетюшка в школе

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

О материале «Остров невезения»

Мало кто понимает, насколько серьезна эта проблема: делить детей по способностям или не делить?

Может оказаться, что наша школа на пороге большой и непоправимой беды. Первый материал об этом споре мы печатаем сегодня на второй странице.

Детство так быстро проходит! А наши долги накапливаются.

АНЯ (мастер). Если бы только в парикмахерских... Но вы посмотрите вокруг: сколько мусора, грязи, сколько. Да и в домашнем нашем быту... Чистоту в собственном доме поддерживать все труднее. Недалеко отсюда универсам, загляните в него. Самое дешовое мыло — 13 рублей. Стиральный порошок — плохонькая пачка — 52 рубля, а импортный "Омо" стоит (вы только в обзорке не палайте) 434 рубля небольшая пачка. Каково? У нас в доме на первом этаже живет старушка, выстиранное белье сушит на балконе. Я мимо этого балкона хожу. Раньше восхищалась: все уже старенькое, заляпанное, но белоснежное, неправдоподобной белизны. Теперь смотрю: серенькое стало белизничать у нашей бабушки, видно, экономит порошок или вообще без него стирает. И в самом деле, с ее-то пенсии без малого полтысячи за пачку порошка отдай-ка! А попробуйте купить шампунь подешевле. Я уж не говорю о недавнем времени, когда днем с огнем ни шампунь, ни мыло, ни те же стиральные порошки просто нельзя было сыскать. У нас как-то не принято говорить о подобных нестычках в вещах. Словно забыли люди, отчего сыпной тиф бывает, словно мы от него заговорены.

обедаете, а задумываетесь, насколько чиста ложка или вилка? А когда дверь открываете, о том, сколько рук — мытых и немых — за нее хваталось, задумываетесь? То-то и оно.

НАТАША. Я бы еще сказала и о страшно дорогих полотенцах, и попросту недоступных для большинства граждан постельных принадлежностях. А что творится в поездках? Билеты подорожали умопомрачительно, а какая невероятная грязь! Это страшно, что мы так опуссаемся. И раньше жили небогато. Но все же держались на плаву. А теперь... Мне кажется, что любимая, родная моя Москва стала в последнее время похожа на девушку возле пеньки. Вроде и платьице на ней, и туфельки, и губки подкрашены. А все-таки потеряла она какая-то, я бы даже сказала — галочка. Хотя жалко ее порой до слез: ну что ты за несчастная такая, что ж так скверно живешь, твоя красотка!

ВАЛЯ (клиентка). Все мы скоро станем похожи на таких девушек. Мыслимо ли такие деньги платить, чтобы выглядеть поприличнее? Раньше, если я раз в неделю в парикмахерскую не зайду, перестаю чувствовать себя человеком. Теперь раз в полгода в лучшем случае выберусь, "химмию" сделаю — и до

МУДРЫМ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ДЕВИЗОМ... Ждут от вас любых сюрпризов!

Согласно легенде, Архимеду, восклицавшему, что он способен перевести мир, требовалось для этого лишь точная опора. Любопытно, что понадобиться людям, замкнувшимся на миссию, быть может, чуть поскромнее — перевести отечественную систему образования? Об этом мы узнаем в конце года. А пока лишь сообщаем учителям — как именным, так и анонимным, и программам уже разлетелась по стране, так и доселе неизвестным, потеревающим надежду быть услышанными: появился уникальный шанс. Правительством России объявлен конкурс на разработку Федеральной программы развития образования. Для организации конкурса образована комиссия, руководителем которой назначен Б. Г. Салтыков, заместитель Председателя правительства Российской Федерации.

Конкурс пройдет в два тура. Сначала (в течение месяца со дня опубликования сообщения) комиссия отберет самые перспективные заявки. Для прошедших первый тур выделяются средства для дальнейшей работы. После чего начнется второй тур — конкурс проектов, который, как и первый, продлится один месяц.

Победивших во втором туре ожидает денежная премия 200 тысяч рублей. В конкурсе могут принимать участие как отдельные авторы, так и авторские коллективы. Наряду с проектами всех образовательных программ могут быть представлены материалы по отдельным составляющим — дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее (полное) общее образование, начальное и среднее профессиональное, высшее и послевузовское профессиональное образование.

Не забудьте — каждая работа должна иметь свой девиз. Желаем удачи!

Никто не сравнится с русской женщиной по выносливости. На любые деньги, при любом дефиците выкрутимся.

сколько стоит стрижка, порежется в кошелке и уходит. Так мы хитрить научились: называем ей цену влово, вчетверо меньшую. Быстренько подстрижешь и выпроводишь ее, чтоб не было неприятностей. Вот Наташа грозит нас покинуть, Валя все режет появляется... Детей перестали приводить, мамы сами подстригают, экономят. Я сама хозяйка в доме, так же кручусь на медные деньги. Или подрабатываю, вместо того чтобы с ребенком лишний час позаниматься. Не говорю уж о том, чтоб отдохнуть. Отпуск ждала целый год, а провела его дома, у той же плиты, за той же стиркой. Помогала сестре ее сынишку в первый класс снаряжать. А сколько все это "снаряжение" стоит!

НАТАША. Прямо ловушка какая-то! Получается, когда заводили детей, рассчитывали свои возможности, прикидывали, исходя из тех цен. Знали бы, во что обернется... Теперь надо думать, как вырастить ребенка нормальным человеком, а не закомплексованным несчастным уродом. Он же ни лакомств не видит, ни хорошей одежды, ни игрушек. А поездки? Сейчас даже пионерский лагерь для многих детей недоступен. Меня родители в детстве и к морю вывозили, и в другие города на экскурсии, один раз даже за границу, в Болгарию, всей семьей умудрились съездить. А ведь детство так быстро проходит! И долги детям все накапливаются, накапливаются. Чем мы их возвращать будем? И будем ли вообще возвращать? В двадцать лет человеку уже не понадеятся ни куклы, ни футбольный мяч...

КАТЯ. Обидно, что дети расстраиваются за ошибки или грехи

взрослых. Взрослые накрушат, наломают, а дети страдают. Взрослые чего-то поделить не могут, а дети вдруг оказываются на войне. И вообще — чем дальше пытаться будем? Чем детей кормить? На ногах целый день, лишись химией, руки растворам излечены... Чем работать — иногда и не знаешь. Зарплата — лучше не буду говорить, какая. Клиенткам стыдно в глаза смотреть: вроде мы виноваты в том, что цены на услуги взбесились. Мы столько уже потеряли клиентов... А что делать? Иногда приходит старушка, спросит,

купила десяток яиц, берегла только для теста или для салата, а он — вхожу я в кухню — сварганил себе омлетик во всю сковороду. Я на него накричала, а потом в слезы: господи, да что же это такое? Из-за чего ссоры? Из-за паршивых яиц! Вот ведь что страшно. Что продукты затмевают собой все на свете. Раньше к дню рождения я всегда пекла большой торт "Наполеон". Теперь — все. Масло дорогущее, мука куда-то пропала, о яйцах только что говорила. Праздники получаются какие-то усеченные.

АНЯ. Экономить — ну во всем буквально. Хочешь мясной суп сварить — приходится варить вегетарианский, планировала котлетку на второе, а готовлю минтай.

ВАЛЯ. Потому, наверное, русские женщины за границей неспроста тельный лагерь для многих детей и пытались вспомнить одну мысль. Но вспоминали ее лишь несколько дней спустя. Там, где дни пасмурны и кратки, родится племя, которому умирать не больно". Петрарка.

Нашим славным женщинам, измученным борьбой за выживание, тревогой за детей и мужей, виной за то, в чем меньше всего они виноваты, — им стало очень трудно жить.

Стенографировала Р. ФИРСТОВА.

ВСТРЕЧА С МИНИСТРОМ РАЗГОВОР НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ Э. Днепров о ташкентском Совещании

Считаю эту встречу крайне важной. Избавившись от угара суверенитета, все поняли: есть реальная необходимость постоянного общения, реальная зависимость друг от друга. Начиная с осени 90-го года мы говорили: давайте создадим постоянный совет с переменным председательством, ротацией. Понадобилось два года, чтобы такой совет возник. Увы, как раз накануне распада Союза. Он был чисто консультативным, информационным — любые термины, несущие какие бы то ни было властные функции, были для нас уже тогда неприемлемы, даже такой термин, как "координация". Кроме того, мы пошли на заключение со всеми странами бывшего Союза двусторонних соглашений. Первое было заключено с Грузией и стало вообще первым из договоров о сотрудничестве между двумя нашими государствами во всех областях. Сегодня пока нет договора только с Литвой, он в стадии завершения проработки. Постоянно действующее Совещание нам действительно крайне необходимо, поскольку между нами глубокие связи. Где, скажем, печатать учебники для того же Узбекистана, когда все они в бывшем Союзе печатались в издательстве "Просвещение"? И не у всех есть местные ресурсы и финансовые средства. На территориях остались русскоязычные школы, как быть с ними? А обновление образования? Если в Белоруссии отработана модель, положение о гимназиях и лицезях, зачем изобретать в России тот же велосипед? Или — Узбекистан отлично поработал с Турцией, взял модель тестирования при поступлении в вузы, после чего напрочь отпала система блата, — бери эту модель и запускай в вузах России. Я не говорю уж о проблемах высшей школы, о сертификации документов, дипломов, аттестатов. Между прочим, точно так же собираются министры образования земель в Германии, министры образования стран ЕС. На Совещании, которое шло в самой дружеской обстановке, мы выделили несколько важных проблем. Во-первых, нужно создавать информационный банк. Нужно решить проблему сертификации образования. И третья, но главная — проблема национальной школы. Тут вообще очень много тонкостей и подводных камней. Для России, к примеру, неприемлем термин, понятие нацменьшинство, а для Белоруссии — этническое группы. Мы озвучили положение русской диаспоры в Армении, Армения — положением армянской диаспоры в России. Следующая конференция будет как раз посвящена проблемам национальных диаспор. Одно из важнейших следствий ташкентской встречи в том, что мы преодолели разрыв, который не устраивал никого. Создана рабочая группа, которая будет координировать деятельность экспертов по каждому из направлений, есть план действий по каждой из республик. На мой взгляд, Совещание показывает пример, как должны общаться цивилизованные, культурные люди, представляющие различные народы.

И теперь сравните наши курсы, где учат водить машину. Моя тетька, дама сильно в возрасте, вынуждена была на них поступить. Свалился ей по наследству автомобиль, а у

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Сотрудничать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал 32024
Первое сентября (наименование издания) (индекс издания)

на 19 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый ящик) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная карточка

ИВ место за- на газету журнал 32024
Первое сентября (наименование издания) (индекс издания)

Стоимость подписки руб. коп. Количество копий: руб. коп. тираж

на 19 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый ящик) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Сотрудничать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал Приложение (наименование издания) (индекс издания)

на 19 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый ящик) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная карточка

ИВ место за- на газету журнал Приложение (наименование издания) (индекс издания)

Стоимость подписки руб. коп. Количество копий: руб. коп. тираж

на 19 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый ящик) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Будьте осторожны с шутками в классе: дети плохо понимают юмор взрослых. Новая учительница пошутила: „Киты безграмотности“, — а несколько толстых девочек обиделись на всю жизнь.

Первое сентября

№14

29 октября 1992 г., четверг

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

Осталось два дня!

Если вы уже разобрались в нашей газете, то поняли, что первая полоса отдана живым голосам читателей, вторая — педагогическим проблемам, третья — духовному миру, четвертая посвящена конкретным событиям в культуре, увлечениям и быту учителей. Подписка кончается, вы рискуете с января остаться без газеты «Первое сентября» и 10 ее приложений.

Для нее весь мир был одной семьей. А честь и достоинство были дорожке совести.

СТЕНОГРАММА № 13 Из Санкт-Петербурга

душно молчала. Уже тогда подумал: много, наверное, у этой страны таких людей, если она молчит. Или, наоборот, может быть, она такая нищая и такая бездушная, что не нашла тогда возможности сказать про человека, которому она многим обязана.

Несколько лет назад в Нью-Йорке я встретился с двумя семьями, мы сидели за бутылкой вина и говорили только об одном — говорили только о Наталье Григорьевне Долиной. Она всех нас обидела. Она была другом сверстников своих, которых не было среди нас, другом людей старшего поколения, которые представляли и Е. Катерина Федоровна, моя жена, и другой человек, которого я знал в своей жизни, — Виктором Платоновичем Некрасовым. Они говорили о мушкетерах, помня называли Диома, и для обоих это было воплощением самого главного для них понятия — чести. Честь, как мы с ней неоднократно говорили, важнее, чем совесть. Я ей как-то рассказывал про мой самый последний разговор с Маршаком. Он говорил о том, что есть две эпохи в истории России: одна — эпоха чести, другая — эпоха совести. Эпоху чести можно назвать «бритая эпоха», а эпоха совести — «бородатая эпоха». Как вы считаете, спрашивал Маршак, как

бывает, не должно быть. Все, даже это несчастное устройство, можно пропустить через свой внутренний мир, даже к нему можно иметь свое отношение. В сущности, это сочинение, принесенное учителем физики, было актом внутренней свободы, которой не было в то время у всех нас.

школу и понимала, какой это ад, особенно для словесника. Бесконечные тетрадки, которые надо проверять, обязательные конспекты (я сказала — ученик мне ответил), идиотские и тоже обязательные программы. Все это не давало учителю вздохнуть. Но Наташа и в этих условиях позволяла себе да-

Все меньше и меньше остается таких людей, к которым можно приспосабливаться, не боясь показаться смешным, жалким или безобразным.

Я думаю, большую роль в этом Наташином самоощущении сыграл отец Григорий Александрович. Он очень любил Наташу и очень уважал ее. Я впервые увидела, что могут быть такие, уважительные, отношения между детьми и взрослыми.

Когда Наташе в 1942 году исполнилось четырнадцать лет, Григорий Александрович подарил ей старенький семечек в восьмую главу «Евгения Онегина».

Многие говорили, никто не поспешит тронуть Долину, потому что поднимает весь город. И вот в один прекрасный день... выход из школы. Просто закрыли школу, в которой она работала. Закрыли школу, чтобы закрыть Долину.

Мая БОРИСОВА, поэт. Очень соблазнительно, конечно, вспомнить какие-то эпизоды. Если в них участвовала Наталья Григорьевна, они всегда были яркими и выразительными. Но я все-таки спешу себя и скажу вот о чем. Когда я внутренне готовила себя к сегодняшней встрече, я вдруг обнаружила, что о Наташе Долиной очень интересно думать. Не только приятно вспомнить — о ней как о человеке, как о феномене, как о литераторе... Очень интересно думать. И вот о тех двух мыслях, которые я придумила, я хочу рассказать.

Что, на мой взгляд, является сущностью, доминантой, центром личности Натальи Долиной? Это можно выразить одним словом: любовь. Даже точнее — влюбленность. Наташа, сколько я ее помню, всегда была влюблена в литературу, в учеников, в своих детей, в отдельную мужскую личность. Зеркальным отражением этого было ее неприятие кого-то. Она была наслена на любовь, на само это состояние, как напряженная стрелка компаса. В человеке она провидела любовь к кому-нибудь тогда, когда тот пытался это всеми силами скрыть и считал, что скрывает весьма удачно.

Если вынести за скобки это свойство характера, то многое просто становится непонятным. Вот вспоминают, что она кому-то руки не подавала. Дело не в этом. Она была человеком чрезвычайно страстным и поэтому чрезвычайно пристрастным. Она ревновала и в литературе, и в литературных занятиях. Любовь была стержнем ее натуры. Была, кстати, и влюбленность в отца. Это состояние так и вретса со страниц ее книг.

Первое — любовь. Второе — семья. Причем не семья в каком-то общем понятии, а вот эти отношения: мать — дочь — отец — дочь — бабушка — внучка. Отношения эти были ее мировоззренческой основой. Для нее весь мир был как бы ее семьей. Ученики, друзья, литературные герои, политические деятели — она относилась к ним, как к членам своей семьи. Но и к членам собственной семьи она подходила с какими-то космическими мерками. Она говорила, что ее шестилетний внук совершил подлый поступок. Ты с ума сошла, говорю, ему шесть лет. Нет, в основе этого лежит... Потом внук или внучка совершали что-то другое, еще, и это другое тоже было исполнено вселенского смысла.

Я боюсь перечислять Наташины книжки. Но сама фееричность ее натуры, ее абсолютная раскрепощенность и свобода... Не люблю, когда говорят: вот в то время, когда мы все дрожали, когда ничего нельзя было напечатать... Кто тогда дрожал, тот и сейчас дрожит. Были нормальные люди, которые не когда не дрожали. И я уверена, что Наташа всю жизнь была свободным человеком.

Стенографировал Н. КРЫЩУК

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

Мы все время о школе и о школе. Но школа не может быть единственным, а во многих случаях и главным образованием. Эти ребята с очень Дальнего Востока, с Чукотки охотятся вместе со взрослыми. Охота на китов пуще неволи учения. И нельзя ли устроить всю образовательную систему так,

чтобы не каждому учиться именно в школе обязательным предметам, а между тем образование получал каждый.

Что должен знать охотник на китов? Это можно установить только в бухте Провидения. Материал «Коллеж морских охотников» читайте в второй полосе.

вы считаете, что лучше — «бритая» или «бородатая»? Я этот же вопрос задал Наташе, которая, не задумываясь ни на секунду, воскликнула: конечно, «бритая»! Честь бесконечно важнее всего остального.

Наталья НЕУЙМИНА, публицист. То, что Наташа — человек необыкновенный, я поняла на уровне физики в восьмом классе. Мы проходили сложное устройство, состоящее из блоков, обтекаемых канатом, и так далее. И вдруг мы увидели, что учитель, прочитавший наши жалкие листочки, чем-то потрясен. «Я хочу начать с того, — сказал он, — что прочитано вам одно сочинение». Это, как вы догадаетесь, было сочинение Наташи Гуквоской. Она писала о том, как читала утром книгу и вдруг услышала крик за окном: «Эй, поднимите по выше!» Она выглянула в окно и увидела люльку с мальярками. Внизу парни стали дергать за веревку, что-то у них заело. Разговоры, смех, целая охота, целая история. Полиспаст был одним из героев ее — понятия и очень нужным.

Для меня это стало уроком на всю жизнь. Все, что ты знаешь, должно стать твоим. Безличного знания не бывает, не должно быть.

фере одухотворенности, которая царил там, где учила Наталья Долиная. В этой атмосфере не было места ни для пошлости, ни для ханжества, ни для партийности, ни для шовинизма. Зато была благоприятнейшая обстановка, или так — благоприятствование для влюбленности. Это была влюбленность их всех в свою учительницу и друг в друга.

Они читали стихи. Сколько сти-

хих они знали наизусть! Люди разных профессий — физик, математик, архитектор, филолог. Это были стихи Тютчева, Пушкина, Блока, Маяковского и более молодых — Самойлова, например. Наталья Григорьевна никогда не заставляла их зубрить стихи. Они видели по ней и слышали по ее голосу, что без этого нельзя существовать на свете, нельзя говорить о дружбе, о смерти, об одиночестве, об искусстве, — все это в стихах.

Методика — это то самое, чем неординарные учителя могут попрекнуть талант. Долиной и правда

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Наталья Григорьевна Долиная. Для некоторых это имя и сегодня беззвучно, но такова прихоть судьбы, которая не оставляет ее и после смерти.

Наталья Долиная была знаменитой учительницей. На уроки к ней стекался весь город. Эта неназванная слава была почти равнозначна преступлению. Школу закрыли — другого повода уволить Долину не было.

Оборвалась карьера учительницы Долиной, началась слава Долиной-писательницы. Одна за другой стали появляться ее книги: «Прочитай „Онегина“ вместе», «Печорин и наше время», «По страницам „Войны и мира“», «Предисловие к Достоевскому». Что это? Конспекты уроков? Свободные размышления? Учительское литературоведение?

Кто тогда дрожал, тот и сейчас дрожит. Но люди свободные были всегда.

Учительство — особое искусство, особое призвание и особая страсть. Это не расхожий комплимент учителю, но подступ к характеристике дара и судьбы.

Виктор Шкловский, наверное, сумел бы провести занимательный и даже веселый урок, но следующий сам же и прогулял бы — скучно. Франц Кафка в роли учителя — фигура курьезная и страдательная; злые дети, скорое всего, напустили бы ему несомых за воротник.

Дело не в «лучше» или «хуже». Пушкин в душе любого класса поселил бы восторг, но и являлся бы инструктором поэта и завялся бы инструктором.

Школьные. Он иногда мыслит катастрофически, но дыхание у него отрывистое и мысль коротка. Он способен к самозабвению и при этом страшный моралист. Эгоист, готовый в любую секунду на жертву, если помнит. Глуп, как палка, восприимчив и благодарен, как лиса. Споткнется — насмерть, подпрыгнет — воспарит. Несчастен по большей части, одинок, непонимаем, озлоблен. В каждом школьнике вынашивается свой замысел маленького графа Монте-Кристо. А любовью дышит — беспощадно идеальной. А сентиментален — как ста-

рих. Подозрительный и неосторожный, точно зимний волк. Жадный, высокомерный, старательный.

Учительство — это попадание в талант и в бездарность возраста, населяющего класс. Конгенитальность или (если хотите) конглопативность. Наталья Долиная знала, как и про что разговаривать со своими учениками. Этот дар дался ей даром, как всякий дар. Своеразная, резкая, любящая — неразпаханное сочетание. Потому влюбляющая.

Очень важно: Н. Долиная лучше многих понимала, что текст вырастает из личности писателя, уходит корнями в нее. Ее книга про Печорина начинается главой «Лермонтов о Лермонтове». Первой главке книги об Онегине предпослана эпиграфа из Пушкина: «Всегда я рад заметить разность // Между Онегиным и мной». Сказано не

двусмысленно: главный герой «Евгения Онегина» — Пушкин. Первое же отступление в «Предисловии к Достоевскому» посвящено юности Достоевского и его любви к Марии Исаевой. Нити сюжетов, стилистические поправки вытаскиваются из биографии.

Здесь загадка метода, жанра и характера Натальи Долиной. Понимая, что искусство и жизнь не равны, она стала мостом между ними для своих учеников.

Но что уж мы так, только по высшему счету. Высший счет имеет отношение не только к заслугам перед вечностью, но и перед временем. Многие наши читатели помнят то время идейной нетерпимости, классовой бдительности и борьбы с пережитками. Так вот: на первых же страницах книг Н. Долиной (а иногда прямо на первой странице) мы встречаемся со словом СОСТРАДАНИЕ. Оно и у автора, бывает, выделено крупным шрифтом. Уже этого одного было бы довольно, чтобы вспомнить о ней с благодарностью.

Конечно, слишком многое в своих персонажах Долиная пытается объяснить составом среды, а не волей и ответственностью человека.

ВСТРЕЧА С МИНИСТРОМ

Культура и демократия — это синонимы

Э. Днепров о новой стратегии образования

Основы основ нынешней реформы школы — два фундаментальных понятия: демократия и гуманизм. Надо более точно определить, в чем же суть демократизации образования.

С политической точки зрения — это свобода и плюрализм в образовании. Отсюда вытекает и социальный аспект — нам необходимо разгрузить старую систему. Параллельно с государственной у нас должна возникнуть система негосударственного образования. И дело движется: уже сегодня, несмотря на разного рода перегибы, в России действует более 400 частных школ. А ведь начинали с нуля! Школа обязана возродиться как мощный фактор, помогающий воссоздать разные типы сообществ. Их разрушение было ведущей задачей тоталитарного режима. Тоталитаризм может существовать, только разобщая людей, противопоставляя их друг другу.

Придется отказаться от унитарной, имперской модели. Она покрывала серым асфальтом всю Россию, все страны бывшего Союза. Плоды крайнего единообразия школ, учебных программ, учебников при колоссальном многообразии в стране культурных, исторических, национальных, религиозных различий мы познаем сегодня.

Есть еще один аспект демократизации — географический, даже историко-географический. Школа должна быть максимально федерализована. В каждом регионе нужна своя стратегия, учитывающая совокупность местных традиций, социальные, культурные, образовательные потребности.

В России живет 120 наций и народностей, здесь представлены 10 языковых семей и практически все великие религии мира, самообитные верования. До недавнего времени все это было загнано в склеп единой системы, планомерно разрушавшей многообразие жизни, эти богатства. Система была направлена не на русификацию народов, как часто ошибочно полагают. Русская культура разрушалась так же интенсивно, а может быть, даже и больше всего.

Сегодня ситуация радикально меняется. Принципиально иной стала концепция системы, вектор национальной политики направлен в противоположную сторону — от тотального единообразия. В школах России функционируют уже 77 национальных языков, на 26 ведется обучение. Культура России становится не довеском в общих учебных программах, а основой.

Во многих республиках идет интенсивный рост национальных школ. В Коми, например, за два года создано их столько, сколько было уничтожено за последние двадцать лет. Во всех республиках России реализуются концепции, программы возрождения, утверждаются национальные системы. Образцом может служить Республика Саха, которая активно сотрудничает с общероссийской и другими национальными системами и в то же время входит в мировое образовательное сообщество. При этом не только сохраняется, но и обогащается единое общероссийское образовательное пространство, в котором идет диалог и взаимодействие.

А культура и демократия — во многом синонимы.

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Никогда не делайте детям замечания по поводу внешнего вида. Такие замечания, даже сделанные доброжелательно, без раздражения, слишком больно ранят душу.

15 сентября

№15

31 октября 1992 г., суббота

Что есть красота? И почему ее обожествляют люди?

СТЕНОГРАММА № 14

Из московской квартиры

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Имя Георгия Полонского вам наверняка знакомо. По его сценариям были поставлены фильмы: «Дождем до понедельника», «Ключ без права передачи», «Перевод с английского», «Репетитор», «Рыжий, честный, влюбленный»...

По нашей просьбе драматург встретился с несколькими близкими ему людьми, подобрал им тему для разговора, а сам коварно включил магнитофон. Нам он сказал, что на той последке личные свои мысли попридержал, отключился (Ой ли! Все-таки вряд ли он ограничился ролью звукооператора). Итак, здесь беседовали: учительница в прошлом, она же хозяйка дома (Жанна), действующий учитель (Люся), два сотрудника НИИ (Костя и Митя), из коих один сейчас безработный и один бизнесмен, он же — экз-доцент (Макс). За то, что зрелые люди называются по-ребячьему, отвечает перед ними «звукооператор».

ЖАННА. Ой, только не надо стихов. Пожалуйста! Я расклинаюсь от них, реву. Что, глупо? От хороших, я имею в виду... Они меня тащат туда, куда возврата уже нет.

МИТЯ. Цитатка из «Карамазовых»: «Стихи — вздор-с», — сказал Смердяков».

ЖАННА. Пригвоздили? На здоровье, если вам легче стало. Пусть я буду Смердяков! Только они меня обманули. Или — я их, можно и так считать. Господи, сколько я знала наизусть!

МАКС. Да уж. Свидетельствую. Пролуку не было.

ЖАННА. А сколько этих сборников в бумажных обложках накопилось — каждый год штук по пятнадцать! А потом еще и в твердых... Куда это все девать теперь? Больше всех издавался Евгений Винокуров. Я считала, что — мой био.

Я дневника не вел.
Я фактов не копию.
Я частность презираю.
Подробности ненавижу.
Огромный свет глаза мои слепил,
Я ничего вокруг себя не видела...

А годы шли. И в дружеском кругу
Хочу я рассказать о дальней дали,
Но ничего я вспомнить не могу —
Ни черточки случайной,
Ни детали.

Нет малость бы какую!
Нет как нет!
Передо мною лишь одно, не боле,
Один лишь белый тот слепящий свет,
Глаза, как бритва,
режущий до боли.

Черт, сама же свой запрет нарушила!

МИТЯ. А в «Литературе», в последней за сентябрь, читали? Название у статьи дико странное: «Хорошо, что Блока нет».

КОСТЯ. Я не видел. Это в каком же смысле? Хорошо, что некому сейчас так сильно двенадцать красных ураганов проповедать?

ЖАННА. Да не поэтому, наверно. Хорошо, что Блоку не надо видеть того, что делается. И от этого помнать второй раз. Да? Я стала, знаете, каждую смерть понимать как отказ. Отказ смотреть продолжение нашего «сериала». Вот Давид Самойлов больше, «не захотел». Вот Юрий Карбачевский «отказался».

МАКС. Ну, если такие тут жизнелюбивые собрались, тогда... тогда лучше уж выпить молча.

ЛЮСЯ. Смотрите: один капиталист у нас. А сколько нас? Четверо. И все могут разговаривать от его шедрот!

ЖАННА. На хлебушек только не наваливайтесь, хлебушка мало... А хотите — быстро замешать оладьи?

ЛЮСЯ. Сиди! Нет же на самом деле голодных.

ЖАННА. Нет, все-таки я поэзия благодарна. Была и есть. Когда я учительствовала, то она — бардовская, скажем, или серебряного века — как архимедов рычаг работала! Серьезно. Точка опоры — лбы старшеклассников. И, представьте себе, казалось, что как-то поддается земная ось... что еще чуть-чуть поднапрячься — и...

Говорят, будто в России стыдно быть богатым. Неправда, графоманом быть стыднее.

КОСТЯ. И что будет?

ЖАННА. Не знаю. Что-то хорошее.

МИТЯ. Жанка права! Несколько строк Ходасевича или Арсения Тарковского — прямо-таки отменяли Брежнев с Гришным, вытесняли их при жизни в царство теней...

КОСТЯ. Извини, а отправку мальчишек в Афган они тоже отменяли? (Пауза).

Вот. Значит, «в царстве теней» жили вы. Это ж треп олин, будто вам нужна была правда жизни... еб

ж еще выдержат надо! Нет, вы пытались воздушными, сладчайшими брызгами из иллюзий! А когда правда грянула — у вас, натурально, невроз желудка!

МИТЯ. А сейчас они есть, интересно? Безе?

ЛЮСЯ. Я видела. Коробочка этого удовольствия — это велосипед «Орленок» при товарище Гришине. Примерно... плюс-минус лезинку. Ну и какая после этого поэзия может быть?

МИТЯ. Дамы, сказано ж было: на разговоры о ценах — табу. Та-бу! Все равно что керосин пить и запивать английской солью.

ЖАННА. Не будем. Итак, мы были трепачи? Мы — то есть шестидесятники?

КОСТЯ. Ну а кто?

ЖАННА. А ты не хочешь мне за честь, что пять моих учеников, пятеро — пускай другие учителя называют больше, если смогут, — стояли тогда у Белого дома? Их могли намотать на гусеницы, понимаешь? И не серебряный ли век русской поэ-

ВСТРЕЧА С МИНИСТРОМ

ПОЛОСЫ ПРЕПЯТСТВИЙ Э. Днепров о трудностях образовательной реформы

Любая реформа проходит полосы препятствий с разным набором барьеров. Сначала, при ее подготовке, основными барьерами на пути нашей реформы были идеологические. Дальше, в 1989-м — середине 1990 г., в первый дорыночный период ее реализации, самыми труднопреодолимыми стали барьеры политические и социальные.

Сегодня самая большая трудность — экономическая.

В начале перестройки казалось, что преодолеть надвигающийся кризис можно ускорением развития экономики. Но предложенный лозунг вел к пути не просто традиционному, экстенсивному, но и прямо опасному. Предлагалось ускорить то, что целенаправленно катилось в пропасть. Это относится к школе, кризис которой обострился в ходе ее реформы 1984 года.

Нужна была радикальная экономическая перестройка. Но и она, как и попытка реформировать школьную реформу, оказалась просто неосуществимой. Идеология не отпускала.

Острую и длительную борьбу с нашим делом возглавил отдел науки и учебных заведений ЦК. Но концепция обновления выдержала все атаки, была одобрена Всесоюзным съездом работников народного образования в декабре 1988 года.

Дальше реформа зависла по бюрократическим причинам. Аппаратная бюрократия делала вид, что перестройка идет, а на самом деле движения никакого не было.

...Там, где эдипу сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота.
Греки сбодили Елену
По воинам,
Ну, а мне — соленой пеной
По губам.
По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета...
Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни — шерри-бредни, —
Ангел мой.

быть? И Анна Андреевна? Я не о себе — моя роль не больше, чем у телефонного шура, но ребятам же сообщилось, выходит, немножко того аристократизма духа? Нет, ты не вылавляй сардину последнюю, ты ответь!

КОСТЯ. Сардинка не помещается. Жанночка, ты не обижайся только, ты смотри на все это уже как бы с другого берега: с любопытством, но и с холодом. Иначе, опасаясь за последние свои вихри, я ничего не скажу. О'кей?

ЖАННА. О'кей.
КОСТЯ. Так вот, не верю я в иллейный коктейль, который ты им давала: Гумилев и Роберт Рождественский... Мандельштам и Симонов... Для меня это — вышеупомянутая английская соль. А для истории, да и для жизни существеннее, что против танков были мальчишки из брокерских контор, программисты из ЦП... не из Союза писателей, а из совместных предприятий.

ЛЮСЯ. А вот я... Только вы на меня зарычите, но я вообще воспринимаю это героико-прошлогоднее почти как битву за Плевну! И не из-за склероза. А потому, что нельзя почитать последний.

МАКС. Ну-ну-ну. Ко-какие все же можно!

МИТЯ. Зато поэзия делает так, что твою «Плевну» дышит мне в затылок! Вот извольте, лет полтора назад сказано:

У нас чужая голова,
А убеждений серца хрупки...
Мы — европейские слова
И азиатские поступки.

ЖАННА. Да. Азиатские. Но к поэзии это лишь косвенно относится: уложили верную мысль в несексерский четверостишие, стало удобно, но и только. Стихи, дети мои, это другое.

Мандельштамом, оно съедобно, и тает на губах, и напоминает пломбир с миндалем и шербетом! В общем, слово потеснило пошлую действительность, и все как бы захорошею!

ЖАННА. Ты к чему это?
КОСТЯ. К тому, что коммунисты и поэты — даже большие поэты, настоящие — делали с вами, шестидесятниками, в принципе одно и то же. Подслащивали прием дрянной вухры. Смотри, поэтический образ уже мирит тебя с безработицей мужа, с невозможностью купить апельсин...

Пусть учителю зачтется, что пять его учеников стояли у Белого дома.

ЖАННА. Да какой апельсин?!
КОСТЯ. Не за что. Господа, вы радио «Свобода» слушаете?
ЛЮСЯ. Слушается. Реже, правда, чем при глушилке.

КОСТЯ. Блистательный, между прочим, философ ведет так программу «Русская идея» — Борис Парамонов. Так вот, он давно и упорно объясняет нам из своей Нью-Йоркской студии: в судьбе России, едва ли не вравне с коммунизмом, *линолати стихи!* И вообще — хорошею воле, литературных гениев... русское отношение к художникам слова как к жрецам истины, властителям дум. Чем выше, доказывает он, был настрой душ, тем легче было вешать нам лапшу на уши. Низкие потолки в «хрущобах»? А зато наспелен Окуджава — подлых две бобины! Очереди съездать должники? Да, но как им всем Евтушенко врезал на днях! И ведь напечаталось... По-прежнему зависим от мордovorотов с их ленивыми резолюциями, с их инизмом, с их подлыми секретаршами? Ну ничего: ты нам почитаешь вечерком пастернаковский «Август» и еще «Гул затих...» А я тебе за это — кедриных «Зодчих!» И обязательно «Журавлей» Заболоцкого и его же «Некрасивую девочку»:

А если так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пусто...

Не хочу допытывать — оксиморон уже! И в ней не виноват ничуть прекрасный поэт — только мы, превратившие это в жаждку. Чувствуете, уже стерли мы разницу между этим «огнем, мерцающим в сосуде» и — «любовью дожигающей устье»! Я, доблестно влозю на скамейке! Я, допустим, это, «скамейку» не выношу, но и она была в золотом запале, так сказать, нашей духовности. Сюда же мы и Есенина сажали, и пёс Чалова давал ему лапу на счастье. Здесь же, разумеется, и Марина Ивановна, озвученная голосом Пугачевой: «Мне нравится, что вы больны не мной...»

МИТЯ. Я что-то перестал понимать. И Цветаева в чем-то провинилась?

КОСТЯ. Да нет же!
МИТЯ. А кто?
КОСТЯ. Жанка, но ты-то понимаешь? Марина первая испепелила бы такой парфюмерный набор... Из огнемета — согласна!

ЖАННА. Нет. Она бы ушла, что туда входят вкусы фронтовиков. И без вины отидеющих! Ты помнишь, Алеша...? «Мы похоронены где-то под Нарвой». «Сороковые, роковые» и «Где-то в поле, возле Магадана». Так что я не знаю, Костя, с чем ты борешься...

КОСТЯ. Гм... это потому, что меня в область вкусов занесло... а там все заминировано!

Еще одну попытку предпринимаю. Ребятки, будем честны: непоблаженно много людей пробаивалось, занималось у нас стихами. Дышали ими! Я даже не провожу черты между пишущими и внимающими с обожанием, знающими километры стихов наизусть. Философ из Нью-Йорка говорит: братцы, ты вы себя наркотизировали, призрачную жизнь себе устраивали. Удирали в неведомое Лукоморье...

МИТЯ. А я и сейчас бы убер! Лукоморье — это ж Леонид Мартынов, Я помню, как же:

Да! Имел я такую волшебную флейту.

За миллионы рублей ту не продал бы флейту.

Разучил же на ней лишь одну из песен:

«В Лукоморье далеком чертог есть чудесен!»

Вот о чем вечерами играл я на флейте.

Убеждаю я: поймите, уразумейте, Расскажите знакомым, шепните соседу.

Но, орущая, торопитесь — я скоро уеду...

КОСТЯ. Но ты меня перебил неприлично. Вот-вот, там мы и прита-

лись от тоталитаризма. Отмечивали там синяки от контактов с его железными сваями. Беды наши чудесным образом уменьшились от одного согласия с Аполлоном Григорьевым, что «Пушкин — это наше всё!» Вот интересно: американцам просто не придет в голову сказать, что Уитмен, или Эдгар По, или Лонгфелло — это их «всё». Как? А дело? А фирма? А дети? А здоровье? А путешествия? — он ведь только половину мира объездил пока... Мы же сидим с нечелювными зубами, с нездоровой кожей лица, без единого шанса понижиться на хорошем пляже... краны у нас текут, а водопроводчик в прошлый раз обхамил нас... зато у нас есть академик Пушкин, все десять томов — «наше всё!» И мы горды этим, ибо это — наша российская ментальность! Перед ценой десятка гирей пасуем, но перед миром — горды!

МИТЯ. Что ж ты делаешь, Костя? Вон у Жанки лицо стало серое от твоих речей! Прекрати.

ЖАННА. Митенька, оно и было такое, не застывай. Вон там, на столике, пудреница... перелай, пожалуйста. Что ж, диагноз суров, излагаешь ты круто... и, может быть, прав господин Парамонов... Но что же нам, недотепам, делать?

КОСТЯ. Менять ментальность. Отказываться от слабых ее сторон.

ЛЮСЯ. Ха! И еще семь раз «ха!» От Пушкина, кто ли?

КОСТЯ. Ни в коем случае. От попытки подмонтировать сказку к жизни. Особенно — сказку про Емелю. Где полные ведра сами шагают к нему, по шучьему веленью... Отказываться от самовнушения, будто в России стыдно быть богатым. Неправда, графоманом быть стыднее. Отказаться от убеждения, восходящего к Васисулию Лоханкину, — что мужичке бесчинства в своем Шахматове Блок терпел и нам велел... И от третьего убеждения: Дело прочно, когда под ним струится кровь? Сейчас и на Кавказе, и в Средней Азии вловы и сироты, пожалуй, спускают шкуру с пропагандиста этого «струения»...

Слушайте, а почему наш единственный капиталист так похоронно молчит всю дорогу?

ЛЮСЯ. Действительно, Макс! Без твоих указаний менять ментальность мы не можем.

МАКС. Но я не просил слова. Вообще-то интересно, но... как, к примеру, преподавать литературу, чтобы этих перекосов не было?

КОСТЯ. Вот почему у него — СКВ, а у нас — цитаты: он в корень смотрит! По-моему, Макс, се надо преподавать спокойно. Без экзальтации. Без претензии, что этот предмет — всему голова. Суларением на профессиональных качествах писателей, на их любимых приемах — они ж в первую очередь мастера, а не «учителя жизни!» Больше всего мы жвали идеи их, а идеи-то менялись, ставились под вопрос... одни — перелавались персонажам, другие были только домыслом, так сказать, для фантазии... Хорошо преподавать литературу — сейчас ересь скажу — значит охладить пыл лишних абитуриентов Литинститута и филфака. Да-да. В том числе — путем завышения планки. Не отвлекать молодежь от изучения маркетинга и лизинга! Так я говорю, Макс? Во всяком случае, Борис Парамонов хлопочет об этом... Умол-

Вы блестящий учитель.
У вас прекрасные ученики.
Мы живем в одной из самых больших и богатых стран мира — в России.

Наш народ перенес такие испытания, какие, пожалуй, не выпадали в этом столетии на долю какого-нибудь другого народа. Все перенесли, сохранили себя, сбросили казавшееся вечным ярмо и начинаем выпрямляться.

Нам бы сейчас работать и работать, стараясь преодолеть непривычные трудности, стараясь выжить в это тяжелейшее время, стараясь вывести своих детей, своих учеников, свою школу к нормальной человеческой жизни.

Нам бы сейчас не злوبيваться, не копить гнев то на правительствo, то на демократов, то на соседний народ, нам бы сейчас не с красными знаменами и черными плакатами по площадям, нам бы сейчас больше доверия друг к другу, к тем, кто пытается вывести страну из беды.

Нам бы хоть немного надежды на то, что все образуется.

ВСЕ ОБРАЗУЕТСЯ! И НЕ БЕЗ НАШЕГО УЧАСТИЯ.

МЫ ЖЕ БЛЕСТЯЩИЕ УЧИТЕЛЯ, У НАС ПРЕКРАСНЫЕ УЧЕНИКИ.

каю, а то я задавил всех. Давайте чай пить.

ЖАННА. Но к чаю только вафли, братцы, — сойдет? Да и тех четыре штуки осталось. Говорю же: «Строгий кукиш мне покажет нищета...»

МАКС. Брось. Жанка. Не допустим.

Что мы в этом устроиме?
Кто мы по отношению
К саду, к морю, к зениту?
Что является целью,
Что относится к бытию?
Что относится к веку,
К назначенью, к дороге?
И, блуждая по свету,
Кто мы все же в итоге?

Может быть, стихи были как наркотик? Может быть, мы устранили себе призрачную жизнь?

ЖАННА. Кто это сказал? Макс?
МАКС. Да, я. Кстати, ты знаешь, что я обним твоим мужем завидовал?

ЖАННА. Ты?! Не смеши людей.

МАКС. А поскольку я молчал долго, могу я двенадцать строчек прочесть? Это из Самойлова:

(Пауза).

МИТЯ. Да-а... вопросы. Интересно, философ Парамонов знает ответы? Костя, ты же его полпред, — как думаешь?

КОСТЯ. Я ни за кого не отвечаю. Я молчу и жду, когда чаю!

(Смех).

Думать надо о смысле
Бытия, его свойствах,
Кем себя мы ни чисим,

Стенографировал
Г. ПОЛОНСКИЙ

Фото Гунара БННДЕ (Г. Рига)

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Если у вас плохое настроение, не показывайте его ученикам, а если грустное — то поговорите с детьми о своих проблемах. Вдруг подскажут выход?

Первое сентября

№16

3 ноября 1992 г., вторник

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

Внимание педагогов истории и школьников старших классов г. Москвы!

В фойе кинотеатра „Ангара“ с 5 ноября открывается фотоэкспозиция „Война и милосердие“, приуроченная к 75-летию окончания первой мировой войны. Спонсор фотоэкспозиции — научно-производственная фирма „Эткос“.

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Ювелирная работа — это не только определение ремесла или искусства. Ювелиром может быть и педагог.

Труд ювелира — это контрасты. С одной стороны — красота, творчество, вдохновение, с другой — примитивные условия труда и быта. Может быть, оттого у этих людей обостренное восприятие реальности. Мы предлагаем вам беседу с мастерами, работающими в московских салонах и мастерских: Н. К. Афониним, А. В. Вагилевичем, М. Г. Логиной, С. В. Рошевым, А. С. Шулевиной и лаборанткой Н. Рыжовой.

СТЕНОГРАММА № 15 Из мастерской

С. РОШЕВ. В газете „Первое сентября“ я что-то слышал... Но к журналистам у меня доверия нет. Журналист напишет то, что „сверху“ велит, правды от него не дожидаться. Газеты ничего изменить не могут. А ВАГИЛЕВИЧ. Как это не могут? Не зря в Верховном Совете некоторые депутаты грозятся урезать журналистам языки, укоротить руки. Видно, задевает их за живое свободная пресса. Именно пресса

между деньгами и настоящим искусством. А ШУЛЕНИНА. Как бы плохо с деньгами ни было, все равно на поток ничего делать нельзя. Потом за себя же стыдно станет. И даже если копируешь с образца, надо что-то от себя добавлять. Красота ведь в неповторимости. А ВАГИЛЕВИЧ. Для мастера настоящее ювелирное изделие — гордость за себя, а для женщины — про-

не плодить штамповку. Штамповка — страшное дело, она засасывает и отучает творчески мыслить. До сих пор благодарен судьбе за то, что, когда в шестьдесят девятом пришел на ювелирную фабрику, застал там ручной труд. Здесь рождались настоящие ювелирные шедевры. Для каждого бриллианта — представляете? — свой рисунок делали, не больше двадцати одинаковых колец выпускали. Камень — ведь он живой, он греет. А с искусственным, мертвым камнем и работать не хочется. Вещь надо всей душой чувствовать — лишь тогда она красива. Любая вещь настроение передает: бывает грустной, радостной, а иногда и надменной. Совсем как человек. Сначала, по молодости, я эскизы рисовал и сохранял, а потом понял, что нельзя повторять украшение, уже однажды сделанное, оно должно быть уникальным. И вершины в нашей профессии никогда не достигнешь именно потому, что все время создаешь что-то новое.

тебе приснилась и ты ее повторил наяву. Я, конечно, образно говорю... Кстати, меня очень удивляют нынешние запросы молодых. Вещи заказывают жесткие для восприятия, считают, что они современной. Обидно, что уходит классика.

С. РОШЕВ. Всегда считал, что ювелирное дело должно быть только классическим, а тут придумали использовать для украшений тряпки да деревяшки. Мы любим Рафаэля, слушаем старинную музыку потому, что у нее есть основа. А какая основа у перьяшки? Ювелирное изделие, как картина, должно мысль выражать.

М. ЛОГИНА. Я знаю, что люди всегда ценили и будут ценить красоту. Но сегодня у них другие проблемы, не до украшений теперь.

А ШУЛЕНИНА. Я согласна, жизнь такая, что людям не то что на украшения — на еду не хватает. Но вам не кажется, что мы сами во многом виноваты? Забыли, что можем переделать себя, и даже не считаем нужным утруждаться. Если к Богу обращаемся, то и за моллы. Если кому-то помогаем, то не бескорыстно: авось и дам в будущем кто-нибудь поможет. А богатысь... Они золото покупают, чтобы деньги вложить, а красивое изделие, не красивое — им не важно.

С. РОШЕВ. Сами видите, какой у нас сегодня клиент — особый, жесткий. Правда, это не мешает мне придумывать что-то новое для себя и для друзей, иначе деградируешь как мастер и как человек.

стоит ими уж так увлекаться. Но, говорят, у каждого человека есть свой личный камень, наиболее ему подходящий. Если его найдешь, он

до слез жалко. Но все же полегче дышать стало. Хотя трудностей много. Нас почти silkом приватизировали, и все налоги на нас повесили... Вот делало у меня одно украшение за две тысячи, и его долго никто не брал, а потом вдруг купили за пять. Иногда везение все же встречается. Но, увы, у меня даже нет вещей, сделанных мной. На их покупку у меня нет денег.

С. РОШЕВ. Вот-вот... Как создать красивую вещь, если за месяц я должен сдать 12 тысяч рублей в уплату за аренду помещения, свет, отопление? Ювелирное дело приносило бы доход, но не при такой обстановке. Будет капитализм — будут и хорошие мастера, а плохие сойдут. Но вы заметили? В любой мастерской не осталось ювелиров моложе сорока. Я вовсе не брзота, но скажу: молодежь нынче трудиться не любит.

Н. АФОНИН. А кому понравится в таких условиях работать? У мастеров рабочие места, как норы: темно, грязно, теснота страшная, вентиляция нет. На Западе мастер себя человеком чувствует. А здесь хоть беги...

А ШУЛЕНИНА. Раньше о крепостном мастере хозяин, знавший ему

От таких рассуждений и сойти с ума недолго.

А ВАГИЛЕВИЧ. Жизнь у нас — словно шарик катается: то на вершинку выпрыгнет, то в ложбинку встанет. И все же в жизни больше справедливости, чем неправды.

С. РОШЕВ. Не знаю, где эта справедливость, но то, как ты живешь, — от тебя зависит. Это я четко знаю. Я сам сделал свою жизнь интересной.

По работе общаюсь со многими людьми, имею понятие о живописи, о классической музыке. Не зря на белом свете существую. Есть дочка-универсиада, она школу недавно окончила. Я радовался не меньше, чем она сама. Почему радовался? Да потому что ее школой недоволен был. Обучение надо другим сделать. Пусть ребенок учит то, что ему интересно. Конечно, русский язык, историю надо обязательно преподавать. Эти знания человека культурным делают. А остальное...

А ВАГИЛЕВИЧ. У меня представление о школе совсем другое. Сам я по образованию инженер-физик с правом преподавания. Раньше была достаточно сильная система образования, несмотря на ее насыщенность. Моя дочка сейчас в Америке учится, и то, что она здесь проходила в школе, там — программа колледжа. Пока человек еще ребенок, его надо пичкать информацией до максимума. Позже он сам отберет, что ему нужно, а что не нужно — забудет как страшный сон. Преподаватели у нас неплохие. Платили бы хорошо.

М. ЛОГИНА. Зря мы такие надежды на наши школы возлагаем. Они ведь много не дадут. Детей надо учить мыслить.

Н. РЫЖОВА. Будь я директором школы, я бы в первую очередь отобрала хороших учителей. Есть учителя, перед которыми шляпу снимешь. Знаю одного, который музыку, химию, биологию и немецкий язык преподает. На четырех музыкальных инструментах играет. Побольше бы таких...

Мои собеседники поджидали клиентов, пора было прощаться. Я увидела своеобразное объявление в этих стенах, не богатое одетых людей, покойно сгорбившихся над общепринятыми столами, в их неизменяемых стремлениях, несмотря на любые трудности, донести до людей прекрасное.

Стенографировала Е. СТАНОВА

Любая вещь настроение передает: бывает грустной, радостной, а иногда и надменной. Совсем как человек.

должна следить за тем, чтоб мы не беднели, а верхи не зарывались. Конечно, трудно сейчас, но все равно я радуюсь тому, что происходит. Нынче можно заработать на все: на поездку за границу, на обучение внуков в Сорбонне. Конечно, много вокруг несправедливости. Порой человек по своим качествам достоин лучшей участи... Есть красивые женщины, им так бы пошли красивые вещи, а купить они их не могут. А бандаит какой-нибудь себе все может позволить. Но, по моему, здесь завидовать нечему.

С. РОШЕВ. Завидуй, не завидуй — все равно материальные блага находятся не в твоих руках, в каких должны быть. Никаких иллюзий я не питаю: ничто, никогда в лучшую сторону не изменится.

Н. АФОНИН. Да нормально мы стали жить! Разве плохо, что деньги считают? Сколько заработал — столько и покупай. Я всегда бился за самостоятельность, и хорошо, что это время пришло. Мы сами делаем вещь, сами ее продаем, получаем деньги. Если что-то умеешь делать хорошо, то всегда себя обеспечишь. Конечно, клиент сегодня из-за высоких цен илет реже, но с нашей специализацией всегда устоишь на ногах.

А ВАГИЛЕВИЧ. Самое главное для человека — стабильность. Мне потому и нравится моя профессия, что она дает это самое ощущение.

М. ЛОГИНА. Я не говорю, что сегодня жить хорошо. Но были времена и потяжелее. Все правильно — работай и будешь иметь. У меня почти не осталось свободного времени: работаю, как заведенная. Правда, на бриллианты себе еще не скопила и вряд ли скоплю.

Н. РЫЖОВА. А мои друзья удивляются, как за такую зарплату я на работу хожу. До чего надоела неустойчивость! Жизнь у нас безрадостная, как агат черный. Вообще женщина не должна работать; ее дело — дом хорошо поставить, о муже, о детях заботиться. Представьте, муж приходит домой, а дома все чистое, готовое, и жена спокойная, неиздерганная...

А ШУЛЕНИНА. Если захочешь, светлые минуты всегда найдутся. Материальные блага — не самое важное. У меня есть дочь и внучка. Глядишь на девочку — и получаешь море энергии и удовольствия. Мы с внучкой так любим друг друга! Еще одна моя радость — занятия конным спортом. И — не смеяться — восточными единоборствами. Это дало человеку очень интересный взгляд на мир, покой и уверенность в себе. Мне есть кого любить и есть чем занять себя. Может быть, это и называется счастьем?

С. РОШЕВ. А наша профессия разве не хороша? Сделашь красивую вещь — и душа довольна. Правда, чтобы заработать, приходится на поток вещи делать. Но если хочешь создать что-то понастоящему ценное — забудь о деньгах. По-другому нельзя. К сожалению, в нашем обществе слишком часто приходится выбирать

сто радость. Мне нравится доставлять радость и создавать прекрасное. Это оставляет ощущение чего-

ВСТРЕЧА С МИНИСТРОМ

Хрупкое коромысло реформ Э. Днепров об условиях успешной перестройки образования

Предшествующие советские школьные реформы пренебрегали внутренними закономерностями систем образования. Отсюда, например, профанация среднего всеобщего. Эти реформы были вулканическими, поскольку диктовались конъюнктурными, политическими мотивами.

В развитых странах происходит переход к плавному, инновационному типу реформирования систем образования, когда они включают механизмы постоянного обновления. Введение инноваций становится предметом систематической, целенаправленной деятельности. Я считаю ориентацию на такой путь обновления важнейшим условием успеха.

Как свидетельствует история реформ, в том числе образовательной, школьной, есть еще по меньшей мере шесть обязательных условий, обеспечивающих жизнеспособность и перспективность.

Любая реформа перспективна, если проводится системно, охватывает все проблемы. В нашем случае — от философии, права и экономики образования до его содержания и технологии обучения и воспитания. Попытки выделить основное звено, чему нас долго и упорно учили, — иллюзорны. Невозможно, например, решить проблему монополизма, не решив вопроса о собственности... Бесперспективно отбраковывать новую технологию обучения, даже „шталловскую“, на старом содержании и в казарменной школе.

Любая реформа плодотворна, если направлена на опережение, на вырост. Тогда она не сдерживает, не закрывает пространство развития системы.

Не менее важно — способна ли реформа на развитие и самокорректировку, на саморегулирование во времени и реформируе-

мом пространстве. Абсолютизация целей, средств, методов реформы, ее неспособность адаптироваться к меняющимся условиям бытия ведут к торможению или к обвалу, поражению.

Успех реформы в значительной мере определяется целенаправленностью, выбором реперных точек развития. Недостаточно только опираться на очаги обновления. Более перспективна модель „гусеницы-землемерки“. Среднеарифметическое движется только тогда, когда передние тянут, а задние подталкивают.

Любая реформа жизнеспособна тогда, когда она опирается не столько на волю верхов, сколько на потребность низов. Неудачи большинства школьных реформ были обусловлены в первую очередь тем, что конструировались наверх, а затем спускались вниз. Они были нацелены на внедрение, а не на выращивание. Смысл деятельности тех, кто разрабатывал и теперь проводит реформу в жизнь, не в том, чтобы диктовать, что, где, когда и как делать, а в том, чтобы создавать условия и возможности для обновления и развития школы. Условия, в которых школа, педагогические коллективы могли сами проявлять и реализовывать свою потребность в обновлении.

И последнее. Движение предполагает этапность. Реформа обречена, если она превышает предел прочности реформируемого материала или чрезмерно упреждает зону ближайшего развития общественного сознания. Этот момент имеет не только политический, но и глубоко этический смысл. Сбалансированность целей и возможностей любой реформы, в том числе реформы образования — непременное условие и гарантия успешного проведения.

Иначе хрупкое коромысло реформ может треснуть. А может и соскользнуть с плеча реформатора.

Н. РЫЖОВА. А помните, как раньше хороший мастер поступал? Он все узнавал: о возрасте женщины, для которой украшение делал, о ее наружности, даже о длине шед. К сожалению, мы к этим правилам никогда не вернемся...

Н. АФОНИН. Сейчас все меньше учитывают свойства камня. А ведь настоящая красота — это когда она

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Когда вы сердитесь на ученика, ни при каких обстоятельствах не затрагивайте родителей. „Тебя так родители воспитали“ — запретная фраза.

Первое сентября

№17

5 ноября 1992 г., четверг

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

СЛОВЕСНИКАМ

Вышел специальный выпуск приложения „Литература“ к газете „Первое сентября“, посвященный Владимиру Маяковскому. На его страницах — материалы, которые помогут вам и вашим ученикам по-новому взглянуть на жизнь и творчество поэта.

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Наступает век новых представлений о мире, век новых технологий. А есть ли у нас технология мышления?

ЧТО ПРОИЗОШЛО В МИНИСТЕРСТВЕ?

СО ВСЕХ сторон большие глаза, со всех сторон доносятся: „А вы читали? А вы слышали? А вы знаете? А вы смотрели по телевизору?“

Слухи бродят по школьной и внешней стране, перепаркивают с одной газетной странички на другую, крупным планом взрываются на телеэкране:
— Коррупция в Министерстве образования...
— Хищения в особо крупных размерах...
— Заграничные поездки...
— Куда смотрел министр...
У нас в редакции папка документов с весьма авторитетными грифами, начиная с грифа „Контрольно-бюджетный комитет при Верховном Совете Российской Федерации“. Здесь изложены все факты, вплоть до мельчайших нарушений — мол, такой-то протокол подписан неправильно, а на таком-то не хватает подписей.

Нигде ни о каких хищениях речи нет, тем более в особо крупных размерах. Кстати сказать, установить факт хищения может только суд, и писать в газете, что такие-то люди — расхитители, без суда и следствия публично обвинять кого-то в уголовном преступлении — разве это само по себе не является преступлением, совершаемым на глазах у всех?

Вот что на самом деле произошло в Министерстве образования. **УВЫ**, это касается, можно сказать, святая святых всего педагогического дела в стране.

Как только началось общественное движение за демократизацию школы, почти первым его требованием было — оказывать помощь педагогам-новаторам. За это боролась прежняя „Учительская“, за это выступали и ее лучшие авторы, в том числе, наверно, и будущие (теперь бывшие) заместители министра образования В. Ночков и Е. Куркин. Будем справедливы: оба они очень много сделали в свое время для демократизации школы. Э. Днепров поставил их на высокие посты не случайно, но по неопытности — они для всех были достойными высокими постами людьми.

И вот — демократическое министерство. Прежние общественные деятели, герои и авторы „Учительской“, у власти. Один из первых шагов — реальная помощь новаторам в школе. Для этого создается „Инновационный фонд развития образования Российской Федерации“.

Министерство перевело на счет фонда 6,5 миллиона рублей. Фонд должен был финансовой деятельностью увеличивать эти средства и распределять их по опытным школьным площадкам, тратить на педагогические эксперименты, проводить научные эксперименты — словом, поддерживать новаторство педагогов в России. Благодарней и замислов...

А что получилось? Деньги стали отдавать под ничтожные проценты во всевозможные коммерческие структуры. Те пукали их в оборот, а прибыль брали себе — во всяком случае, в фонд вернулось очень мало. Вложили крупные суммы в какой-то сомнительный журнал, о котором никто не слышал, — и пропали деньги.

Всей помощи новаторам оказали на 400 тысяч рублей, их выделили одной московской школе (заслуженно, но — мало). Ну, там еще кое-что при мелочам и кому попало. Кто попросит. А на счету фонда не осталось и миллиона.

Вот уж действительно — плакали денежкой. Не стоит утверждать, что все они попали в карман снатых с работы заместители министра, хотя такие подозрения, естественно, и возникают: государство отдает кредиты под 80 процентов годовых, коммерческие банки требуют 120 процентов, а щедрых и добрых (за счет учителей) инновационный фонд — лишь 30. Механика известная: деньги пускают в оборот, прибыль идет кому-то. Тем более что за одной структурой прячется другая, за ней третья, деньги перетекают со счета на счет, а фамилии отцов-основателей одни и те же.

Махинации. Противно. А главное — бедные новаторы так и остались в бедности.

НО ЭТО лишь первый акт демократической драмы. Второй акт был — как все это раскрыли, как были быстро приняты меры, как все виновные были сняты с работы — понесли, что называется, заслуженное наказание. Беда: но что же делать? Если поставить в власти опытных чиновников, которые крадут умения, то поднимут крик: опять те же люди на тех же местах.

Наше министерство обновилось практически полностью, к власти пришли педагоги, которые прежде и близко от министерства не бывали. Но надо ведь и платить за смелость. Эта плата — неопытность. Они не могут устоять перед соблазнами власти, другие не могут представить себе, что кто-то способен на махинации. Министровская работа требует большого опыта.

НО ВЕЧ начинается третий акт, самый опасный. Как всегда бывает, скандал кому-нибудь на руку. Сейчас поднялась очередная волна против Э. Днепров — это, дескать, все он, это он проконтролировал, он виноват.

Это уже было. И статьи о том, что к министру не попадешь на прием (сильные обвинения не нашлось), и укоризны — отчет министру не выходит на демонстрации против правительства, и другие нелепости такого же рода. Все было. Простое дело: Ельцина не строили с места, Гайдар не поддался — будем валить гайдаровских министров одного за другим.

Если снимают сразу двух заместителей министра — значит в министерстве далеко не все в порядке. Тут и говорить нечего. Но мы же не дети, в конце концов, мы не должны радоваться увольнению, не должны плясать от радости: „Сейчас человека есть будем!“ Скандал в министерстве не должен заслонять то, что реально сделано за два года.

СТЕНОГРАММА № 16

Из Союза кузнецов

Вы слышали? Оказывается, будущим летом в России должен пройти Всемирный конгресс кузнецов. Предполагаются: научная конференция, олимпиада школьников, праздник кузнецов-художников. Организатор этого конгресса — Союз кузнецов. Вы и о Союзе кузнецов не слышали? Это творческий союз, который объединяет специалистов в области кузнечного дела. У них есть свой музей, своя газета, есть даже свой парк. В следующем разговоре принимают участие руководители и члены Союза кузнецов: Юрий Анатольевич ЗИМИН, доктор технических наук, президент союза; Александр Евгеньевич ГЛОЗМАН, учитель труда; Павел Семенович ЛЕРНЕР, председатель ассоциации педагогов-педагогов Москвы; Константин Георгиевич БУРЦЕВ, куратор школы-гимназии № 13; Татьяна Борисовна ГАХОВА, учитель труда, и Александр Георгиевич НАВРОЦКИЙ, доцент Московского металлургического института, директор музея кузнечной науки и техники.

на волне хэви-металл. Но наши „металлисты“, они созидали прежд всего. **К. БУРЦЕВ.** И еще их привлекает власть над металлом, что и сродни магии. Науроках труда они

работают с деревом, с холодным металлом, но это не то. А вот по-настоящему этот тяжелый материал изменить, сформировать, сделать из него что-то нужное, ценное — это уже магия. И тот огонь, что горит в тернице... Соединение искусства, науки и ремесла. У меня дома роза есть, я ее выковал. Перед этим штуку три, наверно, загорел, пока не получился. Невероятное это ощущение: роза уже почти готова, ты ее досташь, а в кузнице полумрак, и этот пылающий цветок... Такое шамешее чувство...

Ю. ЗИМИН. Так получилось, что по своей профессии я пришел вслед за отцом. Он не был кузнецом, работал в кузнице. Он научный работник, основатель первой в стране и мире кафедры обработки металлов давлением. У него была мечта сохранить, возродить, развить традиции кузнечного дела,

если хотите, кузнечной культуры. Острое желание сохранить все, чтобы не утратить, не потерять то, что было в этой области. Оттого и музей. Ведь что такое кузнечное дело? Это промисел, это искусство, это наука, это производство. Это не только техника, это гуманитарная область. В общем-то одна из фундаментальных областей общечеловеческой деятельности. Потому что весь металл, который испокон веков был в быту человека, так или иначе был связан с кузнечной. Кузница заложили основу всей нашей металлургии и спечеталлургии, всей металлообработки, заложили основу практически всех ремесел. Потому и поговорка: „Кузнец — а всем ремеслам отец“.

К. БУРЦЕВ. И еще говорят: „Все мы — кузницы своего счастья“. Не химика, не физика, не, к примеру, фармацевты счастья, а — кузницы.

Т. ГАХОВА. Кузнец обязательно сильным должен быть, здоровым. И веселым, мне кажется.

А. ГЛОЗМАН. Еще поговаривают, что кузнец пьет...
А. ГАХОВА. Да кто не пьет-то?
А. НАВРОЦКИЙ. Вот кузнец-то как раз и не пьет. Когда к нам старые кузницы приходили, пенсионеры уже, мы спрашивали: правда ли, что кузнец вечно пил? Да никогда он не пил! Он встал в пять утра, а летом и вовсе в три, шел в кузницу, работал до захода солнца. И вообще кузнецов никогда неправильно себе представляли. Будто они — с мышцами накаченными, с бьющей шеей. У кузнеца должен быть хороший молотобоец, он делает основную физическую работу, подчиняется ритму работы.

П. ЛЕРНЕР. Доцент Навроцкий, скажите, а каким молотом вы работаете в школе № 293?
А. НАВРОЦКИЙ. У нас там пудовая кувалда. Иногда школьники как раз с ней, с этой шестнадцатикилограммовой кувалдой, начинают...
А. ГЛОЗМАН. Кстати, ребят привлекает как раз то, что в кузнице они могут проявить свою силу. Не просто накачать мышцы, штангу отжимать, а выполнять полезную, осмысленную работу. Когда мы строили кузницу, это было как раз

СТЕНОГРАММА № 16

Из Союза кузнецов

Вы слышали? Оказывается, будущим летом в России должен пройти Всемирный конгресс кузнецов. Предполагаются: научная конференция, олимпиада школьников, праздник кузнецов-художников. Организатор этого конгресса — Союз кузнецов. Вы и о Союзе кузнецов не слышали? Это творческий союз, который объединяет специалистов в области кузнечного дела. У них есть свой музей, своя газета, есть даже свой парк. В следующем разговоре принимают участие руководители и члены Союза кузнецов: Юрий Анатольевич ЗИМИН, доктор технических наук, президент союза; Александр Евгеньевич ГЛОЗМАН, учитель труда; Павел Семенович ЛЕРНЕР, председатель ассоциации педагогов-педагогов Москвы; Константин Георгиевич БУРЦЕВ, куратор школы-гимназии № 13; Татьяна Борисовна ГАХОВА, учитель труда, и Александр Георгиевич НАВРОЦКИЙ, доцент Московского металлургического института, директор музея кузнечной науки и техники.

питается, даже самые младшие...
Ю. ЗИМИН. Действительно, кузница была центром объединения, общения человеческого. Там не только бытовые — настоящие философские вопросы решались.

Т. ГАХОВА. Детям вообще интересно иметь дело с инструментом. Мой сын, ему всего шесть лет, возится постоянно с молотком, с гвоздями. Надо только поддержать этот интерес. Конечно, в школе все важно, науки нужны, их надо познавать. Но начинать, мне кажется, надо с труда, с осмысленного физического труда. Куды ни придеши, ведь видишь, кто как работает. Я считаю: тот, кто хорошо работает, не может быть плохим человеком. Правда! Тот, кто работает с любовью, с энтузиазмом, с выдумкой...

К. БУРЦЕВ. Сейчас много говорят о гуманитаризации образования. И связывают это лишь с преподаванием гуманитарных предметов. По-моему, неверно это. Речь не об изучении каких-то отдельных предметов, речь о самом человеке должна идти. О том, что он знает и что умеет. Что в русском языке, что в математике, что в труде — проблема одна: уметь ставить задачи, анализировать средства, находящиеся в твоём распоряжении, и исходя из этого добиваться какой-то цели. Кузнечное дело — это один из примеров, на котором этому можно научиться. Технология изготовления какого-то, скажем, подвесч-

ника: до замысла до добычи металла, до его обработки, и что в итоге вышло... Если уметь анализировать и основываться на интеллектуальной технологии, то можно научиться добиваться любой цели. Начиная от забивания гвоздя и кончая, скажем, получением высшего образования за рубежом, построением любой концепции, построением политической системы. И во главе всего здесь как раз человек. Чтобы ребенок чему-то по-настоящему научился, надо, чтобы он хоть однажды сделал какую-нибудь вещь, которую нельзя сделать быстро. Дети способны большей частью лишь на короткое усилие: прибежал — сделал — убежал. А кузнечное дело — долгое усилие. И такое воспитание человека чрезвычайно важно.

П. ЛЕРНЕР. Вот скажите, Александр Георгиевич, сколько времени нужно, чтобы сделать булатный клинок?
А. НАВРОЦКИЙ. Вы имете в виду получение булатной стали? Булат — это вообще удивительная сталь, за тысячелетия она обросла такими легендами... Известный

кузнец Вячеслав Иванович Басов по всем музеям собирал образцы булатных и дамасских сталей, изучал всю имеющуюся литературу, моделировал процессы изготовления. И оказалось: чтобы сделать хороший дамасский клинок с красивыми узорами, приходилось перековывать сталь в миллион слоев. Как тесто делается... Раскатали, сложили, опять раскатали — два слоя. И еще раз, и еще, только не складкой, а молотом, раскатываем металл, снова складываем, и так — до миллиона

слоев! Чтобы сделать хороший клинок, работало около десяти человек. Раньше булатные клинки делались пять-шесть лет...
П. ЛЕРНЕР. Один клинок?
А. НАВРОЦКИЙ. Да, один клинок. Так что кузнечное дело — неспешное. И если с детства с ним сориентироваться, это дает залку на всю жизнь. А не так, как сегодня многие: все бегом, бегом... Купил залежало, быстренько продал подороже, и опять — бегом, бегом...
Т. ГАХОВА. Да у нас вся страна сегодня такая: бегом, и все на месте. Потому мы до сих пор... во всем этом. Разве серьезные вещи могут быстро произойти? А у всех вера какая-то летская: вот Ельцин пришел — завтра все будет у нас хорошо. Да

этом, пришлет заявку — можно прямо через редакцию... Ведь действительно же кузнечное дело связано и с культурой, и с поисками смысла, и с воспитанием — не трудоголосия, а какого-то хорошего отношения к миру.
Ю. ЗИМИН. Когда мы начали осмысливать эту философию, создавать музеи, мы решили заложить аллею Кузнецов. Там сейчас рядом с музеем действительно аллея дерзость, посаженных нашими корифеями. Это часть парка. Поскольку музей и парк находятся рядом с Московской, в зоне Золотого кольца России, здесь мог бы возникнуть историко-технический, деловой, туристический центр в нашей области деятельности, в нашей области

культуры.
А. НАВРОЦКИЙ. Мне кажется, вообще сейчас надо поднимать значимость технического образования. Дикое конкурсы в институты — на экономические, бухгалтерские факультеты, а на основные технические специальности — единицы. Тысячи бухгалтеров — а что считать будем? Промышленность развивается. Но без технического развития не может быть и развития государства, развития всего общества. Мы выживем только тогда, когда пересечем на новые технологии. У нас ведь даже технологии думания нет.
П. ЛЕРНЕР. Достоинство начинается с того, что человек должен почувствовать уважение к своему труду. А сейчас чем молодежь занимается? Тортует. Жвачкой, сигаретами, пивом.
А. НАВРОЦКИЙ. Ну а если мы обясним мальчишке, что лучше ковать, чем продавать, он что — торгуете бросит?
П. ЛЕРНЕР. Бросит.
А. НАВРОЦКИЙ. И побегит ковать?

П. ЛЕРНЕР. Да. Потому что кованая роза сегодня стоит, извините, пятьдесят долларов. И он поймет, что лучше долгов работать, отковать вещь, хорошие деньги за нее получить. Ну и потом, есть такое понятие — достоинство. Одно дело — ты деньги за перепродажу получил, совсем другое — за настоящую вещь, которую сам сделал.
А. НАВРОЦКИЙ. Вот о достоинстве... Чем кузнец от кого-то другого отличается? Своей добросовестностью. Один кузнец мне говорил: любую вещь надо делать хорошо, плохо она и так получается, без усилий. И вот о чем мало кто знает. Во время коллективизации кузнецов уничтожали даже больше, чем кулаков. А почему? У него — своя кузница, хозяин он, независимый человек. Это больше всего раздражало: независимость, достоинство. Про раскулачивание все знают, а это было раскулачивание. В двадцатые годы вся малая промышленность — и сельская, и небольшая заводская — из-за этого была уничтожена. Только в войну эти раскулаченные кузницы стали выплывать: начали ножи, штыки ковать, ремонтировать что-то... Как бы из подполья в сороковых годах начинается опять возникать клан кузнецов...
П. ЛЕРНЕР. Да вы о себе скажите! Вот у вас, Юрий Анатольевич, сколько у вас авторских свидетельств на изобретения?
Ю. ЗИМИН. Восемьдесят.
П. ЛЕРНЕР. А вы, Александр Георгиевич, какое имете отношение к сохранению культуры Москвы? Сколько решеток, которые эти варвары разнесли, сколько кованых художественных вещей над „Метрполисом“ и над Первой аптекой вы лично спасли?
А. НАВРОЦКИЙ. Мы только пропагандой спасали, показывая и рассказывая, что это — красиво.
П. ЛЕРНЕР. Нет, а то, что вы на себе в музее привезли? Сколько вещей, которые принадлежали кузнечной культуре, Саша с раскопок привез? И вы сколько решеток своими руками перетаскали, тяжелые ведь, и все на себе... Сколько?
А. НАВРОЦКИЙ. Да ладно... При чем здесь цифры...
Стенографировала
Е. БОЛДЫРЕВА

Тот, кто хорошо работает, не может быть плохим человеком.

Мы все сегодня куда-то бежим. Но это — бег на месте.

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Дайте каждому ученику возможность компенсировать его неудачу. Дайте ему шанс исправиться. А потом — последний шанс.

7-е сентября

№18

7 ноября 1992 г., суббота

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Музеи — открыты, в музеях — дети.
Искусство принадлежит детям.

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

ДЕНЬ РЕВОЛЮЦИИ

Представьте себе, сколько сегодня появилось бы площадей, совхозов, пионерских дружин имени 75-летия Октября, если бы...

Размышления о Великой Октябрьской революции читайте на 3-й стр.

СТЕНОГРАММА № 17 Из Русского музея

наших прославленных оркестров и театров...

Н. КУЛЕШОВА. Да, главное все-таки — наши зрители, и музеи это учитывают.

Б. СТОЛЯРОВ. Наш отдел художественного воспитания как раз и создан для формирования зрителя. Это первый музейно-педагогический отдел, возникший в стране. Музейная педагогика — область пограничных знаний: это и психология, и социология, и возрастная педагогика, и искусствоведение, и культурология. Но музейных педа-

гогов никто не готовит. Так что нам приходится идти только от практики. У каждого нашего сотрудника — свое направление работы: по дошкольному воспитанию, по воспитанию младших, средних, старших школьников, по работе со студентами, с учителями, с родителями. Совершенно новое направление — работа с детьми-инвалидами. Есть у нас и социальный психолог. Но все связано одной проблемой — художественного воспитания зрителя. В самом отделе сотрудники подобрались так, что искусствоведение для них — вторая профессия. У нас есть четыре бывших инженера, один из них — Сергей Васильевич.

С. ФОКИН. Да, из тех студентов, которые когда-то посещали музей для общего развития. Потом понял, что музей стал для меня средой существования, без которой я не могу жить. Пришлось переменить профессию.

Б. СТОЛЯРОВ. Сейчас наш отдел приобрел статус республиканского научно-практического центра по проблемам музейной педагогики. Поэтому мы теснейшим образом связаны с Российским университетом имени Герцена, и с Государственным университетом педагогического мастерства, основанном совсем недавно, весной этого года (бывший Институт усовершенствования учителей). Это наше важнейшее направление. Если мы не подготовим учителей, у нас и с детьми ничего не получится. При Русском музее существуют гимназия и детский сад, идет масштабный эксперимент «Детский сад — школа — музей — вуз». Это заблуждение, что фонды, хранение — главное, ведь музей существует для людей, для зрителей, которых он подготавливает.

Мы сейчас много общаемся с зарубежными коллегами, вот только сегодня пришел отчет французского музея Орсе о пребывании в Русском музее, в нем самое большое место отведено как раз нашему отделу. Елена Владимировна может рассказать об этих контактах подробнее.

Е. ИВАНОВА. Мы с самого начала, с момента нашего создания, не мыслили своего существования без общения с зарубежными коллегами. Я именно из зарубежной литературы получила массу информации об их опыте. К нам приезжали коллеги из музея Орсе, из университета Руана, приезжала глава Ассоциации музейных педагогов Вашингтона Энн Тор, приезжала коллега из детского музея в Филадельфии, рассказавшая нам массу интересных вещей. Это необыкновенный музей — для детей до семи лет. Быть может, в строгом смысле слова это и не музей, а скорее центр, который обучает и дает возможность играть, развивая ребенка с самого нежного возраста.

Н. ЖВИТИАШВИЛИ. Я помню их рассказ про стену, на которой расположены материалы с разными фактурами: что-то холодное, что-то теплое, твердое, ворсистое, резина, шелк — самые контрастные материалы. Ребенок просто водит рукой

по стене — и получает целую гамму ощущений от этого мира путем одного прикосновения.

Е. ИВАНОВА. Да, и при этом возникают ассоциации, дети учатся отличать одно от другого, обогащается чувственное восприятие, которое в обыденной жизни не всегда удается так разнообразить. То есть в этом музее ребенок погружается в мир многогранных ощущений. Есть экспозиции, рассчитанные на детей с родителями, есть программы для детей с педагогами. Но программы — это только так игра, дети в нее сразу включаются.

Т. ВОЛЬТСКАЯ. А ваши зарубежные коллеги, наверное, не зря вами интересуются, вы тоже можете им что-то дать? Видно, рассказать о занятиях с дошкольниками, младшими школьниками...

Н. РЕВА. Многие годы во всех музеях велась работа со школьниками, но в основном со средними и старшими. А вот как раз теперь мы расширили эти рамки, включив младших детей, с одной стороны, и студентов — с другой. И для каждого возраста решаются свои педагогические задачи.

Р. ГЕЛЬМАН. Вот, например, для школьников первых — третьих классов мы организовали специальную группу, где работают художник и психолог. Этот эксперимент позволяет выявить особенности восприятия детей: навыки грамотного зрителя вырабатываются именно с этого возраста. У нас есть

зод, запомнившийся мне, наверное, на всю жизнь. Одна девочка сказала: «Наверно, если бы не было в мире зеркал, никто бы не замечал моего уродства». Эти слова меня потрясли и еще раз убедили в важности дела, которое я делаю.

Р. ГЕЛЬМАН. Когда мы стали смотреть эти работы, нас удивило, что основные возрастные особенности, характерные для творчества здоровых детей, совпадают с теми, что мы встретили у больных. В этом, безусловно, есть путь для лечения творчеством. Действительно, арт-терапия очень важна для лечения и для воспитания.

Н. ЖВИТИАШВИЛИ. Это дети, которые очень сложно переживают и свое одиночество в этом мире, и всю окружающую жизнь. Но главный вывод, который мы сделали: творчество — один из немногих путей общения этих детей с миром, общения с нами, и именно творчество скорее всего даст им силы и возможности самореализации.

Т. ВОЛЬТСКАЯ. Если вы действительно развернете эту работу, у вас будет поистине уникальный опыт. По-моему, очень важно его распространить. Но доходит ли ваш опыт до других? Не мало ли Русский музей взаимодействует с другими музеями страны?

Н. КУЛЕШОВА. Нет-нет, общаемся мы постоянно. Это стажировки, повышение квалификации научных сотрудников по разным темам. Вот в ноябре будет проведена стажировка для научных сотрудни-

местно с другими музеями множество научных конференций. Не так давно прошла конференция, где были представители Казахстана, Украины; она называлась «К истории формирования коллекций», там говорилось о том, как лучше изучать свои коллекции. В ней участвовали специалисты из Эрмитажа и Русского музея. Кроме того, мы довольно часто сами выезжаем в провинциальные музеи, помогаем в организации фондов, хранения и в любых других вопросах. И еще очень важный момент: Русский музей и художественные музеи России делают сейчас сводный научный каталог всех фондов музеев РСФСР, который вводится на компьютер в ЭВМ. Так что у нас есть достаточно отработанные пути, чтобы передать любой свежий и ценный опыт, если он только появится.

Б. СТОЛЯРОВ. Но главное — надо воспитывать зрителя. Зачем фонды, зачем коллекции, если их некому смотреть, а те, кто смотрит, не умеют видеть? Именно поэтому на первый план у нас выходит подготовка не только детей, но и учителей. Самое печальное, что все, что приходит в музей, считается за произведение искусства только по внешности пленку — сюжет. Мы всю жизнь боремся с использованием памятника искусства в качестве повествования, иллюстрации. Наша программа для учителей рассчитана на триста часов, конечно, за это время взрослому человеку снять пленку с глаз не удастся. Речь может идти о длительном лечении. Если учителя будут с нами в постоянном контакте, мы сможем что-то сделать, погружая их в атмосферу музея, давая необходимые знания и навыки пользования ими. Занятий два раза в месяц крайне мало, поэтому сейчас идет речь о создании постоянных курсов на базе Русского музея.

Проблема воспитания — одна из проблем, ради которых музей существует вообще...

Стенографировала
Т. ВОЛЬТСКАЯ

Помните заученные в детстве стихи: «Я поведу тебя в музей», — сказала мне сестра? Без посетителя не может существовать музей. Зрители бывают большие и маленькие. Как воспринимает ребенок искусство? О воспитании качественно нового зрителя, о своих проблемах рассуждают сотрудники государственного Русского музея: заведующая отделом художественных музеев Российской Федерации Наталья Михайловна КУЛЕШОВА, заведующий Научным отделом художественного воспитания Борис Андреевич СТОЛЯРОВ, старшие научные сотрудники Елена Владимировна ИВАНОВА, Наталья Дмитриевна РЕВА, Сергей Васильевич ФОКИН, Регина Абрамовна ГЕЛЬМАН и младший научный сотрудник Нана Юрьевна ЖВИТИАШВИЛИ.

Н. КУЛЕШОВА. Русский музей может говорить не только о себе, но и об опыте музеев Российской Федерации, ведь он является научно-исследовательским координационным центром художественных музеев России. Во всей Российской Федерации — около 150 художественных музеев, там хранятся уникальные сокровища, коллекции. Мы сейчас сетуем на то, как ухудшается жизнь. Но в провинциальных музеях дела идут неплохо: после реконструкции, после капитального ремонта их открылось вновь около десяти, многие получили новые здания. Я только что вернулась из Ивановского художественного музея, буквально поразившая его блестящими интерьерами. Конечно, там великолепные спонсоры. Один из них — «Ранк Хегох», он помог им и в оформлении, и в оборудовании; дизайнерское решение экспозиции разрабатывалось московскими художниками из Российской торговой палаты. Я знаю, что недавно отремонтировал свое здание Ярославский музей — бесценный памятник архитектуры. Так же обстоят дела в Нижнем Новгороде, Хабаровске, Вятке.

Т. ВОЛЬТСКАЯ. Мне даже странно слышать такую оптимистическую ноту, она звучит диссонансом в общем хоре жалоб на нехватку средств, на бедственное положение культуры. Насколько мне известно, и в столичных музеях, и в самом Русском музее дела далеко не такие блестящие.

Б. СТОЛЯРОВ. Конечно. Казалось бы, сейчас Русский музей получил новые здания, у нас теперь есть и Михайловский дворец, и Инженерный замок, и Строгановский дворец, и Мраморный. Я помню, как мы были окрылены, когда полу-

чали помещение в Мраморном дворце. Хотели разместить там целый просветительский центр: компьютерные классы, комнаты для работы сотрудников, студии, музей детского творчества. А в результате там оказались совсем другие люди. Год назад мы въехали в Инженерный замок, два наших зала — это покой великого князя Константина Павловича, но они только освобождены и еще ждут реставрации, так что и оттуда нас скоро вышлют. Одна надежда, что, может быть, нам предложат залы нижнего этажа. Тогда там можно будет разместить музей детского творчества, устраивать вечера для детей: наши спонсоры уже подарили нам роля. Пока же... Пока мы сидим в подвале. А идея, планы — сколько угодно. Вот Сергей Васильевич — автор многих прекрасных разработок, так и не нашедших применения из-за нашей нищеты.

С. ФОКИН. Да, у нас не хватает технических средств. Планы были интереснейшие: создание информационного центра, проведение всевозможных лекций при помощи видеотехники. Это позволило бы знакомить людей не только с экспозицией Русского музея, но и с экспозициями музеев зарубежных.

Т. ВОЛЬТСКАЯ. То есть, как ни парадоксально, именно наши центральные музеи оказались в гораздо более бедственном материальном положении, чем провинциальные?

Н. КУЛЕШОВА. Та массовая реставрация, реконструкция музеев, о которой я говорила, началась десять — пятнадцать лет назад. Она просто неимоверно долго проходила и закончилась как раз сейчас, поэтому можно говорить об изменении ситуации. Но главное — в новых условиях эти музеи научились

сами зарабатывать деньги. Они стали искать спонсоров, сотрудничать с другими организациями. Это и дает им возможность существовать. Раньше волжские, например, музеи в Нижнем Новгороде, Ярославле — они ведь жили, делали план за счет туризма. Свои экскурсии им, собственно, были не нужны: останавливался пароход,

Музея не существует без достойного зрителя. А зритель — только тот, кто приходит в музей и второй, и третий раз.

публика валила валом, и все. Но это время прошло. Теперь в связи с подорожанием билетов, туристических путевок музей пустует. Правда, в этом есть и положительная сторона: не каждая библиотека — университет, не каждый зритель — настоящий зритель. Массовый приход по музею — это механическое посещение: отметились, и ладно. Зритель — это только тот, кто придет и во второй, и в третий раз. Поэтому сейчас главная проблема для музеев — это воспитание своего зрителя, занятия с детьми, с воспитателями детских садов, учителями.

Все стороны деятельности музеев взаимосвязаны. Музея не существует без достойного зрителя; научно-исследовательская работа стимулирует выставочную деятельность, выставочная деятельность увлечение выставками пагубно, ведь нельзя же делать выставки только за рубежом.

Т. ВОЛЬТСКАЯ. Хватит и того, что мы уже почти не видим дома

гогов никто не готовит. Так что нам приходится идти только от практики. У каждого нашего сотрудника — свое направление работы: по дошкольному воспитанию, по воспитанию младших, средних, старших школьников, по работе со студентами, с учителями, с родителями. Совершенно новое направление — работа с детьми-инвалидами. Есть у нас и социальный психолог. Но все связано одной проблемой — художественного воспитания зрителя. В самом отделе сотрудники подобрались так, что искусствоведение для них — вторая профессия. У нас есть четыре бывших инженера, один из них — Сергей Васильевич.

С. ФОКИН. Да, из тех студентов, которые когда-то посещали музей для общего развития. Потом понял, что музей стал для меня средой существования, без которой я не могу жить. Пришлось переменить профессию.

Б. СТОЛЯРОВ. Сейчас наш отдел приобрел статус республиканского научно-практического центра по проблемам музейной педагогики. Поэтому мы теснейшим образом связаны с Российским университетом имени Герцена, и с Государственным университетом педагогического мастерства, основанном совсем недавно, весной этого года (бывший Институт усовершенствования учителей). Это наше важнейшее направление. Если мы не подготовим учителей, у нас и с детьми ничего не получится. При Русском музее существуют гимназия и детский сад, идет масштабный эксперимент «Детский сад — школа — музей — вуз». Это заблуждение, что фонды, хранение — главное, ведь музей существует для людей, для зрителей, которых он подготавливает.

Мы сейчас много общаемся с зарубежными коллегами, вот только сегодня пришел отчет французского музея Орсе о пребывании в Русском музее, в нем самое большое место отведено как раз нашему отделу. Елена Владимировна может рассказать об этих контактах подробнее.

Е. ИВАНОВА. Мы с самого начала, с момента нашего создания, не мыслили своего существования без общения с зарубежными коллегами. Я именно из зарубежной литературы получила массу информации об их опыте. К нам приезжали коллеги из музея Орсе, из университета Руана, приезжала глава Ассоциации музейных педагогов Вашингтона Энн Тор, приезжала коллега из детского музея в Филадельфии, рассказавшая нам массу интересных вещей. Это необыкновенный музей — для детей до семи лет. Быть может, в строгом смысле слова это и не музей, а скорее центр, который обучает и дает возможность играть, развивая ребенка с самого нежного возраста.

Н. ЖВИТИАШВИЛИ. Я помню их рассказ про стену, на которой расположены материалы с разными фактурами: что-то холодное, что-то теплое, твердое, ворсистое, резина, шелк — самые контрастные материалы. Ребенок просто водит рукой

«ПС» СОБЫТИЯ КОНГРЕСС ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

28–29 ноября в Москве состоится Конгресс интеллигенции России. Он будет посвящен вопросам интеллектуального обеспечения нашего движения вперед. Оргкомитет конгресса призывает думающих людей России, для которых чувство долга и чести еще не стало абстрактным понятием, осознать свою ответственность и свои конкретные возможности. Последнее время от имени интеллигенции говорят много и многие. Но сама

российская интеллигенция молчит. Президент, правительство, руководители парламентских фракций заявили о поддержке идеи конгресса и приняли приглашение участвовать в его работе. Приглашены и наши соотечественники из-за рубежа.

Контактные телефоны оргкомитета:
926-63-34, 386-08-31, 205-44-85

РЕФЕРЕНДУМ О ЗЕМЛЕ

Всех, кто читает эти строки, убедительно просим принять участие в сборе подписей за проведение референдума о земле. Заполненные листы вышлите, пожалуйста, на адрес редакции в течение 2–3 дней. Каждая графа подписного листа должна быть заполнена, в том числе

полностью должны быть написаны адрес, фамилия, имя и отчество. Будьте внимательны, иначе ваша подпись недействительна.

ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ

Согласны ли Вы с тем, что в Конституции Российской Федерации должно быть закреплено право частной собственности на землю, то есть безусловное право каждого гражданина Российской Федерации владеть, пользоваться и распоряжаться землей?

Санкт-Петербургская инициативная группа референдума РФ № 1.

№ п.п.	Фамилия, имя, отчество (полностью)	Дата рождения	Место жительства (адрес, тел.)	Серия и № паспорта	Дата подписи	Подпись
1	Ф. И. О.	Ч. М. Г.				
2	Ф. И. О.	Ч. М. Г.				
3	Ф. И. О.	Ч. М. Г.				
4	Ф. И. О.	Ч. М. Г.				

В музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Фото С. ЖАБИНА

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Не объявляйте оценку вслух.
Хвалите или ругайте.

1-е сентября

№19

12 ноября 1992 г., четверг

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

Установка на 2-ю четверть:

в связи с инфляцией
меньше пятёрки
не ставить!

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

ЦЕНЫ, КОНЕЧНО, РАСТУТ СТРЕМИТЕЛЬНО.
НО ЗАРПЛАТА НАЧИНАЕТ ИХ ДОГОНЯТЬ.

СТЕНОГРАММА № 18 Из официальных кабинетов

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 8 ноября 1992 г. № 855
г. Москва

О повышении уровня оплаты труда работников учреждений, организаций и предприятий бюджетной сферы

В целях улучшения материального положения и усиления стимулирующей роли заработной платы работников здравоохранения, образования, культуры, науки, высшей школы и других учреждений, организаций и предприятий, находящихся на бюджетном финансировании, Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Осуществить с 1 декабря 1992 г. переход на Единую тарифную сетку по оплате труда работников бюджетной сферы, утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 14

октября 1992 г. № 785 „О дифференциации в уровнях оплаты труда работников бюджетной сферы на основе Единой тарифной сетки“.

Установить с 1 декабря 1992 г. месячную тарифную ставку (оклад) I разряда Единой тарифной сетки по оплате труда работников бюджетной сферы в размере 1800 рублей.

2. Министерству финансов Российской Федерации определить порядок и источники финансирования расходов на повышение оплаты труда, предусмотренные настоящим постановлением.

3. Министерством и ведомствам Российской Федерации, органам исполнительной власти республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга, местной администрации, учреждениям, организациям и предприятиям, находящимся на бюджетном финансировании, обеспечить проведение подготовительных работ, необходимых для введения Единой тарифной сетки по оплате труда работников бюджетной сферы в срок, установленный пунктом 1 настоящего постановления.

Б. ЕЛЬЦИН

ЕДИНАЯ ТАРИФНАЯ СЕТКА ПО ОПЛАТЕ ТРУДА РАБОТНИКОВ БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЫ

Разряды оплаты труда	1	2	3	4	5	6
Тарифные коэффициенты	1,00	1,30	1,69	1,91	2,16	2,44
Тарифная ставка (руб.)	1800,00	2340,00	3042,00	3438,00	3888,00	4392,00
Разряды оплаты труда	7	8	9	10	11	12
Тарифные коэффициенты	2,76	3,12	3,53	3,99	4,51	5,10
Тарифная ставка (руб.)	4968,00	5616,00	6354,00	7182,00	8118,00	9180,00
Разряды оплаты труда	13	14	15	16	17	18
Тарифные коэффициенты	5,76	6,51	7,36	8,17	9,07	10,07
Тарифная ставка (руб.)	10368,00	11718,00	13248,00	14706,00	16326,00	18126,00

Учителя всех специальностей, преподаватель, воспитатель, концертмейстер — 7 — 14-й разряды.
Методист, мастер производственного обучения — 8 — 13-й разряды.
Профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений — 8 — 17-й разряды.
Руководитель структурного подразделения — 8 — 12-й разряды.

Директора (заведующие) внешкольных учреждений, детских дошкольных учреждений, школ, интернатов, детских домов, гимназий, профессионально-технических и средних специальных учебных заведений, колледжей, учебно-производственных кабинетов и др. — 10 — 16-й разряды.

Горячая голова — плохой советчик

Обращение расширенного заседания коллегии Министерства образования Российской Федерации и Всероссийского совещания руководителей республиканских и региональных органов управления образованием

Дорогие коллеги!
Наша страна переживает драматический, но поистине переломный период своей истории. Реформа общества, всех его социальных, политических и экономических составляющих невозможна без развития системы образования.

Именно образование становится сейчас мощным фактором духовного и интеллектуального возрождения России. Бесперебойная и эффективная работа системы образования — не только залог нашего спокойствия за судьбы детей, но и гарантия успеха наших реформ.

Мы понимаем и разделяем требования российского учителя сделать все для обеспечения приоритетного развития системы образования, для сохранения школы, обеспечения социальной защиты учителя и высоко ценим все усилия, предпринятые для привлечения общественного внимания к этой проблеме.

Однако очевидно, что в сложившейся социально-экономической обстановке невозможно сразу снять все проблемы, как копившиеся десятилетиями, так и появившиеся в последнее время.

Благодаря активным действиям Президента, Правительства и руководителей образования удалось выработать меры, которые позволяют обеспечить определенный уровень социальной защищенности учителя в условиях перехода к рыночной экономике. Разработан механизм, гарантирующий постоянное (ежеквартальное) индексирование заработной платы учителя. Уже сейчас введение Единой тарифной сетки для работников образования означает увеличение их заработной платы в среднем почти в 4 раза.

Вверные система оплаты предусматривает не только вознаграждение за трудовой стаж, но и за качество работы.

Принятое решение — только начало работы по укреплению социального статуса учителя. Но мы надеемся, что оно с пониманием и согласием будет принято всеми работниками образования, всем нашим обществом.

Мы обращаемся к вам с призывом остановить нагнетание напряженности в учительской среде. Учительские забастовки — это не просто закрытые двери школ, это закрытые двери в будущее наших детям.

Переход на Единую тарифную ставку позволяет учителю сосредоточиться на решении содержательных задач, связанных с глубокой перестройкой всей учебно-воспитательной деятельности. Учителю больше не надо бастовать, чтобы защитить себя. Теперь его защита в том, чтобы быть хорошим учителем.

ВСТРЕЧА С МИНИСТРОМ

НОВАЯ ЛОГИКА ЗАРПЛАТЫ

Э. Днепрова объясняет перемены

Указом Б. Ельцина министр образования Э. Днепрова назначен советником президента по вопросам государственной политики в области образования и гуманитарных реформ. Но сегодня он остается министром и на очередной встрече с „ПС“ рассказывает о переменах в зарплате учителей.

Восьмого ноября Борис Николаевич Ельцин подписал распоряжение правительства о повышении уровня зарплат работников труда организаций и предприятий бюджетной сферы. Смысл этого постановления такой: с 1 декабря во всей бюджетной сфере (кроме аппарата, армии, МВД) осуществляется переход на дифференцированную оплату труда со стартовым минимумом не 1350 рублей, как было, а 1800 рублей. Почему 1800 рублей? Известно, что Верховный Совет принял постановление об увеличении минимального уровня пенсий до 2250 рублей. Должен быть принят соответствующий закон о минимальном уровне оплаты труда — он не может быть, естественно, меньше минимального уровня пенсии. Такой закон готовится и, вероятно, будет принят с первого января будущего года. Но, понимая страшную напряженность и низкий уровень оплаты труда, правительство делает промежуточный шаг — поднимает оплату первого разряда. Стратегия такова: двигать вперед не какую-нибудь одну профессию, а всю бюджетную сферу. Этот шаг правительства — первый в программе по антикризисным мерам.

В чем значение перехода на новую систему оплаты труда? Выделю два аспекта: социально-политический и экономический. В социально-политическом плане

это означает, что впервые произведен цивилизованный переход на оплату в бюджетной сфере. Единые подходы, единые принципы и одновременно — не размазанная каша по тарелке, а дифференцированный подход к оплате труда в зависимости от квалификации. С одной стороны, это исключает отраслевое лоббирование, волюнтаризм (то вырывается здравоохранение, то культура, то образование), и больше не будет противостояния этих сфер, на котором многие спекулировали. С другой стороны, вводится механизм мотивации в оплате труда.

В экономическом плане это существенное повышение оплаты труда работников бюджетной сферы.

Сегодняшний оклад педагогических работников — 2013,9 рубля. При новом стартовом окладе средний оклад будет 7938 рублей. Зарплата повышается в 3,9 раза. Зарплата директоров школ увеличивается в 4,5 раза и в среднем составит 10 646 рублей. Это достаточно существенное увеличение. Все расходы на увеличение окладов по бюджетной сфере составляют 104 миллиарда рублей. Из них 48,8 миллиарда пойдут на сферу образования.

В чем преимущество такого подхода? Не только повышается оклад, но вводится механизм ежеквартальной индексации оплаты труда в зависимости от индекса цен. Ори-

ентация на среднюю зарплату в промышленности — это объективный показатель. Надо гнаться за ростом цен, а не за средней зарплатой в промышленности, потому что зарплата в промышленности существенно отстает от роста цен. В промышленности происходит спад, некоторые предприятия закрываются и так далее. А индекс цен — объективный показатель. Сейчас ежемесячно идет 12-процентная инфляция. Индексировать оплату каждый месяц мы не можем, но вводится ежеквартальная индексация.

Кроме того, учительство переходит на дифференцированную оплату труда. Вводятся три главных показателя: квалификация, образование и стаж.

В течение двух лет мы проводили эксперимент по дифференцированной оплате труда в шести регионах. Поэтому у нас накоплен опыт оплаты по Единой тарифной сетке. И уже с сентября некоторые регионы, например, Коми, Ярославская область, Чувашия, Удмуртия, Ростовская область, начали переходить на новую оплату труда.

Для того чтобы это было всеми принято, мы провели расширенное заседание коллегии министерства, в котором приняли участие все руководители республик, краев, областей. В течение трех дней — 3, 4, 5 ноября шла мощнейшая технологическая работа. Все руководители регионов стали соучастниками процесса. Никакой политики, только технология! Шли по абзацам; в ночь на пятое мы все переработали по замечаниям, опять обсудили на сессиях. Теперь это не просто решение министерства.

Возникает проблема аттестации.

У нас такая установка: аттестация должна быть плавной, безболезненной, но динамичной. Сейчас будет проходить внеочередная аттестация до 1 декабря — она необходима для перехода на единую тарифную сетку. А типовое положение об аттестации будет прорабатываться позже — все получится домашнее задание.

Внеочередная перееаттестация будет проходить по имеющимся параметрам. Например, с 7-го по 11-й разряды учителя продвигаются по образованию и стажу, а затем отличники просвещения, старшие учителя, учителя-методисты, сразу продвигаются на 12-й разряд. Народные, заслуженные учителя — на 14-й разряд. Это не означает, что молодой учитель, который не имеет стажа, не может претендовать на 14-й разряд. Ему надо пройти квалификационный экзамен.

Еще раз: внеочередная перееаттестация, которая проводится сейчас, будет проходить по существующим сертификатам. А плановая аттестация 1993-го и следующих лет — по новым положениям. Аттестация никого не обидит, но даст возможность некоторым продвинуться, а некоторым — и прорваться. Все эти решения снимают, по нашему мнению, существующую напряженность. Поэтому коллегия приняла обращение, в котором говорится, что сейчас это хоть и временно, но все-таки решение проблемы оплаты педагогического труда. Единая тарифная сетка — механизм реализации Закона об образовании.

ФОТОМИР

Льва
Шерстенникова

„Первое сентября“ представляет сегодня новую рубрику: „Фотомир Льва Шерстенникова“. Мир не только в планетарном понятии. Это и мир чувств и взаимоотношений людей, творения природы и исторические памятники, наука, искусство, быт. Словом, сфера, в которой живет и действует человек. Которую он формирует своим присутствием и которая, в свою очередь, воздействует на него, на человека. Делает его разносторонним и неповторимым. Жестоким и нежным, шедрым и алчным. Заботимся о завтрашнем дне своих детей, своей планеты или бездумно, как червь, пожирающим ее, отравляющим жизнь на ней как в переносном, так и прямом смысле.

Для сегодняшней публикации редакция отобрала два снимка, казалось бы, диаметрально разнесенных. Ну что, в самом деле, общего между мегаполисом, некоронованной столицей западного мира — Нью-Йорком, и деревенским

жилищем самой что ни на есть нечерноземной России? Несмотря на массу очевидных различий, есть то, что намного важнее их. И здесь и там — обитель человеческая, его дом. А дом — не только стены. Это дух бытия, привычки и обычаи твоих близких, твоей земли. Вот об этом языке фотографии и будет рассказывать рубрика. Вести ее редакция попросила фоторепортера, за спиной которого три десятка лет разведков корреспондентом „Огонька“ — тысячи и тысячи накрученных на воображаемый счетчик километров и сотни тысяч вполне реально намотанных на бобины фотоаппарата кадров пленки. Возможно, многим из читателей это имя встречалось, если не на страницах журнала, то на обложках различных альбомов, книг, в каталогах выставок. Тем, кто встречается с репортером впервые, рубрика позволит не только шагнуть в мир фотографии, но и получить представление об этой увлекательной профессии.

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Легче сказать, чем выполнить, но все же: даже если вы недовольны классом, начинайте урок с улыбки.

Первое сентября

№20

17 ноября 1992 г., вторник

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

СЕНСАЦИЯ?

Через несколько дней мы начинаем публиковать во многих номерах одну из самых значительных педагогических работ в истории нашей педагогики. Эту рукопись много лет никто не хотел печатать. Покупайте «Первое сентября»!

Мир сегодня не хуже прежнего. Он честнее, а значит — жестче

СТЕНОГРАММА № 19

Со встречи тридцатилетних

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Мы не виделись больше десяти лет — с тех пор, как отшумел школьный выпускной бал. Самому молодому из нас недавно исполнилось тридцать. Разве мы могли упустить возможность собраться? Местом споров, как водится, стала обычная московская кухня. О чем могут говорить тридцатилетние? О том, что удалось, а что нет. О первых итогах самостоятельной жизни. И, конечно, о вехах сугубо материальных — куда от них денешься...

ЛЕНА. (Лена — человек сильный и независимый. Заместитель директора малого предприятия по выпуску пластмассовых изделий. Мастер спорта по фехтованию, бывший член сборной ВВСФСР. Живет с мамой и чудным английским котенком Несси. Давнишняя черта — сметать на все свое суждение иметь "позволила ей сразу взять разговор в свои руки.") Ребята, ну что мы стоим, как все плохо, а вот раньше было лучше. Мир сегодня не лучше и не хуже

вал за кроссвордом и стаканом чая в рабочее время, занимался чем угодно, но только не делом. И в конце концов стал заложником игры в работу.

— Лев, ты категорична. Кто-то действительно принимал правила этой игры, а кто-то не принимал, но все равно становился заложником — заложником системы, в которой разрываться деятельному человеку было попросту невозможно или почти невозможно.

ция — набор переписанных чужих статей. Он все еще в плену прошлого самообмана.

АЛЕКСЕЙ. (Алексей — гордость нашего бывшего класса. Отличник и добряк. Кандидат наук, помещан на своей нейробиологии. Но, имея двух сыновей и неработающую жену, ежедневно по вечерам выкашивает таксаджинком в одном из МП.) А вот я, как мне кажется, в науке кое-чего достиг. И тем не менее чувствую себя ненужным. Хотя у нас очень перспективное направление — исследуем активность нервных клеток на моллюсках. Специалисты в этой области в стране раз, два и обчелся. Но наша фундаментальная наука никому не нужна — сменились приоритеты. И если бы не вторая работа — не знаю, как кормил бы семью. Отсюда и мое отношение к реформам: надеялись-то на лучшее, а получили...

школе русский язык и литературу. Ну а муж — за границей" — в Беларуси. В ожидании увольнения. Потому что жилима нет и семью привезти некуда.) Леночка, ты молодец, но твой пример не подходит для людей семейных, с детьми. Я, например, в школе до сих пор потому, что мои дети здесь при мне. Еще, пожалуй, это некий выход в свет и какой-никакой, а заработок. Хотя его хватает только на колготки, косметику и жвачку детям. Менее обремененные коллегией, разумеется, подрабатывают, дают частные уроки (худо-бедно, а сотню завит несут). А что делать мне? Кипа детей лезает? Заработать больше на основном месте нет никакой возможности. Учителю как было, так и осталось нищим. Когда несколько лет назад у меня в классе не хватало карандашей, то шла и покупала их за свои деньги. Сегодня позволить это себе не могу — дорого. Поэтому и классы у нас часто напоминают сараи.

Учителя бегут из обычных школ. Хорошо, замечу, учителя. Куда? В частные школы, да. Где больше платят и создают нормальные условия для работы. Мои знакомая, отличница педагог, молодой и энергичный, дети ее обожали, но... ушла в офшоры. За день получала столько, сколько за месяц.

СЕРГЕЙ. (Сергей — для нас всех объект белой зависти. Настоящее открытие, которое преподнесло наше бурное время. Некогда уловив конъюнктуру, окончил экономический вуз. Ворочает финансами трех коммерческих структур и, по определению газеты "Коммерсант-деи", входит в "опережающую группу".) Имею доход в десятки тысяч на каждого члена семьи, отнюдь не застрял и не изменил своим лучшим качествам.) Положение нашего учителя в школе, молодой и энергичный, дети ее обожали, но... ушла в офшоры. За день получала столько, сколько за месяц.

лет настоящих беликов, тех, кто живет на крохотную пенсию или пособие?

ЛЕНА. По-моему, мы все тут чего-то не договариваем. Не кажется ли вам, что размежевание детей по внешним признакам — это всего лишь следствие тех отношений, которые сложились у нас, взрослых? Разве не мы всю жизнь сокрушались, что у соседа больше на целую козу, на подмастерья или четверть дачи? Вместо того, чтобы сосредоточиться на себе, поставить перед собой конкретную задачу (что я должен сделать, чтобы жить лучше), мы бездарно тратим время и энергию на обличение всех и вся: соседа, директора завода, депутата, правительства.

лет настоящих беликов, тех, кто живет на крохотную пенсию или пособие?

ЛЕНА. Серез, позволька величаться в ваш диалог и ответить за тебя. Мы все в этой стране, словно новорожденные. Обыватель просиживает штаны в какой-нибудь конторе и мечтает: вот уйду на пенсию и заживу... Это наша собственная доморощенная выдумка, что пенсия обеспечивает старость. Мне довелось общаться с человеком, который тридцать лет отработал на фирме "Роллс-Ройс" квалифицированным специалистом. И получал среднее — три тысячи долларов в месяц. Спросила про пенсию. Он назвал сумму, "Что это значит?" — не стал стараться уточнить я. "Столько я должен был бы платить за двухкомнатную квартиру в Лондоне". Помните? Пенсия — это не беззаботная старость, а лишь поправка на возраст, компенсация за потерянные силы. Поэтому там все делают сбережения на черный день, продолжают подрабатывать и после ухода на заслуженный отдых. Думаю, человек — это такая пардон, скотина, которая должна работать всю свою жизнь.

Что делает человек, когда ему трудно? Начинает искать виноватых: от начальника до государства.

прежнего. Он просто стал честнее. А честный мир жесток, потому что быстро, без скидок ладит оценку каждому. Нельзя всю жизнь заниматься самообманом, сидеть в надуманной организации, имитировать какую-то деятельность и терпеть себя иллюзиями о собственной значимости.

Все изменилось. Плохие работники теперь никому не нужны. Они — лишние. А что делает лишний, когда оказывается выброшенным за борт? Он начинает искать виноватых — от начальника до государства. Нет, друзья, виноват сам человек. Ведь это он, когда-то пошел на компромисс с совестью, просящи-

ЛЕНА. У моего знакомого, генерального директора сети заводов оборонного комплекса, два сына. Один пошел в науку, защитил диссертацию и до сих пор существует "при папе". А другой с детских лет начал возиться с кожей, шить ботинки. Сегодня он модельщик. Я видела его обувь. Это хай-класс! Это Париж! Человек твердо стоит на ногах, снимает квартиру за десять тысяч в месяц. "Как можно?" — спрашиваю его. — "Такие деньги!" — А он: "Ну что ты, Лен. Это одна сапог. Три дня работы. Сейчас я могу жить, как хочу."

Кем бы я был лет пять назад? Простым инженером третьей категории. Года через четыре — второй. Еще через три — первой категории. А если бы кое-что делал против своей совести, может, стал бы замом начальника отдела и получал бы, ни в чем не разбираясь, приличные деньги.

А сегодня я сам строю свою жизнь. Работая электромонтером в госпитале. У моей семьи все есть, и для этого мне не надо ломаться на трех работах.

важнейшим образом, как и все общество, находится в штормовой полосе кризиса. В такое время не имеет четкого представления человек, что делать, как с минимальными потерями выбраться из шторма, просто опасно.

Министерство образования создало программу неотложных мер: как спасти образовательную сеть и обеспечить общедоступность образования.

В эпоху перехода к рынку образование не может в одиночку, без помощи государства бороться со стихийной инфляцией. Поэтому программа базируется на решениях правительства, касающихся финансового механизма функционирования образовательных учреждений при переходе к рыночной экономике. Базой будут являться и введение единого порядка лицензирования, аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений.

Ключевым звеном в вопросе о разграничении государственной, общедоступной, системы и параллельной, частной, станет готовящийся Закон о приватизации образовательных учреждений.

Я думаю, в ближайшее время в налоговое законодательство будет внесено предложение о существовании образовательных учреждений или отдельных подразделений в виде некоммерческих организаций или учреждений. Будет введено также льготное налогообложение коммерческой, в том числе и валютной, деятельности учреждений образования. Единственное условие — такая деятельность должна быть направлена на оказание образовательных и научных услуг. Эти же льготы коснутся тех, кто будет направлять финансовые и материальные средства на развитие образования.

Действенным фактором образования общедоступной образовательной системы станут закрепление объектов собственности, в том числе и земли, за образовательными учреждениями.

Исходя из решений правительства будет обеспечено финансирование неотложных мероприятий программы "Дети России", а также установлены дотации на питание учащихся образовательных учреждений.

Чтобы перейти на нормативное финансирование, в ближайшее время необходимо утвердить вре-

менным стандарт образования. Он основывается на базисных учебных планах и программах и предусматривает возможность совмещения федерального и муниципальных бюджетов для нужд учреждений образования.

Чтобы система образования могла нормально работать, будут выделены бюджетные средства на капитальный ремонт зданий. Целевые вложения в размере 860 миллионов рублей пойдут на закупку оргтехники, учебников, на оперативные издания учебников в форме газетных приложений. Мы надеемся наконец решить вопрос обеспечения школ учебниками и другой литературой.

Будет введен и "натуральный" налог на издательства и полиграфические предприятия. От общего объема их продукции ученики должны будут составлять 2-3 процента.

В рамках реформы образования будет проведено целевое финансирование разработки и содержания гуманитарного образования, подготовки и переподготовки учителей гуманитарного профиля, будет проведено финансирование педагогических и научно-методических журналов.

Сознательно не говорю о мерах по социальной защите учителей. Достаточно широко известны результаты нашей последней, расширенной коллегии, о которых я рассказывал в прошлом номере "ПС". Добавлю к сказанному, что, кроме резкого, но дифференцированного увеличения заработной платы, начиная с 1 января будущего года будет проводиться ежеквартальная индексация ставок заработной платы и должностных окладов. Будут выделены средства на строительство жилья для социальной защиты учителей.

Ежемесячно им будут компенсироваться (в размере 10 процентов от оклада или заработной платы) расходы на книги и периодические издания — в соответствии с законом РФ "Об образовании".

Министерство образования организует на базе своих учебных заведений профессиональную подготовку и переподготовку незанятых или высвобождаемого населения, в том числе демобилизованных солдат и офицеров. Это существенный вклад в борьбу с ожидаемой безработицей.

человека второго сорта. Кто из него вырастет?

ЛЕНА. По-моему, мы все тут чего-то не договариваем. Не кажется ли вам, что размежевание детей по внешним признакам — это всего лишь следствие тех отношений, которые сложились у нас, взрослых? Разве не мы всю жизнь сокрушались, что у соседа больше на целую козу, на подмастерья или четверть дачи? Вместо того, чтобы сосредоточиться на себе, поставить перед собой конкретную задачу (что я должен сделать, чтобы жить лучше), мы бездарно тратим время и энергию на обличение всех и вся: соседа, директора завода, депутата, правительства.

И не надо о детях плохо. Да, вобщем, но разве лучше ходить в обшарканной одежде? Но это возрастное. Недавно услышала разговор двух старшекласников и, честно говоря, обрадовалась. "А ты знаешь", — делится один, — Петя устроился после школы не может устроиться на работу". Чему обрадовалась? Да тому, что наконец это стало их удивлять и тревожить. И они уже сегодня думают о том, как не оказаться в положении Петки.

Я понимаю, безработица молодежи — социально опасный фактор. Но это еще и катализатор развития общества. Молодежь мобильна, не отягощена грузом прошлых лет, быстрее переориентируется в трудной ситуации. Поэтому я приветствую мальчишек, которые не сидят на папиной и мамини шее, а идут мыть машины, продавая газет, бензин или пиво.

— Последние примеры, наверное, не очень удачны. Ребяташки-то, по бытующему мнению, откровенно спекулируют...

человека второго сорта. Кто из него вырастет?

ЛЕНА. Когда мне говорят о спекуляции, о том, что кто-то на ней зарабатывает, я вобщем не понимаю. Мои дети приходят из школы и говорят: "Папа, нам кажется, что наши учителя должны получать больше". Такие вот заявления в восемь-девять лет.

Поэтому я делаю все, чтобы мои дети и тем, кто с ними учится, школа действительно могла что-то дать, чтобы ученики шли в хорошо оформленный класс, а учителя думали не о том, как бы подзаработать, но что бы еще такое организовать для детей, для их нормальной

человека второго сорта. Кто из него вырастет?

ЛЕНА. Когда мне говорят о спекуляции, о том, что кто-то на ней зарабатывает, я вобщем не понимаю. Мои дети приходят из школы и говорят: "Папа, нам кажется, что наши учителя должны получать больше". Такие вот заявления в восемь-девять лет.

Поэтому я делаю все, чтобы мои дети и тем, кто с ними учится, школа действительно могла что-то дать, чтобы ученики шли в хорошо оформленный класс, а учителя думали не о том, как бы подзаработать, но что бы еще такое организовать для детей, для их нормальной

ВСТРЕЧА С МИНИСТРОМ

Выход из штормовой полосы

Э. Днепров об антикризисной программе

Сегодня образование, как и все общество, находится в штормовой полосе кризиса. В такое время не имеет четкого представления человек, что делать, как с минимальными потерями выбраться из шторма, просто опасно.

Министерство образования создало программу неотложных мер: как спасти образовательную сеть и обеспечить общедоступность образования.

В эпоху перехода к рынку образование не может в одиночку, без помощи государства бороться со стихийной инфляцией. Поэтому программа базируется на решениях правительства, касающихся финансового механизма функционирования образовательных учреждений при переходе к рыночной экономике. Базой будут являться и введение единого порядка лицензирования, аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений.

Ключевым звеном в вопросе о разграничении государственной, общедоступной, системы и параллельной, частной, станет готовящийся Закон о приватизации образовательных учреждений.

Я думаю, в ближайшее время в налоговое законодательство будет внесено предложение о существовании образовательных учреждений или отдельных подразделений в виде некоммерческих организаций или учреждений. Будет введено также льготное налогообложение коммерческой, в том числе и валютной, деятельности учреждений образования. Единственное условие — такая деятельность должна быть направлена на оказание образовательных и научных услуг. Эти же льготы коснутся тех, кто будет направлять финансовые и материальные средства на развитие образования.

Действенным фактором образования общедоступной образовательной системы станут закрепление объектов собственности, в том числе и земли, за образовательными учреждениями.

Исходя из решений правительства будет обеспечено финансирование неотложных мероприятий программы "Дети России", а также установлены дотации на питание учащихся образовательных учреждений.

Чтобы перейти на нормативное финансирование, в ближайшее время необходимо утвердить вре-

менным стандарт образования. Он основывается на базисных учебных планах и программах и предусматривает возможность совмещения федерального и муниципальных бюджетов для нужд учреждений образования.

Чтобы система образования могла нормально работать, будут выделены бюджетные средства на капитальный ремонт зданий. Целевые вложения в размере 860 миллионов рублей пойдут на закупку оргтехники, учебников, на оперативные издания учебников в форме газетных приложений. Мы надеемся наконец решить вопрос обеспечения школ учебниками и другой литературой.

Будет введен и "натуральный" налог на издательства и полиграфические предприятия. От общего объема их продукции ученики должны будут составлять 2-3 процента.

В рамках реформы образования будет проведено целевое финансирование разработки и содержания гуманитарного образования, подготовки и переподготовки учителей гуманитарного профиля, будет проведено финансирование педагогических и научно-методических журналов.

Сознательно не говорю о мерах по социальной защите учителей. Достаточно широко известны результаты нашей последней, расширенной коллегии, о которых я рассказывал в прошлом номере "ПС". Добавлю к сказанному, что, кроме резкого, но дифференцированного увеличения заработной платы, начиная с 1 января будущего года будет проводиться ежеквартальная индексация ставок заработной платы и должностных окладов. Будут выделены средства на строительство жилья для социальной защиты учителей.

Ежемесячно им будут компенсироваться (в размере 10 процентов от оклада или заработной платы) расходы на книги и периодические издания — в соответствии с законом РФ "Об образовании".

Министерство образования организует на базе своих учебных заведений профессиональную подготовку и переподготовку незанятых или высвобождаемого населения, в том числе демобилизованных солдат и офицеров. Это существенный вклад в борьбу с ожидаемой безработицей.

важнейшим образом, как и все общество, находится в штормовой полосе кризиса. В такое время не имеет четкого представления человек, что делать, как с минимальными потерями выбраться из шторма, просто опасно.

Министерство образования создало программу неотложных мер: как спасти образовательную сеть и обеспечить общедоступность образования.

В эпоху перехода к рынку образование не может в одиночку, без помощи государства бороться со стихийной инфляцией. Поэтому программа базируется на решениях правительства, касающихся финансового механизма функционирования образовательных учреждений при переходе к рыночной экономике. Базой будут являться и введение единого порядка лицензирования, аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений.

Ключевым звеном в вопросе о разграничении государственной, общедоступной, системы и параллельной, частной, станет готовящийся Закон о приватизации образовательных учреждений.

Я думаю, в ближайшее время в налоговое законодательство будет внесено предложение о существовании образовательных учреждений или отдельных подразделений в виде некоммерческих организаций или учреждений. Будет введено также льготное налогообложение коммерческой, в том числе и валютной, деятельности учреждений образования. Единственное условие — такая деятельность должна быть направлена на оказание образовательных и научных услуг. Эти же льготы коснутся тех, кто будет направлять финансовые и материальные средства на развитие образования.

Действенным фактором образования общедоступной образовательной системы станут закрепление объектов собственности, в том числе и земли, за образовательными учреждениями.

Исходя из решений правительства будет обеспечено финансирование неотложных мероприятий программы "Дети России", а также установлены дотации на питание учащихся образовательных учреждений.

Чтобы перейти на нормативное финансирование, в ближайшее время необходимо утвердить вре-

человека второго сорта. Кто из него вырастет?

ЛЕНА. Когда мне говорят о спекуляции, о том, что кто-то на ней зарабатывает, я вобщем не понимаю. Мои дети приходят из школы и говорят: "Папа, нам кажется, что наши учителя должны получать больше". Такие вот заявления в восемь-девять лет.

Поэтому я делаю все, чтобы мои дети и тем, кто с ними учится, школа действительно могла что-то дать, чтобы ученики шли в хорошо оформленный класс, а учителя думали не о том, как бы подзаработать, но что бы еще такое организовать для детей, для их нормальной

человека второго сорта. Кто из него вырастет?

ЛЕНА. Когда мне говорят о спекуляции, о том, что кто-то на ней зарабатывает, я вобщем не понимаю. Мои дети приходят из школы и говорят: "Папа, нам кажется, что наши учителя должны получать больше". Такие вот заявления в восемь-девять лет.

Поэтому я делаю все, чтобы мои дети и тем, кто с ними учится, школа действительно могла что-то дать, чтобы ученики шли в хорошо оформленный класс, а учителя думали не о том, как бы подзаработать, но что бы еще такое организовать для детей, для их нормальной

человека второго сорта. Кто из него вырастет?

ЛЕНА. Когда мне говорят о спекуляции, о том, что кто-то на ней зарабатывает, я вобщем не понимаю. Мои дети приходят из школы и говорят: "Папа, нам кажется, что наши учителя должны получать больше". Такие вот заявления в восемь-девять лет.

Поэтому я делаю все, чтобы мои дети и тем, кто с ними учится, школа действительно могла что-то дать, чтобы ученики шли в хорошо оформленный класс, а учителя думали не о том, как бы подзаработать, но что бы еще такое организовать для детей, для их нормальной

человека второго сорта. Кто из него вырастет?

ЛЕНА. Когда мне говорят о спекуляции, о том, что кто-то на ней зарабатывает, я вобщем не понимаю. Мои дети приходят из школы и говорят: "Папа, нам кажется, что наши учителя должны получать больше". Такие вот заявления в восемь-девять лет.

Поэтому я делаю все, чтобы мои дети и тем, кто с ними учится, школа действительно могла что-то дать, чтобы ученики шли в хорошо оформленный класс, а учителя думали не о том, как бы подзаработать, но что бы еще такое организовать для детей, для их нормальной

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Ошибки и плохие отметки ученика не должны влиять на ваше отношение к нему. Человеческие качества не укладываются в пятибалльную систему оценок.

Их первое сентября

№21

19 ноября 1992 г., четверг

Давайте все будем господами. И все будем вести себя по чести

СТЕНОГРАММА № 20

Из дома отдыха

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Осень швыряла под ноги охапки желто-малиновых листьев, то и дело принималась моросить пересыпанный снежной крупкой дождик, до костей пронизывал ветер. Пруд, еще недавно уютный и тихий, пугал свирипой холодностью тяжелых волн. Что за отдых..., на природе... в такую погоду! А вот найдешь же энтузиастов, пожелавших провести уик-энд в загородном доме отдыха... После ужина кто-то пошел в кино, кто-то — на дискотеку, а несколько человек собрались в холле у телевизора. Познакомьтесь: Ольга Сергеевна и Юрий Иванович ШУХОВЫ, Юлия Иосифовна и Александр Андреевич ЕГОРОВЫ. И дочь их — Катя. А по телевизору ничего интересного не показывали...

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ (покрутив все программы). Везде — сплошные психоделики! Собирались люди у камеры и говорят, говорят, совершенно не думая о зрителях: интересно им или нет. Лучше бы в кино пошла!

ЮЛИЯ ИОСИФОВНА. А что смотреть? Тебе интересен фильм под названием „Жизнь смерти“? А завтра будут показывать „Кровавую муть“ — утром, а вечером тоже что-то с кровью в названии. Нет уж, увольте!

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я бы парочку очередных серий про Марианну и Луиса Альберто посмотрела! Ну и что, что мыльная опера, что сюжет никакой критики не выдерживает? Я вам больше скажу: все они, эти плачущие богачи, люди довольно гадкие. Все друг друга обманывают на протяжении всего фильма, а больше всех душачка Марианна, все жестоко по отношению друг к другу и так далее. Их логика ни в какие рамки не укладывается, а глупость той же главной героини, не говоря о ее супруге, просто недоуменные вызывает. А я все-таки с удовольствием смотрю! Потому что в этом фильме никто не кричит, не стучит, не стреляет, не грохочет. Никто грубыми словами друг друга не обзывает, на бранит. А какие все красивые, нарядные! Я смотрю фильм и наслаждаюсь покоем, тишиной и простотой их проблем, поскольку сама давно устала от собственных неразрешимых. Поймите, я сажусь к экрану, чтобы отдохнуть, разрядиться. А „Богатые“ мне в этом помогают. И спасибо им за это.

КАТЯ. Наверное, каждый человек, по крайней мере раз в кино, пугается, когда на него вдруг с экрана наседает танк или поед. Ох, как я испугалась в первый раз! Визжала на весь зал! Тогда я была маленькая. Сейчас большая, но все равно цепенею под дулом направленного на меня с экрана пистолета и каждый раз умираю вместе с героиней. Ну, не могу к этому привыкнуть! И не хочу этого видеть. Но только это и показывают. Даже мультики стали какие-то злые.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Жизнь вокруг небойкая, и фильмы такие же. Войниственная какая-то небойкота... Мне, мол, плохо, так пусть тебе еще хуже станет! Ожесточение души раздается, а обычное бытовое хамство укорачивает и без того недлинную жизнь.

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ. Раньше люди держались в каких-то рамках. Лишнего себе не позволяли. А теперь, извините, словно с цепи все сорвались. Я вчера зашел в магазин. Там у нас в бакалейном отделе две молоденькие и внешне премиленькие девушки. Но если бы не крайняя необходимость, я бы этот магазин за квартал обходил. Из-за этих красоток. Они ненавидят каждого покупателя! И кажлого, особенно того, кто послабее и не может за

явлением. И ничего с этим не поделаешь.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Люди даже на добро стали злом отвечать. Я как-то посочувствовала молодой женщине с тяжелой поклажей, которая никак не могла в троллейбус втиснуться. „Что ж вы себя не жалейте, такие тяжести таскаете, давайте я вам помогу!“ Она как рыкнет: „Не твоё собацье дело! Пошла со своей помощью туда-то и туда-то“. Я понимаю: она устала, но на мне-то зачем отыгрываться? А мне что делать? На ком-то следующем свою обиду сорвать? И пусть себе катится этот злобный ком дальше и давит всех подряд?

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ. Прислушайтесь, как знакомые люди между собой общаются: „Женщина, вы что стали, как столб!“ „Мужик, бундеш выйдите или тебя вынести?“

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ. А на работе? Какой-то мелкий служащий, какая-нибудь девчонка-машинистка... Очень они это умеют: поимыз

ЮЛИЯ ИОСИФОВНА. Но ведь хорошо, что ни говори, тоже имеет свойство рождаться добро. И главное, так нетрудно его иной раз слепить! Можно вообще человека пустяком осчастливить. Я вся под впечатлением одной истории. Стояла в очереди за виноградом. Виноград кончается, очередь нервничает, пошла продащица устала, порывается на нас. И вдруг подползти нищенски одетый... Ну как бы поточнее сказать? В общем, больной паренек, debil или олигофрен, я не разбираюсь. Подползти к продащице и, улыбаясь, протягивает ей рубль. А на эту сумму, сами знаете, что теперь купишь. Продащица уже рот пошире распахнула, готовясь с парнем „побеседовать“, но глаза подняла и увидела эту просыплю улыбку и это лицо. Молча взяла рубль, парень мгновенно руки ковшиком сложил и к ней протянул. Она выбрала гроздь получше и в этот ковшик положила. Он отошел на шаг и стал губами из ладошек ягодки вылавливать. И такая радость, такое блаженство были у него на лице! Знаете, вокруг словно посветлело от этой маленькой радости. Никто слова не сказал, не стал возмущаться: мол, без очереди, и виноград кончается, наоборот, вроде и плечи у людей распрямились, и заулыбались как-то смущенно, и продащица, смеясь, подобрела, улыбнулась, пошутила.

КАТЯ. Когда со мной вежливо разговаривают, мне кажется, что я что-то неожиданно делала какое-нибудь добро... Ну, например, врач в поликлинике ласково говорит, или приятельница в химчисте, или кассирша в булочной — я даже терплю. Но мне почему-то все грубит. Лишь у меня, что ли, такое?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я недавно наблюдала в автобусе сценку.

КАТЯ. Когда со мной вежливо разговаривают, мне кажется, что я что-то неожиданно делала какое-нибудь добро... Ну, например, врач в поликлинике ласково говорит, или приятельница в химчисте, или кассирша в булочной — я даже терплю. Но мне почему-то все грубит. Лишь у меня, что ли, такое?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я недавно наблюдала в автобусе сценку.

КАТЯ. А он и в три года знает, что он человек, а не поросенок. И если по аналогии, то тогда тебе, папочка, надо называть „не слишком молодой человек“. Представляешь, на улице к тебе обращаются: „Не слишком молодой человек, как пройти на такую-то улицу?“. Тебе бы понравилось? А ты в ответ: „Очень молодой человек, идите прямо, потом направо...“ Бред какой-то!

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Катюша, а как же тогда быть? Не гражданским же знакомым человека называть? И не товарищем. Представь себе: „товарищ мальчик“ или „товарищ девочка“. Еще хуже получается, чем просто „мальчик“ или „девочка“. Как же тогда вас называть?

КАТЯ. Вы взрослые — и не можете придумать. А хотите, чтобы я раз — и все решила. Я не знаю как!

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Катя, конечно, права. От того, как к тебе относятся, во многом зависит твоё настроение. Я как-то стояла в очереди у газетного киоска, на улице дождь лил, я скорчилась в своем плаще, голову низко опустила, чтоб в капюшон вода не заливалась. За мной мужчина встал, спрашивает: „Бабушка, вы последняя?“ Кошмар. Я чуть в обморок не хлопнулась! А в парикмахерской мастер приглашает: „Дамы, проходите, пожалуйста“, я так себя и почувствовала — дамкой. И все же эти „мамалы“, „мадемуазель“, „сударыня“ и „сударыня“ — заманчивые слова, если не из-за границы, то из далекого прошлого. Может, и получится что-то

ЮЛИЯ ИОСИФОВНА. Моя племянница работает врачом-стоматологом. Ее обхватят в том же магазине или в транспорте, она на работу приходит людям зубы лечить, а руки трясутся. А если на ее месте окажется хирург, например, или какой-нибудь микрохирург? Одно его неверное движение может кому-то жизнь стоить. А учитель или воспитательница детского сада?

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ. Не видим мы себя со стороны. Но ведь это наши мраморные физиономии с чужих лиц на нас глядят: словно в зеркале друг в друге отражаются. Дурное настроение — вещь заразительная.

ЮЛИЯ ИОСИФОВНА. Моя племянница работает врачом-стоматологом. Ее обхватят в том же магазине или в транспорте, она на работу приходит людям зубы лечить, а руки трясутся. А если на ее месте окажется хирург, например, или какой-нибудь микрохирург? Одно его неверное движение может кому-то жизнь стоить. А учитель или воспитательница детского сада?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я несколько лет назад видела по телевизору интересный эксперимент. Воспитательница помогает ребенку что-то там собирать из конструктора. Даже не помогает, а просто присутствует при этом и что-то подсказывает или комментирует. Причем очень доброжелательно, с шутками, с улыбкой. Малыш ей в ответ тоже улыбается и довольно быстро выполняет предложенную работу. После этого — маленький перевертыш, и все повторяется. Но только теперь у воспитательницы каменное лицо, а комментарий и подсказки — грубые, сквозь зубы. И что же вы думаете? У ребенка ничего не получается, хотя он очень старается. А потом показали ребенка на улице, уже после окончания эксперимента. Сидели в скрытой камерой. Дети веселятся, играют, а этот стоит в стороне. И у него лицо глубоко несчастного человека.

ЮЛИЯ ИОСИФОВНА. Жестокость эксперимента! Ребенка очень жаль.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Вы правы. Но в жизни такие „эксперименты“ с утра до вечера происходят там и тут! И этого никто не замечает, невидимые миру ребячьи слезы никто не замечает. И никто не говорит, что это жестоко. Никто не снимает, как переживает, переживает ребенок обиду. А если обиды постоянны, если наславляются одна на другую — к чему хорошему это может привести?

КАТЯ. Между прочим, вам, взрослым, не нравится, когда к вам обращаются „женщина“, „мужчина“... А детям, думаете, приятно, когда их окликают: „мальчик!“, „девочка!“. И если для взрослых существуют какие-то варианты, пусть даже смешные или немощно церемонные, книжные — мамалы, там, сударыня, господами, то о том, как уважительно обращаться к детям,

Невидимые миру ребячьи слезы не замечает никто.

Вошли контролеры и поймали зайца — молодую женщину. Она так растерялась! Ничего сказать не может, разжимает кулачок, а в нем непрокомпроментированный билетик. Ее стыдит, мол, что же вы, рубль с конкомити решили? Она объясняет, что народа полно, не смогла к комбопостеру пройти. Так что же вы не передали билет? Она говорит: „Я боялась просить. У всех такие неприветливые лица!“ Откуда это непростое существо в переполненный автобус свалилось? Обычно такие за бортом остаются, потому что не умеют локтями работать. Смотрю на нее во все глаза, и вдруг словно ток меня ударило. Я ведь рядом с ней стояла, и мое лицо, выходящее было такое — не знаю, как это было — няжка боялась? То помоги попроси! А я вроде никому зла не делала. Откуда же на моем лице такая пена?

КАТЯ. Я не знаю как! ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Катя, конечно, права. От того, как к тебе относятся, во многом зависит твоё настроение. Я как-то стояла в очереди у газетного киоска, на улице дождь лил, я скорчилась в своем плаще, голову низко опустила, чтоб в капюшон вода не заливалась. За мной мужчина встал, спрашивает: „Бабушка, вы последняя?“ Кошмар. Я чуть в обморок не хлопнулась! А в парикмахерской мастер приглашает: „Дамы, проходите, пожалуйста“, я так себя и почувствовала — дамкой. И все же эти „мамалы“, „мадемуазель“, „сударыня“ и „сударыня“ — заманчивые слова, если не из-за границы, то из далекого прошлого. Может, и получится что-то

ЮЛИЯ ИОСИФОВНА. Жестокость эксперимента! Ребенка очень жаль.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Вы правы. Но в жизни такие „эксперименты“ с утра до вечера происходят там и тут! И этого никто не замечает, невидимые миру ребячьи слезы никто не замечает. И никто не говорит, что это жестоко. Никто не снимает, как переживает, переживает ребенок обиду. А если обиды постоянны, если наславляются одна на другую — к чему хорошему это может привести?

КАТЯ. Между прочим, вам, взрослым, не нравится, когда к вам обращаются „женщина“, „мужчина“... А детям, думаете, приятно, когда их окликают: „мальчик!“, „девочка!“. И если для взрослых существуют какие-то варианты, пусть даже смешные или немощно церемонные, книжные — мамалы, там, сударыня, господами, то о том, как уважительно обращаться к детям,

МНЕНИЯ ТАК БУДЕТ ЛИ ВСЕ-ТАКИ КОНЕЦ СВЕТА?

Назначенный на 28 октября конец света не состоялся. А ведь, по предсказаниям японских астрологов, тот день должен был стать последним для Земли. Нечкий астролог Тутатис замерзев — пишу не без дрожи — превратил нашу планету в пыль. Наверное, что-то у тутатиса не получилось...

А для осмысления всего этого очень подходят данные опроса, полученные Всероссийским центром по изучению общественного мнения. Центр спрашивал у наших замеченных бытом сограждан: „Доверяете ли вы предсказаниям астрологов?“ Причем спрашивал в течение года, аккуратно раз в квартал, и получил результат. Конечно, доверяют! Но не более трети россиян: 33 процента в январе, 29 процентов в апреле и 28 процентов в июле. Вырисовывается неприятная для рейтинга астрологов кривая.

Небезынтересен тот факт, что

от 32 до 43 процентов наших соотечественников (в зависимости от времени года) не доверяют астрологам и наверняка будут сильно обижены на пришедший 28 октября собою. Впрочем, для поддержания духа астрологов повторим недавнее сообщение агентства Рейтер о том, что конец света не отменен, а только перенесен. На 14 августа 2116 года. Мне же остается надеяться, что в 2116 году найдутся те, кто опросит россиян об их отношении к астрологии и той самой комете, которая должна покончить с человечеством.

В качестве оптимистического довода сообщая, что до срока процентов россиян летом этого года на вопрос „Доверяете ли вы предсказаниям астрологов?“ ответят затруднительно. Это — выживут наверняка.

А. ТОЛСТЫХ (ВЦИОМ)

Такой вроде пустяк...

А что произошло? Ровным счетом стало хорошо, и все этому рады, потому что не помешали, не погасили эту радость.

КАТЯ. Я недавно в газете читала про одну москвичку, которая уехала в Америку и там устроилась работать „леди Шампунь“. Так называют девушек, которые в парикмахерских моют клиенткам головы. Эта „леди“ по неопытности окатила свою первую клиентку от макушки до пяток. Ну и, понятно, зажурилась в ожидании справедливого гнева, с работой своей уже мысленно простилась. И вдруг услышала... хохот. Смеялись все, но громче всех — клиентка и хозяйня парикмахерской. Нахохотавшись, мокрая клиентка переселась в специальную комнату в казенный калитник и, оставив там одежду сушиться, как ни в чем не бывало снова вернулась к незадачливой „леди“. А представьте, что у нас было бы!

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ. У японцев принято улыбаться, рассказывая о своих горестях, чтобы не огорчать собеседника. А мы, когда нам плохо, готовы всем вокруг жизнь отравить!

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ. Да, не в чести у нас воспитанность, интеллигентность. Молодежь особенно груба. Я-то воспитан так, что даже за оплеуху спасибо скажу, просто машинально, автоматически. Катюша так же воспитывали. Она даже ругается вежливо. А ведь она в классе — белая ворона. Чужацкой слышет.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я несколько лет назад видела по телевизору интересный эксперимент. Воспитательница помогает ребенку что-то там собирать из конструктора. Даже не помогает, а просто присутствует при этом и что-то подсказывает или комментирует. Причем очень доброжелательно, с шутками, с улыбкой. Малыш ей в ответ тоже улыбается и довольно быстро выполняет предложенную работу. После этого — маленький перевертыш, и все повторяется. Но только теперь у воспитательницы каменное лицо, а комментарий и подсказки — грубые, сквозь зубы. И что же вы думаете? У ребенка ничего не получается, хотя он очень старается. А потом показали ребенка на улице, уже после окончания эксперимента. Сидели в скрытой камерой. Дети веселятся, играют, а этот стоит в стороне. И у него лицо глубоко несчастного человека.

ЮЛИЯ ИОСИФОВНА. Жестокость эксперимента! Ребенка очень жаль.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Вы правы. Но в жизни такие „эксперименты“ с утра до вечера происходят там и тут! И этого никто не замечает, невидимые миру ребячьи слезы никто не замечает. И никто не говорит, что это жестоко. Никто не снимает, как переживает, переживает ребенок обиду. А если обиды постоянны, если наславляются одна на другую — к чему хорошему это может привести?

КАТЯ. Между прочим, вам, взрослым, не нравится, когда к вам обращаются „женщина“, „мужчина“... А детям, думаете, приятно, когда их окликают: „мальчик!“, „девочка!“. И если для взрослых существуют какие-то варианты, пусть даже смешные или немощно церемонные, книжные — мамалы, там, сударыня, господами, то о том, как уважительно обращаться к детям,

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ. Не видим мы себя со стороны. Но ведь это наши мраморные физиономии с чужих лиц на нас глядят: словно в зеркале друг в друге отражаются. Дурное настроение — вещь заразительная.

ЮЛИЯ ИОСИФОВНА. Моя племянница работает врачом-стоматологом. Ее обхватят в том же магазине или в транспорте, она на работу приходит людям зубы лечить, а руки трясутся. А если на ее месте окажется хирург, например, или какой-нибудь микрохирург? Одно его неверное движение может кому-то жизнь стоить. А учитель или воспитательница детского сада?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я несколько лет назад видела по телевизору интересный эксперимент. Воспитательница помогает ребенку что-то там собирать из конструктора. Даже не помогает, а просто присутствует при этом и что-то подсказывает или комментирует. Причем очень доброжелательно, с шутками, с улыбкой. Малыш ей в ответ тоже улыбается и довольно быстро выполняет предложенную работу. После этого — маленький перевертыш, и все повторяется. Но только теперь у воспитательницы каменное лицо, а комментарий и подсказки — грубые, сквозь зубы. И что же вы думаете? У ребенка ничего не получается, хотя он очень старается. А потом показали ребенка на улице, уже после окончания эксперимента. Сидели в скрытой камерой. Дети веселятся, играют, а этот стоит в стороне. И у него лицо глубоко несчастного человека.

ЮЛИЯ ИОСИФОВНА. Жестокость эксперимента! Ребенка очень жаль.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Вы правы. Но в жизни такие „эксперименты“ с утра до вечера происходят там и тут! И этого никто не замечает, невидимые миру ребячьи слезы никто не замечает. И никто не говорит, что это жестоко. Никто не снимает, как переживает, переживает ребенок обиду. А если обиды постоянны, если наславляются одна на другую — к чему хорошему это может привести?

КАТЯ. Между прочим, вам, взрослым, не нравится, когда к вам обращаются „женщина“, „мужчина“... А детям, думаете, приятно, когда их окликают: „мальчик!“, „девочка!“. И если для взрослых существуют какие-то варианты, пусть даже смешные или немощно церемонные, книжные — мамалы, там, сударыня, господами, то о том, как уважительно обращаться к детям,

Вы блестящий учитель.
у вас прекрасные ученики.

Временами, когда совсем уж тоскливо, хочется снять трубку, набрать номер и сказать человеку на другом конце провода: „Егор Тимурч, мне плохо“. Так и видится: выпрямившись, глухим от ответственности голосом он отвечает: „Понял. Даю команду“.

Не будет этого. Никогда. В самой распрекрасной Америке-Европе гражданин живет по принципу: на государство надейся, а сам не плошай. Ему, государству, может, и хотелось бы сделать счастливыми всех сразу. Но вряд ли выполнима эта задача.

Попытаться начать построение собственного счастья? Невзирая на общеэкономические трудности — они для правительства. Ощущение того, что тебя понижают, тебе сопереживают, не зависит от курса рубля и доллара. Удовлетворение от сделанной вещи не разрушить прогнозами Международного валютного фонда.

Не надо ожидать помощи от государства. Пусть то хорошее, что оно делает, будет для нас приятной неожиданностью.

Остальное сможем сделать сами.

А не сможем — попросим помощи у соседей по лестничной площадке.

Если обиды постоянны, если наславляются одна на другую — к чему хорошему это может привести?

нико, а уж манера обращения потом поводится.

ЮЛИЯ ИОСИФОВНА. А может быть, наоборот? Может, если мы будем называть ее по-другому, она и станет другой? Такой, на которую никто не посмеет шпалу звалить! Ольга Сергеевна только что сказала, права. От того, как к тебе относятся, во многом зависит твоё настроение. Я как-то стояла в очереди у газетного киоска, на улице дождь лил, я скорчилась в своем плаще, голову низко опустила, чтоб в капюшон вода не заливалась. За мной мужчина встал, спрашивает: „Бабушка, вы последняя?“ Кошмар. Я чуть в обморок не хлопнулась! А в парикмахерской мастер приглашает: „Дамы, проходите, пожалуйста“, я так себя и почувствовала — дамкой. И все же эти „мамалы“, „мадемуазель“, „сударыня“ и „сударыня“ — заманчивые слова, если не из-за границы, то из далекого прошлого. Может, и получится что-то

Стенографировала
Р. ФИРСТОВА

ПРИКЛАД У ДЕТСКОГО ПЛЕЧА

Осетия. Фото капитана второго ранга Г. ДИАНОВА. Таджикистан, Армения, Азербайджан, Афганистан, Грузия, Осетия — адреса материков и снимков 1-й и 3-й полосы. Вооруженное насилие становится частью нашей жизни, окружает нас. Что может ему противостоять?

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Бывают ситуации, когда выходишь из себя — учитель тоже живой человек. Дайте детям возможность понять, что вам больно.

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

СЕНСАЦИЯ?

Можно ли получить достойное образование без выдающихся родителей, без учителей и даже без способностей?

Ответ на этот вопрос вы найдете в сенсационной работе, которую мы начинаем печатать в одном из ближайших номеров. Спрашивайте в киосках «Первое сентября»!

Первое сентября

№22

21 ноября 1992 г., суббота

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Жизнь после школы кажется ложной. А где же истинная? Как ее найти?

СТЕНОГРАММА № 21 Со встречи одноклассников

Кого позвать на эту встречу? Тех четверых, кому дозволимся с первого раза, решили мы, придумав тему беседы.
У нас был очень разный, интересный класс. Где мы — бывший 10-й «Б» — учились сейчас? Экономический и юридический факультеты МГУ, институт иностранных языков, архитектурный, медийский, историко-архивный, педагогический институты.
Одни из предыдущих разговоров был с нашими учителями. Сегодня — с бывшими одноклассниками.

ОКСАНА. Про что человек чаще всего говорит? Про то, что у него болит.
УЛЯ. Ладно, что болит у тебя?
ОКСАНА. Почти последнее время. Я вот пытаюсь у всех выяснить, где это находится.
КАТЯ. Ну хорошо, а проблемы-то у тебя какие?
ОКСАНА. Меня интересует не просто педагогика... Сейчас я начинаю понимать, что нужно для работы с аномальными детьми. А раньше просто не знала, куда идти.

УЛЯ. А ты, Катя, с кем сидела?
КАТЯ. С Юлей Дмитриевой за первой партой.
ОЛЯ. Это хрестоматийный случай. Как Катя и Юля писали самостоятельную. Катя — она просто не писала самостоятельных работ. Зачем писать, когда все равно ничего не знаешь. Она сидела и читала записку под парту «Юность». А у Юли уже пар из ушей... Тут Катя возьми и спроси: «Юль, а ты хотела бы летать как птица?» Легкая судорога спела Юле лицо, и она сказала: «Я тебе потом расскажу, как бы мне хотелось летать и в каком направлении».

ОКСАНА. В принципе мне школа в одну комнату, кучковались, иногда они перемешивались, болтали, смеялись.
СВЕТА. А мы с Улейкой на физике иногда посматривали вместе. На самой последней парте, и даже разговаривали изредка.
ОЛЯ. Я не знаю, как вам это удавалось. И о чем можно было говорить при Елене Петровне, только предсмертные стоны.
УЛЯ. Из каких побуждений Елена Петровна вот это делала?
ОЛЯ. Она просто смеялась над нами.
ОКСАНА. На самом деле я школу с ужасом вспоминаю.
ОЛЯ. Так вспоминают те, кто учился, а вот кто бездельничал, тот хорошо вспоминает.
УЛЯ. Раньше я удивлялась, когда кто-то говорил: «Ах, школьные годы, школьные годы!» А теперь думаю, лет через десять сама так скажу...

УЛЯ. Свет, а ты можешь сказать, что тебя роды внутренне изменили?
СВЕТА. Ну, ты знаешь, что родишь... Что-то неприятно, что-то больно, все это так. Но вот с психикой происходит непонятное. Не то чтобы я за ребенка боялась, а вообще психованная какая-то была, дерганая.
ОЛЯ. Моя мама говорит, что дети не рожают. Что ребенок — это прекрасно всегда.
СВЕТА. Об этом могут судить только те, у кого есть дети. Какая я

СВЕТА. Когда я шестой класс закончила, я попробовала работать воспитателем детского сада. У мамы была подружка, заведующая. И мы поехали на дачу с детским садом. И в группе был такой ребенок, у него папа алкоголик. Так не скажешь, что он глупый, идиот, а смотришь — он делает специально гадости. И было приятно, что бесполезно говорить что-то, пугать, ему это все равно...
ОКСАНА. Но надо понять, почему он так делает. Он же не виноват, и поэтому его жалко, в общем...
ОЛЯ. А вы могли бы уехать оттуда, из страны? Насо всем уехать?
СВЕТА. Не знаю... Есть же невидимые связи, мировоззрение, привички.
ОКСАНА. Мне кажется, у нас еще такое шаткое мировоззрение.
ОЛЯ. Неправда.
СВЕТА. Оно не шаткое, Оксан, оно изменчивое.
ОКСАНА. Его еще можно как-то переменить в другой обстановке.
СВЕТА. У меня не чувство родины, а чувство дома. Когда куда-нибудь уезжаю, хочется домой вернуться.

АЛЕША. То, что тревожило в школе, уже сейчас не тревожит абсолютно. В школе я был кому-то нужен, тем же учителями, которые меня тянули за уши. А теперь я сам себе только нужен. Родители настаивали на институте, я туда поступил, ладно... Но все равно я

УЛЯ. Нет, нет, он одинок. Он одинок не оттого, что ему не помогут, одинок, потому что в конечном счете все решает сам.
ОЛЯ. Я недавно слышала, как сказала: «Дайте мне одиночества, но не оставляйте меня одного».
УЛЯ. Дайте мне лучше печеня.

Если случится что-то плохое, я всегда смогу сказать себе: „У меня есть ребенок, которого я люблю“.

Пожалуй, после школы мы ничему новому не научились.

но там заведующая... А с сентября я пошла работать дефектологом в Центр лечебной педагогики. Это частное заведение, там занимаются лечением психики детей. Нормальные дети, но с какими-либо неврологическими проблемами. Дефиниции — дети с нарушениями в общении, энцефалиты. Специальных садов на всю Москву — всего пять. А когда я устраивалась в Центр, мне пообещали, что помогут стать настоящим специалистом. Спрашиваю у людей в этом Центре: «Вы понимаете, что я почти ничего не знаю?» Они говорят: «Мы были такими же. Сами до всего доходили, сами учились и сейчас учимся». Это на всю жизнь: учиться с этими детьми...

давала кое-что. После школы, пожалуй, я уже ничему не научилась.
ОЛЯ. У тебя даже глаза стали испуганными.
ОКСАНА. Школьную физiku, между прочим, знаю лучше, чем ту, что сейчас в меня пытаются внедрить. Я больше не встречала таких педагогов, как Елена Петровна. Она же просто вливалась в нас эту физику.
ОЛЯ. «Рука умнее головы». И когда она это говорила, рука моя с зажатым в ней мелом замирала, и я думала: «А что я собиралась написать-то? Я же ничего не знаю. У меня просто от страха какая-то закорючка получилась». Может быть, это зависело от того, что в том возрасте все легко воспринимали и учителя хорошо были.
СВЕТА. Мы друг друга давно знали, у нас была другая обстановка. А в институте ты никому не нужна. Когда я пришла первого сентября в свой медицинский, окрыленная вся такая, нам на общем собрании сказали: «Вы думаете, мы вас будем здесь учить? Учиться будете сами, а мы будем вас спрашивать». И дружба в институте другая — взрослая. Очень трудно привыкать к новым людям, ко всем надо присматриваться...
УЛЯ. А у меня в историко-архив-

но там заведующая... А с сентября я пошла работать дефектологом в Центр лечебной педагогики. Это частное заведение, там занимаются лечением психики детей. Нормальные дети, но с какими-либо неврологическими проблемами. Дефиниции — дети с нарушениями в общении, энцефалиты. Специальных садов на всю Москву — всего пять. А когда я устраивалась в Центр, мне пообещали, что помогут стать настоящим специалистом. Спрашиваю у людей в этом Центре: «Вы понимаете, что я почти ничего не знаю?» Они говорят: «Мы были такими же. Сами до всего доходили, сами учились и сейчас учимся». Это на всю жизнь: учиться с этими детьми...

СВЕТА. Ну, ты знаешь, что родишь... Что-то неприятно, что-то больно, все это так. Но вот с психикой происходит непонятное. Не то чтобы я за ребенка боялась, а вообще психованная какая-то была, дерганая.
ОЛЯ. Моя мама говорит, что дети не рожают. Что ребенок — это прекрасно всегда.
СВЕТА. Об этом могут судить только те, у кого есть дети. Какая я

СВЕТА. Когда я шестой класс закончила, я попробовала работать воспитателем детского сада. У мамы была подружка, заведующая. И мы поехали на дачу с детским садом. И в группе был такой ребенок, у него папа алкоголик. Так не скажешь, что он глупый, идиот, а смотришь — он делает специально гадости. И было приятно, что бесполезно говорить что-то, пугать, ему это все равно...
ОКСАНА. Но надо понять, почему он так делает. Он же не виноват, и поэтому его жалко, в общем...
ОЛЯ. А вы могли бы уехать оттуда, из страны? Насо всем уехать?
СВЕТА. Не знаю... Есть же невидимые связи, мировоззрение, привички.
ОКСАНА. Мне кажется, у нас еще такое шаткое мировоззрение.
ОЛЯ. Неправда.
СВЕТА. Оно не шаткое, Оксан, оно изменчивое.
ОКСАНА. Его еще можно как-то переменить в другой обстановке.
СВЕТА. У меня не чувство родины, а чувство дома. Когда куда-нибудь уезжаю, хочется домой вернуться.

знаю, что уйдя оттуда, потому что он мне не нужен. Например, вам такое понятие, как «армия», не грозит, а я общалась с ребятами в институте, процентов восемьдесят из-за армии пришли. Я сейчас работаю...
ОЛЯ. Наверное, свое какое-нибудь предприятие? Бери нас всех к себе, тут такие специалисты сидят, ты же видишь, напишем, защи-

ОЛЯ. ...и оставьте меня одну. Да? **КАТЯ.** Уль, когда твою душу радуется?
УЛЯ. Когда я одна на природе, когда вижу людей лучше и чище, чем я, когда смотрю хорошее кино, читаю хорошую книгу... Меня радуют человеческие, мудрые, красивые вещи.
ОКСАНА. Мы на самом деле не

О школе плохо вспоминают те, кто хорошо учился. А кто бездельничал, тот хорошо вспоминает.

Стрекоза и муравей. Фото А. ТЯГНИ-РЯДНО
Игра для устойчивости жизни, она смеется на доску и открывает донуск к душе, игра — великий источник свободы. Мы перестали играть, оставив это различие детям. Но игра — это нобел из работы жизни. Дети — меньше рабы, чем мы.
Играйте и доверяйте себе, — призывает читателей Александр Терехов.

Что беспокоит МНЕНИЯ

Два последних года социологи Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) выясняют, что больше всего беспокоит жителей России.

За это время мы с вами многое пережили, а вот, поди ж ты, набор проблем почти не меняется. Прежде чем что-то сказать по этому поводу, предлагаем вам сначала изучить таблицу.

	Февраль 1991	Апрель 1991	Февраль 1992	Август 1992
Рост цен	57	75	70	74
Нехватка продуктов питания	67	67	55	35
Рост числа преступлений	31	28	38	44

Первое, что бросается в глаза: проблема нехватки продовольствия явно теряет свой вес. В то же время беспокоей ростом цен начиная с апреля прошлого года стало бесспорно лидировать. В этом, понятно, ничего удивительного нет. Удивительно то, что с апреля прошлого года по август нынешнего число людей, называвших эту проблему главной, почти не меняется. Что это? Постепенная адаптация к высоким ценам? Или тот крайний предел беспокойства, который может привести либо к некоторому успокоению, либо к крайней степени возмущения?

Г. МИХАЙЛОВ
Всероссийский центр изучения общественного мнения

ОЛЯ. Ну, это и есть чувство родины. Просто нам всегда говорили, что Родина — это где красные границы, где гули ходят хмуро...
СВЕТА. Это, конечно, зависит от человека. Вот вроде я такая, шалунья, в полспудно у меня должна быть некая стабильность.
ОКСАНА. У тебя есть стабиль-

ОЛЯ. И ты поняла, что это твой звездный час...
ОКСАНА. Вот мы все говорим о высшем образовании. Но пойдем скоро работать, и нас там будут пихать и шпынять.
ОЛЯ. Ты все о проблемах, а давай о чем-нибудь светлом. Вот ты, Оксана, ты чем живешь?
ОКСАНА. О светлом? Можно о детях. Дети на самом деле — это счастье. Я этим летом работала в лагере, и мы рано утром собирались ехать в Москву на экскурсию, ну, пионерский лагерь — что такое? Полюем, очень рано, отбой очень поздно... И сутра — мы уже опаздываем — ребенок уже говорит, спокойно так: «Оксана, погладь мне, пожалуйста,

ОЛЯ. Ну, это и есть чувство родины. Просто нам всегда говорили, что Родина — это где красные границы, где гули ходят хмуро...
СВЕТА. Это, конечно, зависит от человека. Вот вроде я такая, шалунья, в полспудно у меня должна быть некая стабильность.
ОКСАНА. У тебя есть стабиль-

ОЛЯ. Ну, это и есть чувство родины. Просто нам всегда говорили, что Родина — это где красные границы, где гули ходят хмуро...
СВЕТА. Это, конечно, зависит от человека. Вот вроде я такая, шалунья, в полспудно у меня должна быть некая стабильность.
ОКСАНА. У тебя есть стабиль-

Профессионализм — это умение хорошо делать то, чего другой не сделает.

носки». Я просто онемела. Через некоторое время оклемаюсь: «Почему она должна тебе гадать носки?» На что он мне ответил: «А мне бабушка всегда гадит!» Я не нашла, что сказать.
ОЛЯ. Это что, такой допинг, который постоянно поступает от детей, да?
ОКСАНА. На работе детям отдаешь все, от них тоже что-то берешь... Мне сказали: пока что я им отдаю всю свою энергию, а потом, когда стану специалистом, они будут отдавать мне больше.
ОЛЯ. Получается замкнутый круг: раз получишь дети, их надо хорошо учить, а как их хорошо учить, если они плохие?

К ЧИТАТЕЛЯМ

Подписка на 1992 год на наше издание была объявлена еще летом. Однако многие учителя остались без газеты и приложения: то ли у почтовых работников не оказалось под рукой письма ЦРПА «Роспечать» с информацией о газете «Первое сентября», то ли просто не было желания принимать подписку.
Для нас это не было неожиданностью, и мы напечатали дополнительный тираж газеты и приложения. Осталось доставить его до школ. Предлагаем всем желающим и прежде всего методистам, библиотечным работникам, учителям организовать подписку в школах. Вознаграждение — 10% от собранной суммы.
Газету и приложения можно покупать непосредственно в редакцию за наличный и безналичный расчет.
Обращаться в отдел распространения по телефону: 941-40-55.

Стенографировали
Е. ПЕРОВА, О. СЕРГЕЕВА

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Входя в класс, подумайте: что происходит?
Настройте себя на то, что вы здесь не работаете, а живете.

1992 22 сентября

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

ГОРЯЧАЯ ТЕМА

По всей школьной стране - новое повеление: спелкклассы для трудных.
И никто не видит беды. Заговор молчания!
Читайте 2-ю страницу.

№23

24 ноября 1992 г., вторник

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Где правит умная женщина - там мир и покой. Не уступить ли мужчинам немного власти женщинам?

Люди, которые здесь беседуют и спорят между собой, на самом деле друг с другом не знакомы и едва ли познакомятся когда-нибудь. А «свела» я их вместе для того, чтобы проинформировать читателя о таком понятии, как феминизм. Смысл этого слова не все понимают, отчего происходят всякие казусы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Нашему обществу всегда было свойственно шаркание из крайности в крайность. Сейчас мы с присутствующими на ринге кинулись на Запад (в прямом и переносном смысле этого слова) и пытаемся пересадить их явления, их реалии на нашу почву. То же самое касается и феминизма. Нужно ли нам эта идеология? Нужно ли нам заниматься стилизацией попов, когда у нас не решены насущные, элементарнейшие вопросы, когда нам не хватает ни на хлеб, ни на молоко, уж я не говорю про мясо!

Государство довело нас уже до идеи натурального хозяйства.

ПЛАМЕННАЯ ФЕМИНИСТКА. Представляю феминизм как войну полов - слишком примитивно. На самом деле все гораздо сложнее и глубже.

МЯГКАЯ ФЕМИНИСТКА. Феминизм - это борьба женщин за предоставление ей равных стартовых возможностей для проявления ее «я». Феминизм - неотъемлемая часть женского движения, и оно, как показывает практика, активизируется именно в те периоды, когда общество переживает кризисы. Помните, что собственно феминизм зародился во Франции, во времена Французской революции. В Америке феминизм достиг апогея в семидесятые годы, когда вся американская общественность была потрясена последствиями войны во Вьетнаме.

Ситуация, сложившаяся в нашей стране, как никогда благоприятна для развития феминизма. Мы оказались сегодня выброшенными из жизни. Женщина не защищена ни законом, ни государством, ни собственным мужем. И если не мы, женщины, - никто не вытащит нас из этого болота.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. А разве женщина не сама виновата в создавшейся ситуации? Разве не поживает она плоды эмансипации, к которой стремилась все эти годы? Вы же хотели быть умными - вот и стали, вот вам и горе от ума. А что касается законов, то они были в

СССР, хорошие были законы, и все были направлены на гармоничное развитие женщины. Какое еще государство может похвастаться конституционным правом на труд, на образование? И женщина в Советской стране пользовалась этим правом не только наравне с мужчиной, но и переполюсовала его по всем статьям.

ПЛАМЕННАЯ ФЕМИНИСТКА. Вы, уважаемый сударь, идеально подтверждаете давнишнее изречение: в каждом грехопалении мужчины ищите женщину. Ищите женщину, и вы поймете, почему про-

изошел распад Советского Союза, почему сокрушили Конституцию - так получается по вашим словам? Но ведь это так легко - свалить все на женщину. Ах, это она сама виновата, доэмансипировалась! А счастье было так возможно, а законы были такие замечательные! Но скажите по чести, разве может хоть какое-то государство «похвалиться» тем, что ни одно дарованное Конституцией право не было реализовано в полном цивилизованном смысле? Право на труд - но женщины всегда доставались места похуже. Право на жилье - но если женщина разводится с мужем, разве она может быть обеспечена мало-мальски пристойным жильем? Право на образование - с этим, казалось бы, все в порядке. Но если мы возьмем среднее специальное образование, посмотрим на квалификацию работающих в промышленности, то увидим, что уровень квалификации у женщин гораздо ниже. В среднем сорок процентов мужчин, занятых в промышленности, имеют квалификацию на уровне четвертого-пятого разряда, а среди женщин высококвалифицированных работников - десять процентов. Доля женщин, учащихся в стационарных учебных заведениях по профессиям широкого профиля, - лишь тридцать процентов в городских ПТУ и десять процентов - в сельских.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Но давайте посмотрим на проблему и с другой стороны. Если речь идет о высшем образовании, то ни в одной стране нет такого количества женщин образованных, нигде нет такого количества женщин - медиков, педагогов, юристов, психологов. И все это - без какой-то феминистской борьбы! Нелишне было бы заметить, что уровень образованности у нас действительно высок, все иностранцы это отмечают. О таких успехах шведские, скажем, или норвежские деятельницы могут только мечтать!

ПЛАМЕННАЯ ФЕМИНИСТКА. Зато у них есть то, о чем мы даже и мечтать не можем: у них женщины находятся у руля. В Норвегии половина министерских портфель - в женских руках. В каждой из этих стран существуют левые женские фракции, объединяющие представительниц разных партий, главным образом социал-демократических, и эти фракции почитаемы и влиятельны. А у нас? Одна-единственная женщина-министр, и на ту всегда нападки. А где женщины-парламентарии? Вы только включите на минуту телевизор: если показывают какие-то переговоры, правительственные дискуссии, парламентские дебаты - везде одни только серые пиджаки. Повсюду - засилье мужской власти!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вам хочется властвовать? Извольте! Вы и так стоите от гнета эмансипации, и так будете стоять от гнета женского руководства!

МЯГКАЯ ФЕМИНИСТКА. Посмею возразить. Женщина стоит не от эмансипации. Этого она как раз и не получила. Напомню, что слово «эмансипация» означает освобождение, и феминизм - как жетя, я уже повторюсь - по-прежнему - мать ученья - направлен на то, чтобы освободить все возможности, скрытые внутри человека, реализовать их. То, что произошло в нашей стране, вовсе не эмансипация, а дезэмансипация. У нас нет понятия «пол», у нас нет понятия «мужчина» и «женщина».

Та дама, которая воскликнула когда-то с экрана телевизора, что у нас нет секса, была, по существу, права. У нас есть развал, есть торговля голыми телами, а секса нет, потому что секс не означает оргию, это связано с понятием пола. А у нас мужчины перестали быть мужчинами, и женщина не чувствует себя женщиной. Она у нас - самец, потому что все делает сама. И к этому вынуждает государство, которое довело нас уже до идеи натурального хозяйства. Да всех поголовно учат переключать одежду, заставляют тачать сапоги и выпекать хлеб, принуждают обрабатывать землю, хранить картошку в городских квартирах, а также пилить, строгать, чинить... А кто все это бу-

Ни в одной приличной стране государственный муж не позволит себе бросить с экрана телевизора: «курица не птица.»

дет делать? Ну конечно, женщина, с ее обостренным чувством ответственности. И вместо того чтобы оттачивать профессионализм, мы мучительно выживаем в условиях натурального хозяйства. Опять выживаем! Уже скоро восемьдесят лет как выживаем. Когда же будем жить?

Мне представляется, что задача феминизма как раз в том, чтобы показать: общество состоит из личностей, из разных мужчин и разных женщин, и абсолютно у каждого - свое предназначение, свои способности и возможности, и именно это свое должно быть реализовано.

РЯБЯЯ ФЕМИНИСТКА. Но тогда это и не феминизм вовсе! Истинный феминизм должен вывести женщину вперед как существо более организованное, более совершенное. Вы абсолютно правильно завели разговор о том, что женщине необходимо передать власть, но уважаемый председатель от этой темы ушел, потому что передать власть женщине мужчина никак не хочет. И что получается? Руководящие страной мужчины довели нас до тупика. Всюду летящая кровь, а это страшнее голода и натурального хозяйства. Именно там, где самые горячие точки, наиболее патриархальные нравы. Но мужчины, жаждущие славы и власти, теряют способность разумно рассу-

СТЕНОГРАММА № 22 С дискуссии феминисток

Надежда и опора.

И. МАЛИНОВСКИЙ, г. Иркутск.

дать. Там же, где правит женщина, царят мир и покой. Женское мышление более конструктивно, женщина - берегиня, в ней генетически заложено стремление хранить мир: в семье, в стране, в космосе. Пора возвращаться к матриархату.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть очень большие сомнения по поводу того, что в истории был такой период - матриархат. И что-то я не припомню, при какой женщине и в какой стране царил мир и покой. Может быть, при Екатерине Второй? Или, может, древние амазонки были миролюбивы? Вместо стрел метали мед? И какая это женщина, достигшая высот власти, оставалась кроткой и мягкой? Эту же Или Коллонтай?

МЯГКАЯ ФЕМИНИСТКА. Коллонтай была использована большевиками, чтобы ее же руками задуть женское движение, которое в России, кстати сказать, очень интересно развивалось. Но это большевикам совершенно не было нужно, уж кто-то, а они прекрасно понимали, что такое феминизм и какая это сила.

Поэтому сразу же после Великой Октябрьской революции состоялся второй Всероссийский съезд женщин, и вопросов нет никаких. В 1917 году И Коллонтай объявила феминизм классово враждебным явлением. А это дало возможность и ос-

особой подготовки, как я понимаю, без навыка, это же какая сила! Она должна быть! А ведь это наш любимый школьный репертуарчик. И чтобы образ не раскололся с действительностью, наше государство постоянно поджигает избы - это особенно сейчас ему хорошо удастся. А пока избы горят, пыл нашей

Женская логика - объемна. Она предполагает ответ не на вопрос, а на подтекст этого вопроса.

якобы эмансипированной женщины уходит на борьбу с ветряными мельницами. Мы мучительно приспосабливаемся под нашу нелепую жизнь, вместо того чтобы менять ее.

МАТУШКА-ЗАСТУПНИЦА. Я вот все слушаю, слушаю... Уж очень далеко от жизни уходят ваши рассуждения. При чем здесь натуральное хозяйство? Мы все спорим и спорим, а между тем наша женщина потеряла множество привилегий и достижений, которые были. И надо бы сохранить, восстановить их, а не кричать дальше о пресловутом женском начале. Мы сами даже не замечаем, какие достижения у нас были. Например, детские садик. Каждая мама, отправляясь на работу, знала, что может быть покойна за ребенка. Плохо, бедно, а в садике за ним присмотрят, накормят, смогут погулять. Восхвалюемые вами северные страны завидовали нашим детским садикам - у них устроить ребенка в сад практически невозможно, а няня стоит столько, что это под силу лишь миллионерам, которых там, кстати, не так уж много. Любопытно, что там государство имеет богатейшие социальные фонды, а садик не строит, не считает нужным.

Над образованием нашим все смеялись, высказывали изыны. И что в итоге? Дети наши теперь лишены возможности учиться в вузах - не найдем мы таких средств для их обучения.

Наконец, почему вы, деятельницы женского движения, не говорите о том, в каких тяжелых условиях работают еще многие наши женщины? Еще в 1981 году установили для женщин при полемье и перемещении тяжести вручную. Суммарный вес грузов не должен превышать 7 тонн за смену. Как же она женщина после этих семи тонн? Но больше того - в ряде отраслей не выполняются. И ничего! Слышали ли вы о возбуждении прокуратурой дела в связи с нарушением трудового законодательства в отношении женщин? Не дело ли это феминисток - добиться запрета на выполнение тяжелых физических работ?

ПЛАМЕННАЯ ФЕМИНИСТКА. В корне не согласна с такой постановкой вопроса! Считаю, что надо пе-

рестать водить женщин за ручку. Во всем мире женщины добиваются, чтобы были отменены все запреты и ограничения для женщин. Должны быть равные возможности, равные условия для всех, независимо от пола, а уж женщина сама решит, поднимать ей тяжести или нет. Попадет она работать ночью

или дома останется. Тут и общая культура определенной роли должна сыграть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Помните, вы сравнили их жизнь и нашу. Да у них и тяжести другие, у них семь тонн иначе весит. Разве мы можем брать их жизнь за образец?

ПЛАМЕННАЯ ФЕМИНИСТКА. Можете! И должны! Иначе мы никогда не сдвинемся с места. Иначе так и будем жить в каменном веке. Помните, если мы устанавливаем запрет на поднятие тяжести для женщин, мы тем самым эту тяжесть возводим в абсолют. Мы тем самым делаем норму грязи на стройке, дикое условие труда на заводе. А наша женщина при отсутствии личной культуры, уважения к своему телу - да она на что угодно пойдет, лишь бы ей за это лишний пакет молока дали да на год раньше на пенсию отправили. А запреты? Да пусть их хоть сто будет, а лажей всегда найдется. Надо менять первопричину, а не воздвигать уродливую систему льгот. Наши льготы превращают женщин в социальных инвалидов, вместо того чтобы создавались равные стартовые возможности для всех.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Я чувствую, вы далеко со своими демократиями и их преобразованиями уйдете. Печален будет ваш финиш!

ПЛАМЕННАЯ ФЕМИНИСТКА. Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать демократов. Мы говорим о женском движении, о феминизме. Так вот, возвращаясь к этой теме, я хочу подчеркнуть, что женщина - как носитель высшего разума, высшей мудрости - должна смотреть вперед, шагать дальше. Финиш будет в полном порядке, если мы перестанем делать из женщин социальных уроков. А уроком мы их именно лажетам, так милыми нашему государству.

Почему в проекте нового закона о семье женщины с ребенком даруются укороченный рабочий день? Да кто ее, с таким правом, на работу выведет? Это не льгота, это новый рычаг для дискриминации и дегернизации армии безработных. А кто придумал льготы для многодетных? Почему трое - это много, а двое - это мало? Кто это решил? Почему трое детей могут есть дефицитные консервы, а двое - нет? А эти нелепые привилегии

матерей-одиночек? Да множество женщин не распихиваются со своими фактическими мужьями только для того, чтобы получить лишнюю крошку. Мы все становимся крохоборами. Что же потом удивляемся, наблюдая крах семьи? Кому она нужна, эта семья, выхлудит?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Однако воспитывать ребенка вдвоем легче, чем одному!

ПЛАМЕННАЯ ФЕМИНИСТКА. Вот уж ничего подобного! Когда в доме один родитель, начисто исключается ссора по поводу того, каким образом воспитывать ребенка. Да в том виде, в каком сейчас находится мужчина, какой от него прок семье?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Но как же совсем без мужчин?

РЯБЯЯ ФЕМИНИСТКА. Почему же? Мужчина надо извлекать на свет божий, чтобы доставить женщине удовольствие. В чем оно заключается - это уж дело конкретной женщины. И еще надо, чтобы мужчины подалше от политики держались. Они привносят в политику свои комплексы - то Наполеона, то Шварценбергера. Вот и парекосы.

МЯГКАЯ ФЕМИНИСТКА. Перекос произойдет, если мы совсем уберем мужчин. Должны быть гармония, равновесие. Когда в равных пропорциях присутствует и мужская, и женская логика.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Женская логика? Это интересно.

МЯГКАЯ ФЕМИНИСТКА. Женская логика, она другая, она объемна. Мужчина скажет: если поезд вышел из пункта А, то во сколько часов придет в пункт Б. А женщина скажет: поезд выехал из пункта А, и поэтому в пункте Б, по дорожке мясо. И все будет правильно и там, и там. Женщина отвечает не на вопрос собеседника, а на его подтекст. И мужчина кажется это недостатком. И вместо того чтобы вынуждать в женскую логику, мужчина тут же говорит: а бабы - дуры.

РЯБЯЯ ФЕМИНИСТКА. Да, очень легко сказать, что все женщины - дуры, но стану ли от этого умнее те, кто так говорит? Отношение к женщинам - это визитная карточка цивилизованности общества. Ни один государственный муж ни в одной приличной стране не позволит себе с экрана телевизора небрежно бросить: курица не птица... Он всегда думает, взвешивает свои слова, потому что знает: стоит ему лягнуть лишнее, тут же феминистки выставят пикеты. А у нас часто только не говорят с экраном! И в основном мужчины. Но никто почему-то не говорит: мужчины - дураки. В крайнем случае скажут: Иванов ошибся. Ничего себе ошибочек! И еще. Обратите внимание на форму обращения: господина. Господи! А где же дамы?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Ну, уж если мы начнем заниматься словесной эквилибристикой, дойдем неизвестно до чего.

ПЛАМЕННАЯ ФЕМИНИСТКА. Никакая это не эквилибристика. В языке закрепляются наши взаимоотношения, наши догмы, мораль. Ведь не случайно все профессии - мужского рода: юрист, психолог, врач. А женской формы либо совсем не существует, либо звучит она отвратно: юристка, врачиха...

МАТУШКА-ЗАСТУПНИЦА. Учительница - звучит нормально.

МЯГКАЯ ФЕМИНИСТКА. А почему, звучит жутко. Как вышвыльщица. И словесная оболочка вполне соответствует смыслу. Я знаю одну учительницу, которая, обучая мальчиков, заставляет их вышивать нитками мушкетера. Стежок при этом какой-то особый отработывался...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Так все-таки давайте подведем итог нашей дискуссии: что такое феминизм?

ПЛАМЕННАЯ ФЕМИНИСТКА. Феминизм - это как высокая мода. Она существует, определяет основные направления, ею восхищаются, но почти никто не станет носить такую одежду. Но без этого не произойдет сдвига в сознании, не будет прогресса. Правда, с теми, кто идет вперед паровоза, история обходится сурово. Основоволожница феминизма Олимпия де Гуж закончила свою жизнь на гильотине, пошла туда по ложному доносу. Ее соратница, Терань де Меркур, подверглась осмеиванию своих же подруг, после чего сошла с ума. Но тем не менее их печальная судьба ознаменовала лишь начало этого движения. И оно продолжается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. И. КОРЧАГИНА, редактор журнала для женщин «Света»

ПЛАМЕННАЯ ФЕМИНИСТКА. Феминизм - это как высокая мода. Она существует, определяет основные направления, ею восхищаются, но почти никто не станет носить такую одежду. Но без этого не произойдет сдвига в сознании, не будет прогресса. Правда, с теми, кто идет вперед паровоза, история обходится сурово. Основоволожница феминизма Олимпия де Гуж закончила свою жизнь на гильотине, пошла туда по ложному доносу. Ее соратница, Терань де Меркур, подверглась осмеиванию своих же подруг, после чего сошла с ума. Но тем не менее их печальная судьба ознаменовала лишь начало этого движения. И оно продолжается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. И. КОРЧАГИНА, редактор журнала для женщин «Света»

ПЛАМЕННАЯ ФЕМИНИСТКА. Феминизм - это как высокая мода. Она существует, определяет основные направления, ею восхищаются, но почти никто не станет носить такую одежду. Но без этого не произойдет сдвига в сознании, не будет прогресса. Правда, с теми, кто идет вперед паровоза, история обходится сурово. Основоволожница феминизма Олимпия де Гуж закончила свою жизнь на гильотине, пошла туда по ложному доносу. Ее соратница, Терань де Меркур, подверглась осмеиванию своих же подруг, после чего сошла с ума. Но тем не менее их печальная судьба ознаменовала лишь начало этого движения. И оно продолжается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. И. КОРЧАГИНА, редактор журнала для женщин «Света»

ВСТРЕЧА С МИНИСТРОМ Дайте права и не мешайте работать Э. Днепров об образовании и рынке

Не сомневаясь, взгляд на образование как на непригодную для сферы услуг себя и должен быть изменен. Образование - важная область духовного производства, интеллектуального и нравственного потенциала общества. Состояние образования играет решающую роль в реформе всех сфер нашей жизни. Понимание этого сейчас должно не только декларироваться, но и подтверждаться делами. Ориентироваться же только на выживание образования в условиях рыночных отношений, на стабилизацию без развития - значит просто разрушить систему.

Через 7-10 лет к тем, кто выходит на рынок труда и будет занят на производстве, требования станут новыми. Увеличится социальная группа предпринимателей, а также количество людей, занятых в сфере обслуживания, сократится число занятых в материальном производстве. Система же образования пока слишком инерционна. Она не готова быстро дать результат, требуемый обществом.

Если мы хотим, чтобы через десять лет на рынок труда вышел человек с новым мышлением, способный жить в новом, очень динамичном мире, то реформировать образование мы должны немедленно. Дети, приходящие сегодня в первые классы, должны научиться учиться по другим программам. Сегодня надо разрабатывать и осваивать новые программы для средних и старших классов.

Мы обязаны опережать и готовить изменения в других сферах жизни общества. Иначе экономика будет опираться на все более отстающее от ее требований образование и сама резко затормозит темпы развития. Полагать, что когда-нибудь потом, когда ситуа-

ция в экономике улучшится, можно будет бросить на образовательные средства и выправить положение, просто наивно. Не будет инфраструктуры, способной осваивать эти средства.

Сейчас перед нами несколько неотложных задач. Система профессионального образования, пользующая марксистской терминологией, должна перейти из группы «А» в группу «Б». Как стимулятор фермерства должна возникнуть система фермерского образования. Необходимо создать систему подготовки и совершенствования кадров - как средство локализации грядущей структурной безработицы и расширить отработываемую сегодня в сорока педагогических вузах России программу гуманитарной конверсии - переподготовки офицеров, увольняемых из запас, по профессиям «социальный работник», «социальный педагог».

Надо также широко развернуть экономическое образование, только тогда в России возникнут настоящие рыночная грамотность, рыночное сознание, рыночная культура.

И, наконец, нужно развивать гуманитарное образование для удовлетворения гуманитарных запросов общества как условие изменения его способа мышления.

Это лишь некоторые немногие области рабочего образования и образования в реформировании страны, общественного устройства, жизненного уклада России. Работникам нашей системы надо не защищаться от рынка, а входить в него. Входить активно и уверенно, отказываясь от изжившихся стереотипов «дай ресурсы, дай средства, дай указания...». Нам самим нужна другая образ мышления: «Дай права и не мешай работать!»

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Говорят: ребенка надо готовить к жизни. А если думать лишь о будущем его, то сегодняшняя жизнь станет ему в тягость. Помогите ребенку жить сегодня.

5-00

Первое сентября

№25

28 ноября 1992 г., суббота

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

Получите приложения!

- Вышли из печати свежие номера приложений к «Первому сентябрю»:
 - Здоровье детей
 - География
 - Начальная школа
 - История
 - Математика
 - Химия
 - Биология
 - Английский язык
- Подписывайтесь на своей почте!

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Мы воспитываем детей; дети воспитывают нас. Так складываются семьи и школы.

СТЕНОГРАММА № 24 Со встречи родителей

Это — заключительная глава саги о московской школе №165, где мы когда-то не слишком прилежно учились, но которую с большой охотой посещали. В седьмом номере «ПС» была опубликована беседа с нашими бывшими учителями, в номере 22-м — с одноклассниками. Сегодня собрались наши родители: Станислав Викторович, Татьяна Николаевна, Наталья Вячеславовна, Евгений Андреевич и мы — Катя и Оля.

Что было для нас самым важным в школе — определителем знаний, термометром поведения? Дневник. На его странички частенько записывали излюбленные двойки, над подчёркнутой которыми дружно бились весь класс, а вели учителями замечания, и в конце каждой странички стоял трезвый родительский росчерк, казался, говоривший: «Меры приняты».

Кто теперь проверяет наш «дневник»? Временами этот тяжкий долг выполняют родители — по старой школьной привычке. Они учат, ругают, изредка хвалят, советуют, остерегают... А мы упорно все делаем наоборот.

Этот разговор с родителями — первое общение на равных. Они не очень замечают нас в больше говорят друг с другом: о школе, об учителях, о себе и, конечно, о нас, детях.

Ленина, я в ужасе была, что же они делают в этом огромном зале стоят мальши, трясущиеся...
Т. Н. А как же мы с Галицком забыли? Мне он очень нравился.
О. А. Помню, он всем нравился. Но это не значит, что мы на его уроках сидели, развались на стульях и мечтательно глядя на доску. Он многому научил нас. Каждая школа должна иметь учителя, определяющего ее лицо. В нашей школе это — Галицкий.
Н. В. Вообще обязательно должны быть учителя-мужчины. У нас в школе была дружба с мужчинами-учителями. Как вы к Татьяне Алексеевне, так мы к Адамовичу, физкультурнику, бегали. А в другой школе запомнилась преподавательница литературы. Я категорически отказывалась Маяковского учить. Она мою маму вызвала, говорит: «Вы ей скажите, что это нужно по программе. Пусть объяснит, почему Маяковский не нравится». Прошло время, и как-то она спросила: «Ты когда-нибудь скажешь, почему?» — Когда осмыслила до конца, скажу. Вот она была близка была, в поход нас водила, из профессиональной семьи педагогов, хорошая учительница...
Т. Н. Вам повезло. У нас не было таких доверительных отношений. Даже с родителями была дистанция, а с учителями — тем более.

О. А. Папа ты, я смотрю, уже что-то припас? Домашние заготовки?
С. В. Просто я искал записи с родительских собраний и нашел, к сожалению, очень мало.
О. А. Там, наверное, рассказывали о двойках, которые мы получили?
Т. Н. Начались собрания всегда с одного и того же: этот год очень трудный, много новых предметов... А потом уже шли персональные разборки.
Е. А. Я до сих пор помню один жуткий конфликт, чуть не персональное дело. О сломанной в туалете трубе. Родителям пришлось тогда сражаться с администрацией — отстаивать права человека.

Родители забывают, какими они были в детстве. А ведь так же шалили, подчищали в дневнике двойки...

К. А. Как-то на уроке мы, несколько человек, побежали в туалет. Я залезла на подоконник, спрыгнула и говорю: «Ой, девочки, юбка, как у балерины, поднимается». И мы по очереди стали прыгать.
Т. Н. А трубу-то вы сломали?
О. А. Нет, конечно. Она еще раньше была сломана. А в углу на скамеечке сидела девочка из параллельного класса. Она там часто сидела, мы к ней даже привыкли. Оказалось, она была в комитете комсомола, в секторе труда. И это был ее наблюдательный пункт.
С. В. Теперь-то ситуация кажется комической. Но вообще все это было достаточно серьезно.
О. А. Ладно бы этот почтенный пост достался ей за хорошую учебу, но ведь она была двоечницей. И подобным способом она зарабатывала на жизнь, шпioniла.
С. В. У нее не было других возможностей. Этот принцип в тюрьмах соблюдается.
О. А. Мысль-то какая была высказана директором: «Не пойман — не вор, а пойманный за все отвечает». Поэтому, коль сломана труба, а мы прыгали в туалет, значит, мы ее и сломали. А наши родители должны ее почитать.
Н. В. Мы сидели в ряд напротив директора и пытались объяснить ей, что эта «комитетчина» — фискал, что это плохо, но моральная сторона происшедшего ее не волновала совершенно.
С. В. Я до сих пор помню удручающее впечатление, которое произвела на меня та встреча. Но она, директор, реабилитировала себя в моих глазах.

Иванов в Петрова бросил тряпку, а она попала в лицо генеральному секретарю партии.

М. Ф. Мария Федоровна ее спрашивает: «Кто тебе сказал? „Бабушка“. А бабушка шила с ним?». Нет, мы на седьмое ноября накрыли стол, выпить не успели, а он уже по телефону пьяный выступал...
О. А. Второе собрание срочно созывается. Опять у нас ЧП. Иванов в Петрова бросил тряпку, которой мы доку вытираем, а она попала в лицо генеральному секретарю партии. (Над доской портрет Брежнев висел.)
Д. М. Д. Меня образцом в педагогике осталась моя учительница математика, интеллигентная, престелая женщина старой ленинградской закалки. Она приходила к нам в строгом платье с бесцветным воротником. И для нас уроки математики превращались в уроки жизни.
С. В. Наблюдая наш класс, я понял, что не только учителя воспитывали учеников, но и ученики воспитывали учителей. В этом я убедился на примере классной руководительницы. Я просто видел, как она менялась. Если в девятом классе родительские собрания не вызвали во мне ничего, кроме скуки, то в десятом Татьяна Стефановна стала совершенно другой, и в этом, я думаю, была заслуга класса.
О. А. Второе собрание, что мы провели вместе, Татьяна Стефановна успела рассмотреть и узнать нас. И мы перестали казаться ей монolitом в синей форме, а стали сообществом разных, интересных людей. Это взаимно-сложная внутренняя работа меняла и ее, и нас, постепенно сближая друг с другом. И окончание школы не превратило этого сближения.
Н. В. А вы помните, как их принимали в пионерии?
Т. Н. Тогда мы тогда смотрели «Двенадцать месяцев» и опоздали на принятие. Это для него было просто трагедией жизни.
Н. В. У Катю все прошло легко, а Мигю мне было не след жалко. Его все время отодвигали от этого радостного дня. Дня готовая была три галстука ему повязать, лишь бы не видеть эти трагические губенки. И когда наконец мы поехали в музей

О. А. Когда мы пришли в школу, ей было девятнадцать, а нам — семь. Потом эти двенадцать лет разницы сглаживались. Сейчас мы близкие друзья. Я думаю о взаимоотношениях между учителями, такой дружбы, как между вашими, между нами не было.
О. А. Может, время не очень долго прошло?
С. В. Наверное, была какая-то бодрость, открытость. Я помню, какая была трагедия, и она была для

О. А. Когда мы пришли в школу, ей было девятнадцать, а нам — семь. Потом эти двенадцать лет разницы сглаживались. Сейчас мы близкие друзья. Я думаю о взаимоотношениях между учителями, такой дружбы, как между вашими, между нами не было.
О. А. Может, время не очень долго прошло?
С. В. Наверное, была какая-то бодрость, открытость. Я помню, какая была трагедия, и она была для

МНЕНИЯ ПОЧЕМУ МЫ ИХ НЕ ЛЮБИМ

Как относиться мы, россияне, к тем, кого называют бизнесменами, то предпринимателями, то попросту, грубовато — торгашами? Как оцениваем успех людей, сумевших и дело наладить, и денег заработать? Эти вопросы были поставлены Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) перед взрослым населением России.

В разных населенных пунктах опрошено 1520 человек, которые представляют структуру населения республики. Почти две трети — 58 процентов — ответили, что современных предпринимателей приводят к успеху жульничество, обман, преступление. Около 14 процентов полагают, что бизнесменам способствует счастливый случай. Почти столько же — 13 процентов — считают, что этот успех — результат упорного труда. Приблизительно 15 процентов затруднились ответить на вопросы.

Итак, большинство людей считает, что в основе нашего нарождающегося предпринимательства лежит жульничество. Откуда такое недоверие к деловым людям?

С одной стороны, многих из нас просто-напросто надудили в коммерческих структурах, подсовывая недоброкачественный или ловко подделанный товар. Но стоит задуматься и над тем, что в такой оценке наверхника играет роль предубеждение, воспитывавшееся нас с детства, — предубеждение против богатых людей. Не станет ли это психологическим тормозом в дальнейшем развитии честного и столь необходимого нашей экономике российского предпринимательства?

Г. ЕФАНОВА
Всероссийский Центр изучения общественного мнения

СЛОВО О ВЕРЕЩАГИНЕ

Дмитрий ЛИХАЧЕВ

Верещагин, столетиями известный как великий русский художник, стоял на пороге великой культуры. Он не просто знаменитый художник, картин которого находятся в музеях стран всех континентов, — это гигантская личность, проявившая себя не только в изобразительном искусстве, но и как интереснейший писатель — в самых различных жанрах — и общественный деятель, не ограничивавшийся пределами России, исследователем-путешественником, этнографом, коллекционером.

Титанская фигура Верещагина стоит особняком, он всегда идет своим путем, подсказанным ему его совестью. Он не признает ни к одному ведомству, направленно во второй половине XIX в., не замыкает собой XIX век и не начинается «Серебряного века».

Славосказал про него, что он обладал великою душою, а Репнин назвал его «сверххудожником, как и сверхчеловеком». Он был на редкость смел и мужествен. Он уходил из академии в виде протеста раньше, чем он успел будущие передвижники во главе с Крамским. Родители отказывают ему в помощи. Он принимает участие чуть ли не во всех войнах своего времени — на Кавказе, в Средней Азии, на Балканах за освобождение Болгарии, в войне Соединенных Штатов Америки за испанское наследство, и наконец, находит смерть в русско-японской войне на взорвавшемся броненосце «Петропавловск».

Он погиб как воин, но при этом про него нельзя сказать, что он воевал на чужей стороне. Он воевал против войны. Именно для этого ему нужно было быть на войне, пережить все ее ужасы.

Он безжалостен в своих общественных войнах. Многие его картины поражают ужасом изображенного. Он не дает зрителю. Поэтому он близок к натурализму. Но он никак не натуралист, ибо поднимается до самого высокого обобщения. Многие его картины вошли в наше сознание как своего рода афоризмы — «Апофеоз войны», «Смертельно раненный», «На Шиньке все спокойно», «Перед боем», «После боя» и т. д.

При этом несентиментален, как были сентиментальны передвижники. Его касалось буквально все: продажа в рабство детей в Средней Азии, безжалостные нравы и вместе с тем красота искусства разных народов, красота нравов, когда она была, и безобразия, когда национальная красота не было. Его интересовали все народы России, Кавказа, Средней Азии, Индии, Болгарии, Америки. Его интересовали калмыки, ногайцы, казаки, татары, азербайджанцы, осетины, армяне, кабардинцы, грузины, цыгане, афганцы, персы, русские, молдаване.

Он делал иллюстрации к «Истории России в картинах» Золотова (1863 г.) и «Жизни Украины» Жемчужникова, к войне 1812 г. Он организовал в Тифлисе «Кавказское общество сельского хозяйства», был инициатором создания «Кавказского художественного общества», пытался организовать «Кавказский союзный Кавказ», «Кавказ и Закавказье». Он не учил, но был скромнее. Он говорил про себя, что учился на Кавказе и в Туркестане, он проявлял интерес к экономике края в Ташкенте, возгорался красотой Самарканда, вел этнографические исследования в Холдженте и успевал быть замечательным коллекционером древнерусского искусства. Его интересовало буквально все и все, что касалось благополучия человека.

Он вел себя независимо по отношению к императору, избегая встречи с Александром II, был решительно против русско-японской войны, вел себя независимо по отношению к командующим войсками и флотом и едва не был расстрелян командующим русской армией в Туркестане Кауфманом.

Как Сахаров и Солженицын, он доказал, что и «один в поле тоже воин», если только на его стороне правда, честь и совесть.

Взгляните на его фотографии, особенно последние лет, в шубе и шапке. Это Илья Муромец, дерзкий князь Владимир и защитивший народ.

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Не выгоняйте ученика из класса. Лучше выйдите вместе с ним на минуту и попробуйте договориться по-человечески.

Первое сентября

№26

1 декабря 1992 г., вторник

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

С ДЕТЬМИ В МОСКВУ! КОНКУРС! НАКОНЕЦ-ТО КОНКУРС.

— Сочинение на свободную тему, — сколько раз каждый словесник входил в класс с этими словами.
ВНИМАНИЕ:
Сегодня „Первое сентября“ предлагает вам, наши читатели-учителя, написать сочинение на свободную тему. Мы будем публиковать их в газете.
Это конкурс. Все темы равны. О школе, о любви, о себе. Что вас волнует?
Это конкурс. Все читатели могут оценивать сочинения.
Это конкурс. Авторы самых интересных (по оценке читателей) сочинений будут приглашены с детьми в Москву на каникулы. И с мужем! И с женой!

Время постоянно создает культуру, чтобы культура создавала время.

СТЕНОГРАММА № 25 Из Центра детского кино

Нас пригласил Фонд развития кино и телевидения для детей и юношества, что на Чистых прудах. Собирались московские учителя, учителя областных школ, приехавшие в столицу послушать лекции культурологического лица, были Ролан Антонович Быков, президент фонда, кинорежиссер Ирина Николаевна Грабенкова, профессор Вильнюсского университета Элеонора Петровна Сафронова — она преподает русскую литературу, искусствовед Вера Исаковна Чайковская, журналистка и писательница Алла Ефремовна Гербер.
Разговор о кино, литературе, искусстве обратился к школе, детям и будущему...

листическое восприятие искусства, которое свойственно семье. Что такое детство? Детство — это мама, папа, тетя, учитель. Но за последние годы, мне кажется, формула детского кино получила еще одно толкование, еще один смысл. Это позиция художника в защиту детей. Существуют же направления искусства в защиту экологии. Как вода, воздух, земля — наш дух так и детство. Оно может выжить только в обстановке милосердия. Детство — это наша экология, это наша духовная среда, и детский учительский союз, о котором я когда-то мечтал, может действительно объединить учителей. А начать мы должны с простых вещей. Что интересно вас, как должна измениться наша роль, чтобы мы действительно могли вам помочь. Включая все и ваш досуг и ту энергию, которая у вас есть, и привычку к деятельности среди детей, которая у вас есть. Оно почему-то сейчас не нужна обществу. Но на самом деле — нужна всегда при любом проклятом или непроклятом рынке, при любом обществе или необществе. А. ГЕРБЕР. Что происходит сегодня? Очевидно, что развал, очевидно, что идет великий ледеход, очевидно, что землетрясение, что мы живем с вами в другой эре, может быть, сами того не понимая. Мы это чувствуем преждевременными инфарктами своих друзей и близких, мы это чувствуем своей усталостью, своей дезориентацией, мы растеряны, мы находимся в состоянии неведомости. Надо понять, что мы попали на другую планету, ей еще не дано название, но советская цивилизация кончилась. И вот оттого, что она кончилась, мы впадаем в тысячу крайностей. Мы сейчас живем в ситуации невиданной, такой еще, пожалуй, не

было: когда на обломках неизвестно чего строится неизвестно что. И надо понять: а где мы сами? Надо искать точки опоры. Искать то, с помощью чего мы можем выжить. В этой великой депрессии мы должны понять, за что же все-таки цепляться. Должны быть какие-то ориентиры, какие-то столбики... И многие из нас это понимают. Те, кто существует в литературе, в искусстве, а не только в политике.

Вильнюсские студенты, разочарованные в русской культуре, полностью ориентированные на Запад, любят Достоевского и Толстого.

Все-таки общество не может жить без идей. Была идея семидесятилетия. Сейчас мы не будем обсуждать, хороша или плоха она была, не будем обсуждать, что из революционных идей шел на плаху, а что шел наверх к власти. Но сколько людей действительно в это поверили и были действительно одухотворены идеей. И в результате Ренессанс искусства, живописи, театра, кино! Все это, понятно, должно было задохнуться под прессом тоталитарного государства. Но была идея, была... Вы заметьте, как сейчас люди потянулись к религии. Им не хватает проповедника. Им не хватает человеческого слова. Чем был прекрасен отец Александр Мень, за что он и был уничтожен? Он мог нести слово, в котором мы очень нуждаемся. Почему наши руководители во многом проигрывают? Они не умеют нести слово простое, убедительное, яркое слова. Они не умеют заставить в себя поверить.

Нашу с вами духовную жизнь наступили ноги. Я не скажу: ах, эти коммерсанты, эти бизнесмены, эти деловые, эти деньги... Мы переживаем самый ранний период сверхразвития капитализма, который строится на обломках сверхразвития социализма, это неведомо истории, и ни один ученый в мире не может понять, что это такое, чтобы дать какие-то рецепты. Один будет богатеть на этом, другой — умирать, это жестокое, очень жестокое время. И дай нам Бог выжить. Но а еще лучше, а еще лучше, а еще лучше.

Э. САФРОНОВА. Для нас, преподающих литературу, проблема потери ориентиров — это прежде всего проблема нового внутреннего самоутверждения. Мы с вами, в течение многих и многих лет передавая знания другим и пополняя их для себя, понимаем, какой великой материк культуры существует. Я работаю в Вильнюсском университете, у меня очень трудная аудитория: это студенты, разочарованные в русской культуре, полностью ориентированные на Запад. И тем не менее опущенные, что русская культура — это такая сила, которая не может погибнуть, и те, кто хочет по-настоящему учиться, понимают это. Они все безумно любят Достоевского, они все хорошо знают Льва Толстого, они при одном упоминании имени Булгакова готовы приехать к вам на лекцию откуда угодно, с любого факультета, потому что это — наше общее. Студенты воспринимают литературу не как нечто национальное, они воспринимают это как общекультурное.

Нора перестать шалить нашего с вами несчастного ученика. По математике и физике его учат так, что он не может без репетитора окончить школу, а по литературе мы предлагаем ему какую-то мягкую жвачку. Мы даже не догадываемся о том, сколько способов усвоить материал. Совсем недавно посетили говорили, что студенты пассивны, что у них утеряна здоровая любознательность. Но сейчас студенты желают учиться, познать то, что знают умные люди. Хотят говорить о том, что нас не понимают, что мы не можем вносить сложный материал в головы слушателей. Ничего подобного! Нас, преподавателей, скоро будет не хватать. Нам не нужно буквально переносить состояние современной политики и экономики на состояние дел в культуре. Культура выживает при любых обстоятельствах. И пусть по-

Видеофильмы, по наблюдению социологов, вышли сегодня на первое место по предпочтению у молодежной аудитории. Не кино, не телевидение, даже не эстрада, а именно видео. Что же на экранах видеоматериалов? С одной стороны, огромный интерес к видео открыл нашим ребятам глаза на многие в их жизни. Они погрузились в сферу секса, эротики. К сожалению, они погрузились в сферу низкого секса и низкой эротики. На наших видеорынках — третьесортная продукция. И такая видеопродукция безумно одиотина. Но подростки в этих фильмах находят то, чего нет у нас: зрелищность, красоту, проявление мужского и женского человеческого начала. А потребность в этом у растущего человека велика.

Я как человек, постоянно занимающийся пропагандой, прокатом отечественного кино, категорически против того, чтобы, как предлагают некоторые, запретить посылку зарубежных фильмов, резко ограничить их выход на экраны. Если что-то запретить, потребность в этих фильмах просто станет подпольной. Надо создать противодействие этому. Но у него, к сожалению, нет зрителя. Это очень печально, что, имея такое искусство, мы не имеем достойного его зрителя. Если же думать, какое место учитель, школа могут занять в системе отношений человека с визуальной культурой, я считаю, что здесь учитель может быть тем, кто предлагает и показывает другое кино, большее кино, настоящее кино. Мы просто дадим нашим молодым людям примеры другой культуры, и дальше они будут выбирать с нашей помощью, но, конечно, самостоятельно. Мне кажется, что нам в отношениях с нашими младшими

Мы просто дадим нашим ребятам примеры другой культуры, дальше они будут выбирать самостоятельно.

В. ЧАЙКОВСКАЯ. Говорят, сейчас у интеллигенции нет дела, нет идеи... Но я думаю, у нас эта идея есть — это русская культура. И когда утверждают, что была русская культура и после семидесятилетия года исчезла, — это большая неправда, потому что в свое время еще Бердяев говорил о прерывистом характере русской истории. Что общего между Киевской Русью и Московской? Совершенно разные отрезки истории — но культура едина. Да, сталинское время — зловещее, а разное время Грозного было не зловещим? Но культура, она как-то выживает.

Что делать со школьниками, как их вовлечь в разговор? Это не тот случай, когда можно просто дать информацию, перечислить какие-то события, факты, имена, речь идет об очень тонкой материи — культуре. И мне кажется, говоря со школьниками, нужно оперировать не только фактами, но и давать им возможность прочувствовать эпоху изнутри.

И. ГРАБЕНКОВА. Я хотела бы прочесть вам несколько строк из Библии: „Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло. Если же око твоё будет худо, то и всё тело твоё будет темно“. Вот почему мне кажется, что мы с вами, учителя, воспитатели, должны бесконечно о заглядывании ниши визуальной культуры, которая окружает наших детей. Вы сами видите, насколько сейчас визуальная культура потеснила культуру вербальную. Это очень худо, потому что книга — главная спутница человека, человек себя, потому что книга дает то, чего не может дать экран. Поверьте мне, я двадцать лет служу верой и правдой кино и очень его люблю, но я прекрасно осознаю первородство и главное место книги. Однако, вытесняя книгу и вытесняя чтение, экранное искусство во всех трех формах — кино, телевидение и видео, — к сожалению, не подает даже того духовного хлеба, который оно могло бы давать молодому человеку.

Стенографировала Е. ФИЛАТОВА

Р. БЫКОВ. У меня огромная надежда на учителей. Так случилось, что государство бросило детей сейчас на произвол судьбы, не в состоянии руководить процессом их воспитания. Дети лишаются и того, что у них было: мест отдыха, домов пионеров, музыкальных школ, домов юных техников. А детские сады, а ясли! Там тоже плохи дела. Учитель — единственный, кто связывает общество и детей, кто находится на вершине этих взаимоотношений. Поэтому мы бросились к вам в объятия и хотим привлечь вас в свои.
Мы сначала планировали этот Фонд как движение учителей в помощь детскому кино, а потом я понял, что главное — объединить здесь людей некоммерческих профессий. Образование может быть коммерческим, но нельзя продавать то, что не продается. Вы остались в этом несчастье вместе с детьми, и ваша роль, ваша значимость необычайно выросли. Если

Когда создается новое время, нужна стабильность в том, что неподвластно времени, — в семье, в дружеских отношениях.

разделить жизнь на столичную и провинциальную, то наш центр, к сожалению, становится чрезвычайно провинциальным. Он отходит от существа основных событий. А учительство переселится в столицу, столицу событий, потому что

ское кино в обществе занимает прямую позицию защиты детей, анализа детства, анализа семьи. Объединение, которое может произойти между учителями и детским кино, — оно важнейшее. Сейчас, пожалуй, то самое время, когда мы можем объединиться. И

ПОЧЕМУ Я ПОЕХАЛА НА ВОЙНУ

От нашего специального корреспондента в Закавказье

В октябре прошлого года, когда в Тбилиси прозвучали первые выстрелы гражданской войны, я уже твердо знала, что буду в Городе своей мечты.
И вот осень 1992. По командировке „Первое сентября“ я еду в Закавказье.
„Зачем ты едешь, ведь там война!“ — спрашивали меня. „Потому и еду, что война“, — отвечала я. С людьми культуры Грузии у нас давние связи — в Новосибирске бывали режиссеры Резо Чхеидзе и Тенгиз Абуладзе, Отар Иоселиани и Эльдар Шентелав. Сочинения наших детей читали и комментировали Нолар Думбаладзе и Отар Чхаладзе. Так же, как я должна была быть, если Эльдар Шенгелая грозил арест, если Резо Чхеидзе не ночует дома, если Автандил Покаяния срывается болезнью? Это особая тема разговора: Человек и Другая Культура. Когда-нибудь я к ней вернусь. Но еще в мае 1991 года, когда Грузия выбрала своего первого президента, я увидела грузин каким-то другим. Увидела их не в тот час, когда они творят миф о самих себе в грузинском застолье. Это были как будто те же самые люди, но что-то другое проступило в чертах знакомого лица. Это новое манило и не отпускало. Но была, как я теперь понимаю, еще одна тайная причина всех моих поездок в Грузию, по-настоящему огнем. Как это ни покажется парадоксальным — меня гоняло в горы то же беспокойство и за моих учеников. Что-то тревожило в этом состоянии моих детей, чему я не могла найти ни определения, ни объяснения. „Это все не входит в мой ум“, — писала мои десятилетия ученица.
„Я боюсь, как наша страна будет жить“, — эта строчка из сочинения Илоуши Казарновского пронзила меня болью. Что стоит за детским страхом, в основе которого неверие в мощь государства, неверие в запущенные механизмы власти? Благо это или знак надвигающейся беды? Когда пришла беда на землю, щедро лавашу всем нам духовный приют и надежду, я должна была быть там, где моим друзьям плохо. В разломе времени грузины показали мне другим. За контурами единичной судьбы проступала наша обшая драма. Но главное, что проткнулось мне, — трагичнейшее существование наших детей, чье детство, с самого рождения и по сегодняшний день, проходит в условиях страшной войны, не выходя из линий фронта. За очень существенные вопросы о территориальной целостности того или иного государства, проблемой быть или не быть автономии встает другая, скрытая от всех нас проблема нашего будущего, которого может не быть. Эту тревогу и боль ощущаешь не сразу. Люди с автоматами, баржи, перегруженные беженцами, разрывы снарядов, горящие здания, взрванные мосты — это видишь и слышишь в зоне конфликта, как мы называем места самой истребительной, самой чудовищной войны, в которую втянуто все мирное население. Речь идет о слезнике ребенка, и о геноциде человека, проживающего на 1/4 части земного шара. Да, да, речь идет о нашем будущем, которое может превратиться в ад. Итак, если все по порядку...
В середине января этого года Тбилиси был не похож на себя. „Что сегодня случилось в Тбилиси?“ — эта строчка из стихов Заболотного не давала покоя. И хотя было ясно, что идет война, глаз не может смириться с тьмой, в которую погружен один из прекраснейших городов мира, глаз и сердце не могут смириться с мыслью, что именно твой дом разрушен до конца. Горе в зонах конфликта ощущалось с первой секунды. Оно — в глазах женщин, детей

и стариков. Уже в аэропорту ко мне подходит немолодая дама и предлагает ехать вместе с ней на попутной машине до Самгури — рейсовые автобусов нет. По дороге выясняется, что у Медико, так звали женщину, сгорел дом. Об этом ей сообщили в Москву, где она была у сестры: Шофер, решивший на нас заработать, круто меняет маршрут. Мы не остановимся в Самгури. Мы поедем через весь город к дому Медико. С нами в машине русский мужчина, который едет в цирк. Папа едет к своей дочери ставить номер — тамши на проволочке. Тоже нашел времечко. Машина не выезжает на проспект Руставели — центр города разрушен. Поднимаемся по Сулхан-Саба до улицы Коте Мехки. Где-то здесь дом великого режиссера XX века Сергея Парджанова... Сколько раз я бывала в этом доме раньше! Каких только людей не собирал этот дом — бывших эзков, поэтов, режиссеров, баншиков, актеров, зеленчиков... Мтацминда, священная часть города, в неприглядной тьме. Обгоревшие дома корчатся сохранившимися конструкциями. Дом Медико сохранился, точнее, остов дома. Квартиры же все выгорели. Но Медико упорно идет к своему дому. Ей кажется, что именно ее квартира уцелела. Потом ползнее я пойму, как разрушительная для психики человека мысль о разрушенном доме... Как описана эта мысль для детской психики... Если верить Мерабу Мамардашвили, то личность обретает свою сущность через напряжение. Человек — Символ? То мне всякого сомнения, одним из главных символов является Дом, Родной Очаг.
Итак, Дома нет. „Они сказали мне правду, что дома нет, — странно спокойно говорит Медико и вдруг задает мне вопрос — Скажите, куда мне ехать, к сестре или полдурге?“ Я не знаю, куда надо ехать Медико. Не знал этого и шофер. Не может этого знать и папа девочки, которая танцует на проволочке. Так я столкнулась вплотную с лицом войны, которая полыхает не первый год и которую ничто не может остановить... А наутро я еду в цирк — обменять чужой чемодан на свой. 22 января в промозгом Тбилиси труппа Ташкентского цирка горела одним желанием — дать представление детям. Переполненный детьми цирк явил странное и жуткое зрелище. Я впервые в жизни столкнулась с молчаливыми детьми. Они сидели часа два в полной кромешной тьме. Дежурная лампочка позволяла увидеть пар, который шел от дыхания. Казалось, что тепло навсегда покинуло этот южный край. Дважды давали свет. И дважды выходил блестящий Гурам на арену цирка, возвещая начало зуда. Дважды цирковые инструментальные трио, одетые в шапки-ушанки, взмывало ввысь под купол цирка, от которого перешло в горе, и дважды представление прерывалось. „Только у нас, в Ташкентском цирке, тигры выступают без клеток... Только у нас“. В фойе цирка, освещенном только одной лампочкой, волонтеры на полке тигра. Дети ползали к тигру, как к кошке. Никакой особенной реакции... „А что им тигр, если они заспаивают под автоматную очередь...“ — слышу чью-то реплику. Папа девочки, танцующей на проволочке, всю свою жизнь проведший на арене цирка, спрашивает меня: „Почему дети молчат? Господи, хоть бы они кричали, свистели, топтали ногами... Невыносимо детское молчание“. Что правда, то правда — детское молчание вынести невозможно. Представление в тот день не состоялось. Присели свыше двух часов в холоде и тьме, дети покидали цирк через единственную дверь. Вышлили торо и молча, не толкаясь. Выжидали, как из бомбоубежища.

Э. ГОРИХИНА, профессор Новосибирского педагогического института

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Если кто-то на уроке откровенно валяет дурака, не раздражайтесь, а осторожно подыграйте ему. Дайте понять, что его затея удалась.

Первое сентября

№27

3 декабря 1992 г., четверг

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

ЭТИКА СОТРУДНИЧЕСТВА

Многие помнят, наверное, манифест „Педагогика сотрудничества“.
Плакат „Прописи Арсеньева“ на второй странице сегодняшнего номера можно назвать этикой сотрудничества. А. Арсеньев — сотрудник нашей газеты, служил на флоте, окончил факультет психологии МГУ, ему 33-й год.

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Ну вот мы добились свободы — и что же? Неужели она не нужна нам, а мы ей?

Как считают в этом театре, их постоянные зрители — интеллигенция и студенчество. Но сегодня меняется и зритель, и репертуар, изменяются сами условия нашего существования.

В этой беседе принимают участие художественный руководитель петербургского Театра имени В. Ф. Комиссаржевской Виктор Абрамович Новиков, заслуженный артист РСФСР Ефим Александрович Каменецкий, народный артист РСФСР Иван Иванович Краско, артист Александр Вонтов и режиссер Александр Исаков.

Итак, разговор о театре? Да, и о театре тоже. Но скорее о нашем сегодняшнем дне — о том времени, в котором живут актеры, режиссеры, драматурги... И все мы.

В. НОВИКОВ. Вот парадокс: при тоталитарной системе работникам культуры, театра жилось гораздо лучше. Мы так хотели свободы, мы так о ней мечтали, так мучились с провинциальным пьесом, кто только за эту свободу не боролся — и художники, и драматурги, и композиторы, и кинематографисты. И все же при тоталитарных режимах искусство развивалось. Я не имею в виду прямой фашистский режим при Гитлере — гитлеровская эпоха не дала ничего серьезного. Но у нас при всем творческом кошмаре, уничтожении людей, расстрелах, лагерях все же возникали новые литературные течения, театральные структуры... И хоть многое было запрещено, но мы многое читали уже в конце шестидесятых — начале семидесятых годов, кто хотел, тот знал и читал. Как пелось в песне Галича: „Эрика“ берет четыре копии, вот и все, а этого достаточно“.

Возникли подпольные домашние театры на квартирах. Папа римский Иоанн Павел II в прошлом был очень известным польским драматургом, режиссером и артистом, и во время варшавского восстания, когда в городе были фашисты, он играл спектакли у себя дома, по своим пьесам. В Ленинграде был домашний театр Бориса Понизовского. Было огромное количество студий — это тоже как бы дисидентское движение. Сейчас, при нашей свободе, уже они не очень нужны, все можно сказать по-другому. А тогда эти студии возникали в противовес официальному театру, чтобы группа людей могла собраться, высказать свое мнение, попробовать играть то, что было нельзя на открытой сцене. Вот сидит Иван Иванович Краско, участвовавший во всем этом. Тогда он уже был заслуженным артистом, ведущим артистом театра и ходил к студентам, и играл в их спектаклях.

И. КРАСКО. Я, кстати, помню, как происходили все эти запрещения спектаклей — совершенно случайно. Например, известный критик, прохода мимо афиши, видит: Мрожек? А разве он разрешен? И вот один из партийных функционеров, руководитель Дома актера, начинает это выяснять и решает: ладно, пусть один спектакль сыграют, раз объявлено, а дальше не ставьте этого. А какой был восторг на этих спектаклях!

В. НОВИКОВ. Помните, как мы сидели на верхнем этаже в театральном институте и репетировали ногами?

И. КРАСКО. Это была середина шестидесятых. Бросались на любые авантюры, шли всюду, куда звали. Студент-режиссер приглашает в свой спектакль зрелого артиста — колбасия, сомнения; а вдруг он придет и начнет гнуть свою линию, сыграет и поставит все вместо тебя? Но ведь это же великая школа для режиссера — работа с опытным актером. В нашем театральном институте я провел один курс, выпустил его два года назад. Когда начинал преподавать, декан меня спрашивал, что я хочу делать, и я ему

научить не можем, если вы сами не научитесь“.

Когда я в своей неизменной кожжанке играл председателей колхозов, комиссаров, бригадиров, у меня была задача сделать каждого из них человеком, попытаться что-то в них найти, чтобы каждый хотя бы говорил по-другому. Сейчас у меня есть огромное опасение, что у молодых актеров поучиться не удалось. По счастью моей жизни, одним из таких учителей для меня был Павел Борисович Луспекаев. Он укорял меня, что я все книжки читаю: „Ты жизни не знаешь!“ Однажды на репетиции „Поднятый целинный“ он подошел и отстранил Лаврова, играющего любовную сцену в степи с Дорониной: „Дайте, я вам покажу!“ Товстоногов сказал: „Ну, пожалуйста“. И Паша показал. Такая гамма была чувств к этой Луспеке — мы все онемели. Наш бесценный руководитель, ныне покойный Рубен Сергеевич Агамерзян, в актерском деле был прямой

Актер существует только сейчас и здесь. Судьба сурова к нему, она ставит его в жесткую зависимость от времени. Идет смена формаций, а значит, скоро должно появиться что-то новое. Надо подождать, набраться терпения.

последователь Товстоногова. Формула Станиславского „режиссер должен умереть в актере“ — не пустой звук, выразить свою идею можно только через актера. И еще у Товстоногова, кстати, было потрясающее, уважительное отношение к автору, которого он никогда не переигрывал, чтобы самоутвердиться, все выразилось только через актера. Так что Луспекаев был прав: уж если он любил бабу, так он знал, как это делается, если он пьяного играл, так он знал, как пьяно, он знал, что такое власть и что такое великая слава, — он все знал, поэтому он был так притягателен.

В. НОВИКОВ. Да. Но я — о свободе. Вот мы добились ее — и что же? Что нам мечталось на самом деле? Что мы ставим спектакли, которые хотим, что мы выезжаем за границу, читаем, рисуем, пишем, что хотим... Мы получали все, кроме денег. Нам не на что репетировать, не на что ставить наши спектакли. Был у меня в семидесятых годах знакомый шведский режиссер, который говорил мне: „Витя, как у вас замечательно, как у вас прекрасно — вам ничего нельзя! Ты даже не представляешь, как вы замечательно живете. Вам перекроют путь слева — вы бросаетесь вправо, перекроют справа — вы в другую сторону, запретят там — вы выскочите тут...“ Вы все время в пои-

СТЕНОГРАММА № 26

Из Театра имени В. Ф. Комиссаржевской

лись на задворках. Например, Михаил Шатров, который каким-то образом расшифровал эту систему спектакли, как правило, получались не очень удачные. Время изменилось. Должны измениться и актеры. Им надо научиться играть иначе и про другое. И драматурги должны писать что-то иное, не отталкивать зрителя от себя. Ведь человек сегодня хотел бы видеть мелодраму, комедию: жизнь настолько тяжела, что ничего серьезного он уже не хочет воспринимать.

А. ВОНТОВ. И зритель, надо сказать, прав. В России всегда существовали две мощные силы — церковь и театр. Надо вернуться к этим двум истокам. Думая, как привлечь и сохранить зрителя, мы не повышаем цены на билеты. Билет наш стоит десять-пятнадцать рублей, дешевле, чем бутерброд в нашем же буфете. Мы, конечно, можем сделать билет и по сто, и по двести рублей, и в трех рядах будут сидеть сегодняшние коммерсанты, а для остальных все будет открыто. Зачем тогда играть, для кого?

Е. КАМЕНЕЦКИЙ. Конечно, коллективы репертуарных театров, складывающиеся годами, это наше нематериальное достояние. Но я считаю, самая большая проблема в том, что театр не готов перейти от политическо-строительно-производственной тема-

тики к проблемам собственно человеческим. Мы действительно оказались не готовы к свободе и к глубокому обращению к человеческой душе. Мы не готовы по-настоящему применить накопленные мастерство, умение и ремесло, надо это признать.

У меня иногда возникает такая простая мысль: а что если не заманивать на грандиозные планы, а постараться сначала сделать так, чтобы каждый ныне живущий пятилетний ребенок вырос хорошим человеком? И через пятнадцать лет это будут нормальные двадцатилетние люди. Создайте Кюсю, Маше, Пете такие условия, чтобы они утром съели вкусный завтрак, потом могли посмотреть выставку хороших картин или пойти в театр, а по телевизору увидели и услышали не только рок-н-рольные песни низкого пошиба, где слова имеют такое же отношение к поэзии, как я к планете Марс. Да, очень сложно режиссеру получить деньги на декорации и создать пристойный спектакль. Но мне кажется, еще сложнее перенести внимание театра на другое, далекое от политики, производственных проблем, — на то, чем жив человек.

В. НОВИКОВ. Да, вернуться к истокам. Конечно, мы были испорчены публицистическим театром, и актеры разучились играть простые человеческие вещи.

Т. ВОЛЬТСКАЯ. Писатели могут работать в стол, надеясь на то, что „рукописи не горят“, что времена переменятся и их когда-нибудь прочтут и оценят, художники могут писать картины, надеясь, что их когда-нибудь увидят, композиторы — ждать, что их произведения в будущем сыграют. Актер же существует, куда он сам есть, в этом смысле судьба особенно сурова к нему, ставя его в жесткую зависимость от времени.

В. НОВИКОВ. Вот ведь что произошло, когда все стало можно и все бросились ставить пьесы, раньше запрещенные, тут же встал вопрос: а как играть Ионеско, как играть Беккета, как играть Мрожека? Никто не знает. На Западе было постепенное развитие театрального искусства, а нам надо было в очень короткое время

пройти все эти этапы. Никто, естественно, ничего не умел, поэтому спектакли, как правило, получались не очень удачные. Время изменилось. Должны измениться и актеры. Им надо научиться играть иначе и про другое. И драматурги должны писать что-то иное, не отталкивать зрителя от себя. Ведь человек сегодня хотел бы видеть мелодраму, комедию: жизнь настолько тяжела, что ничего серьезного он уже не хочет воспринимать.

А. ВОНТОВ. И зритель, надо сказать, прав. В России всегда существовали две мощные силы — церковь и театр. Надо вернуться к этим двум истокам. Думая, как привлечь и сохранить зрителя, мы не повышаем цены на билеты. Билет наш стоит десять-пятнадцать рублей, дешевле, чем бутерброд в нашем же буфете. Мы, конечно, можем сделать билет и по сто, и по двести рублей, и в трех рядах будут сидеть сегодняшние коммерсанты, а для остальных все будет открыто. Зачем тогда играть, для кого?

Е. КАМЕНЕЦКИЙ. Конечно, коллективы репертуарных театров, складывающиеся годами, это наше нематериальное достояние. Но я считаю, самая большая проблема в том, что театр не готов перейти от политическо-строительно-производственной тема-

тики к проблемам собственно человеческим. Мы действительно оказались не готовы к свободе и к глубокому обращению к человеческой душе. Мы не готовы по-настоящему применить накопленные мастерство, умение и ремесло, надо это признать.

У меня иногда возникает такая простая мысль: а что если не заманивать на грандиозные планы, а постараться сначала сделать так, чтобы каждый ныне живущий пятилетний ребенок вырос хорошим человеком? И через пятнадцать лет это будут нормальные двадцатилетние люди. Создайте Кюсю, Маше, Пете такие условия, чтобы они утром съели вкусный завтрак, потом могли посмотреть выставку хороших картин или пойти в театр, а по телевизору увидели и услышали не только рок-н-рольные песни низкого пошиба, где слова имеют такое же отношение к поэзии, как я к планете Марс. Да, очень сложно режиссеру получить деньги на декорации и создать пристойный спектакль. Но мне кажется, еще сложнее перенести внимание театра на другое, далекое от политики, производственных проблем, — на то, чем жив человек.

В. НОВИКОВ. Да, вернуться к истокам. Конечно, мы были испорчены публицистическим театром, и актеры разучились играть простые человеческие вещи.

Т. ВОЛЬТСКАЯ. Писатели могут работать в стол, надеясь на то, что „рукописи не горят“, что времена переменятся и их когда-нибудь прочтут и оценят, художники могут писать картины, надеясь, что их когда-нибудь увидят, композиторы — ждать, что их произведения в будущем сыграют. Актер же существует, куда он сам есть, в этом смысле судьба особенно сурова к нему, ставя его в жесткую зависимость от времени.

В. НОВИКОВ. Вот ведь что произошло, когда все стало можно и все бросились ставить пьесы, раньше запрещенные, тут же встал вопрос: а как играть Ионеско, как играть Беккета, как играть Мрожека? Никто не знает. На Западе было постепенное развитие театрального искусства, а нам надо было в очень короткое время

поучувствовать, что сейчас нужно, тем более что это не всегда совпадает с твоей внутренней потребностью.

В. НОВИКОВ. Очень трудно уловить смысл и поведение театральной критики, которая часто принимает одного режиссера, чтобы высветить другого. Это как в политике: когда приходит новый политик, он должен уничтожить своего предшественника.

А. ВОНТОВ. И зритель, надо сказать, прав. В России всегда существовали две мощные силы — церковь и театр. Надо вернуться к этим двум истокам. Думая, как привлечь и сохранить зрителя, мы не повышаем цены на билеты. Билет наш стоит десять-пятнадцать рублей, дешевле, чем бутерброд в нашем же буфете. Мы, конечно, можем сделать билет и по сто, и по двести рублей, и в трех рядах будут сидеть сегодняшние коммерсанты, а для остальных все будет открыто. Зачем тогда играть, для кого?

Е. КАМЕНЕЦКИЙ. Конечно, коллективы репертуарных театров, складывающиеся годами, это наше нематериальное достояние. Но я считаю, самая большая проблема в том, что театр не готов перейти от политическо-строительно-производственной тема-

тики к проблемам собственно человеческим. Мы действительно оказались не готовы к свободе и к глубокому обращению к человеческой душе. Мы не готовы по-настоящему применить накопленные мастерство, умение и ремесло, надо это признать.

У меня иногда возникает такая простая мысль: а что если не заманивать на грандиозные планы, а постараться сначала сделать так, чтобы каждый ныне живущий пятилетний ребенок вырос хорошим человеком? И через пятнадцать лет это будут нормальные двадцатилетние люди. Создайте Кюсю, Маше, Пете такие условия, чтобы они утром съели вкусный завтрак, потом могли посмотреть выставку хороших картин или пойти в театр, а по телевизору увидели и услышали не только рок-н-рольные песни низкого пошиба, где слова имеют такое же отношение к поэзии, как я к планете Марс. Да, очень сложно режиссеру получить деньги на декорации и создать пристойный спектакль. Но мне кажется, еще сложнее перенести внимание театра на другое, далекое от политики, производственных проблем, — на то, чем жив человек.

В. НОВИКОВ. Да, вернуться к истокам. Конечно, мы были испорчены публицистическим театром, и актеры разучились играть простые человеческие вещи.

Т. ВОЛЬТСКАЯ. Писатели могут работать в стол, надеясь на то, что „рукописи не горят“, что времена переменятся и их когда-нибудь прочтут и оценят, художники могут писать картины, надеясь, что их когда-нибудь увидят, композиторы — ждать, что их произведения в будущем сыграют. Актер же существует, куда он сам есть, в этом смысле судьба особенно сурова к нему, ставя его в жесткую зависимость от времени.

В. НОВИКОВ. Вот ведь что произошло, когда все стало можно и все бросились ставить пьесы, раньше запрещенные, тут же встал вопрос: а как играть Ионеско, как играть Беккета, как играть Мрожека? Никто не знает. На Западе было постепенное развитие театрального искусства, а нам надо было в очень короткое время

как же, приехал столичный театр! Повышается ответственность, желание играть.

В. НОВИКОВ. А сейчас мы не можем поселиться в гостиницах, купить билеты на самолет, перевезти декорации — ничего. Если какос-нибудь, как теперь говорят, „ближе зарубежье“ хочет видеть театр, оно должно взять на себя все расходы. Прерывается связь со зрителем, очень для нас дорогим. Ведь наш театр и так не самый шумный, наши постоянные зрители — в основном интеллигенция и студенчество, так повелось еще с прежних времен.

И. КРАСКО. Публика, репертуар, гастроли — это одно, но важно и состояние самой труппы. Самое главное, чтобы каждый член коллектива не был пешкой, не был рабом — был хозяином. Как раз это и пытаюсь сейчас внушить каждому нашему художественный руководитель.

В. НОВИКОВ. Я могу взять в театр любого актера, но это не значит, что он сработается с труппой. У нас был такой случай: появился новый актер, а через два месяца его в театре не стало — он не вошел в коллектив. Это не потому, что он был плохим артистом, просто не нашим.

И. КРАСКО. Здесь мерило одно: характер, человеческие качества.

В. НОВИКОВ. Некоторые старые актеры считают, что театр нужно держать в жевых рукавицах, но я с этим не согласен. На репетиции — да, здесь режиссер — генерал, а все остальные — солдаты. В остальном моя главная задача, чтобы каждый почувствовал себя свободной личностью. У меня нет худсоветов, но есть консультационный совет из ведущих артистов театра. И не в деньгах и зарплатах, конечно, дело, а в том, чтобы не нарушить какие-то нравственные законы. Хотя в условиях свободы и нынче об их сохранении говорить все труднее...

Т. ВОЛЬТСКАЯ. Теперь прибавляют зачуханные, усталые, голодные, с термосами и бутербродами.

В. НОВИКОВ. Вот-вот... И когда слышишь, что эти усталые люди смеются, то это счастье. Хотят комедий, мелодрам, романтических историй? Ну что же с этим бороться? Главное, какой это литературный материал, как это написано. Что касается зрителя, здесь есть еще одна проблема: мы теперь почти совсем не едим на гастроли, это стало дорого и невозможно.

И. КРАСКО. Здесь у нас привычный зритель, мы знаем его, он тоже знает, чего от нас можно ждать. А приедешь куда-нибудь во Владивосток, Хабаровск, Тюмень, в Тбилиси, Ереван, Алма-Ату — и встречаешь треплетное отношение:

Стенографова
Т. ВОЛЬТСКАЯ
Санкт-Петербург

Мы не умеем обращаться к человеческой душе.

ответил — на своем, и на чужом опыте знаю — участь всему сами, а вот человека воспитать — это настоящая проблема. И что вы думаете, один из моих студентов, недавно женившийся и уехавший в Италию, прислал мне открытку, где благодарил за то, что я единственный из учителей на него не давил. Действительно, когда мы сами учились в театральном институте, что нам в первую очередь говорили такие преподаватели, как Леонид Федорович Макарьев или Елизавета Ивановна Тиме? „Мы вас ничему

скаж, в тонуе, на взводе.“ И он был прав. Сегодня мы можем ставить любую пьесу, но не на что, можем поехать в любую страну, но билеты стоят столько... И выясняется, что твой театр никому не нужен, твои живописные работы никому не нужны, что твою музыку никто не слушает, твои стихи и романы никто не читает.

Е. КАМЕНЕЦКИЙ. Полки гнутся от фильмов, прекрасно отснятых, но не востребованных прокатом.

В. НОВИКОВ. Современная культура никому не нужна, мы оказа-

лись на задворках. Например, Михаил Шатров, который каким-то образом расшифровал эту систему спектакли, как правило, получались не очень удачные. Время изменилось. Должны измениться и актеры. Им надо научиться играть иначе и про другое. И драматурги должны писать что-то иное, не отталкивать зрителя от себя. Ведь человек сегодня хотел бы видеть мелодраму, комедию: жизнь настолько тяжела, что ничего серьезного он уже не хочет воспринимать.

А. ВОНТОВ. И зритель, надо сказать, прав. В России всегда существовали две мощные силы — церковь и театр. Надо вернуться к этим двум истокам. Думая, как привлечь и сохранить зрителя, мы не повышаем цены на билеты. Билет наш стоит десять-пятнадцать рублей, дешевле, чем бутерброд в нашем же буфете. Мы, конечно, можем сделать билет и по сто, и по двести рублей, и в трех рядах будут сидеть сегодняшние коммерсанты, а для остальных все будет открыто. Зачем тогда играть, для кого?

Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Хоть иногда старайтесь делать маленькие сюрпризы. Детям так нравится: вдруг на уроке — приятная неожиданность.

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Первое сентября

№28

5 декабря 1992 г., суббота

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Люди живут в одном доме, но в разных мирах. Отдельно учителя, отдельно — ученики. Что делать?

Собрались четверо девочек. Совсем юные: в этом году окончили школу, поступили в училище. Училище называть не будем: девочки говорят о личном. Скажем только, что Света и Маша — москвички, а Ира с Таней живут в общежитии, приехали из других городов. Разговоры старших о политике, экономике и прочих серьезных проблемах Свету, Машу, Иру и Таню не очень интересуют. У них проблемы другие, и к взрослой жизни они пока только присматриваются.

ИРА. Ой, девочки! Вчера иду по улице, а тут из-за угла какой-то вывернулся! Девушка, почему бы нам не познакомиться?
ТАНЯ. А ты?
ИРА. Отшила, конечно. Тоже мне: знакомиться на улице!
СВЕТА. Ну и что тут страшного? Познакомиться можно где угодно. А уж потом решать, нравятся ли тебе или нет, продолжать знакомство или нет. Меня как-то в метро на эскалаторе толкнули, я чуть не упала, парень один меня поддержал, а потом мы с ним телефонными обменями. Сейчас переписываемся иногда. Довольно умный человек, с ним поговорить интересно.

В этом государстве, замученном проблемами, конфликтами и экономикой, имеем ли мы право хотя бы на личную жизнь?

ИРА. Но у тебя же Дима есть.
СВЕТА. Дима — это другое. Это — близкий человек.
МАША. Ему ведь в армию иди?
СВЕТА. Да.
МАША. А не боится? Сейчас столько ужасов с этими национальными войнами...
СВЕТА. Нет, он не боится. Наоборот, хочет идти, считает, что в армии — настоящая мужская стихия. Мы с ним три года встречаемся, еще со школы.
МАША. И у меня в школе все началось.
ИРА. А у меня никого не было. И нет пока.
СВЕТА. В выпускном классе у нас почти у всех были романы. Кроме тех, у кого внешность не очень...
ТАНЯ. Ребята всегда только на внешность смотрят.
МАША. Не обязательно. Есть такие, для кого много значит интеллект, больше, чем красота. Но такие ребята — совершенная редкость.

СВЕТА. К одиннадцатому классу многие у нас уже поженились. Правда, гражданским браком.
ИРА. Как это? В старину гражданский брак — это когда в церкви не венчались. А сейчас?
СВЕТА. Гражданский брак — когда живут вместе открыто, но не расписаны. У вас в школе разве так не было?
ИРА. Даже не слышала про такое.
СВЕТА. Я была за границей, в Венгрии, у них там до расписывания два года живут вместе. У нас сразу — расписываться, даже не узнают как следует друг друга. Вот и получается: характерами не сошлись, раздоры начинаются, споры, то да се. Очень много разводов из-за этого.

А в Венгрии два года они вместе живут, согласуют как-то свои характеры, а потом или женятся, или расстаются.
МАША. И правильно. У нас, если не расписались и с кем-то живешь, это считается аморально. Какое до этого дело чужим людям? Это — личная жизнь, никто не имеет права в нее вмешиваться. И в нашей школе были гражданские браки. Девочка открыто переезжала в семью своего мальчика. Или наоборот.
ТАНЯ. Вот и я в таком браке побывала. Мой парень с бабушкой жил, потом она в деревню уехала. И я переехала к нему.
ИРА. А в классе что сказали?
ТАНЯ. Ничего, нормально. У нас несколько пар таких было.
ИРА. Но ведь родители! Они, наверно, в ужас пришли!
ТАНЯ. Скандаль жуткий был. И крик, и слезы. Мама сказала, что я ей теперь не дочь. А я спокойно вещи собрала и ушла. Я их пони-

СТЕНОГРАММА № 27

Из девичьего общежития

маю, у всех взрослых это от воспитания, им так всю жизнь, с самого детства долбили: сначала печать в паспорте, а уж потом делай что хочешь. Я их поняла и простила, все их оскорбления. И они потом меня простили.
ИРА. И сколько вы прожили?
ТАНЯ. Год.
СВЕТА. Но жизнь-то хорошая была?
ТАНЯ. Неплохая, но... Готовка, стирка... Кошмарный сон.
СВЕТА. Из-за этого и расстались?
ТАНЯ. Нет, мы разошлись хорошо, друзьями. Расставаться так и так пришлось: я ж в Москву уехала учиться. Переписываемся теперь. Но после этой совместной жизни у меня опыт есть, и я еще сто раз подумаю, прежде чем выйти замуж окончательно.
ИРА. Но я все равно этого не понимаю — гражданский брак. Не брак это никакой, а так... У нас городок маленький, каждый на виду, все бы осудили такую парочку. А то ведь еще бывает: школьницы рожают. Это — вообще!
СВЕТА. Ты — как из другой жизни. Ну рожают, ну и что? В нашей школе одна восьмиклассница родила, и никто в нее пальцем не тыкал, все наши бежали к ней, ребенка смотрели. Они потом расписались со своим парнем. После ро-

СВЕТА. А я не считаю это чем-то ужасным. Решил так человек — его дело. Вот что ужасно — когда таких детей потом в детский дом подкидывают.
ИРА. Потому и подкидывают, что дурочки они еще в этом возрасте.
СВЕТА. Но родители-то у них есть? Они как это допускают? Внук же, родной...
ТАНЯ. Вот вам старшее поколение. Морали они читать умеют: молодежь такая, молодежь саяка... Поставь печать в паспорте — тогда рожай. А если родила без печати, они маленького в детдом сдадут. Печать им важнее живого человека. И это — их мораль!
ИРА. Когда я в Москву уезжала, мне говорили все: смотри там, осторожней. Во всех газетах пишут: преступность да преступность. И про наркоманов пишут, и о проститутках. А тут жизнь как жизнь. Обычная.
СВЕТА. Просто на тебя еще ни один преступник не напал.
ИРА. А на тебя напал?
СВЕТА. Нет. Вообще, я считаю, у нас любят превеличивать. Особо про молодежь. Как Таня сейчас говорит: молодежь такая, молодежь саяка... И вот они, и наркоманы... Вот ваши парни — они пьяницы? Много пьют?
МАША. Только когда собираемся

Школа вспоминается с печалью. Одинадцать лет впустило: никаких открытий, никаких удивлений.

дов она, правда, в другую школу перешла. Живут сейчас нормально, пятый год мальчик.
МАША. И у нас тоже в восьмом. Никто б и не подумал про эту девочку, тихоня такая, невзрачная. Тоже из-за ребенка расписались. Но муж пьет сейчас, гуляет, ничего хорошего из этого не вышло.
ТАНЯ. По-всякому у людей складывается. Осуждать только никого не надо. Хотя на личную-то жизнь мы в этом государстве имеем право?
ИРА. Но в восьмом классе! Как можно в этом возрасте рожать?

со своими и то чуть-чуть. В нашей компании вообще это не принято. Нас человек десять, а вина всего пара бутылоч. Просто потому, что так уж положено.
ТАНЯ. Про наше поколение — это все неправда. Пьяницы как раз — это взрослые, даже на улице, среди прохожих, это заметно. А соседи? У нас в доме знают сколько семей пьют? Все по-тихому, за своими дверями, без скандалов и криков, а попиивают чуть не каждый вечер. Но дети у них совсем другие. Свои интересы, вовсе не алкогольные.
ИРА. А вот я однажды написала. Полностью и по-страшному.
ТАНЯ. Ты?! Скромница-разумница?
ИРА. Просто случай такой был. Сейчас вспоминаешь: вот дурочка какая, написала с горя, было б горючее настоящее, а то — развее горе? Три года с тех пор прошло. Была обидна тогда, дурочки надежды на любовь какую-то необыкновенную. Хотелось оказаться одной на острове. Сестра на обрыв, смотреть на море, на небо, ни о чем совсем не думать... Острова не было. А была бутылка вина. Я ее всю в себя и влила. И сразу уснула: без снов, как в яму рухнула. А наутро... Жуть! Я с тех пор и запаха-то не выношу, от шампанского на Новый год морщусь. Но у меня замечательная мама, даже не представляете, какая хорошая. Она меня поняла и утешила. Никаких моралей, никаких лекций о вреде алкоголя. Я здесь, в Москве, так по маме скучаю!

ТАНЯ. Вот еще у Светы мама... Просто класс! Я к ним как-то приходила. Веселая такая!
СВЕТА. Правда. Она так умеет радоваться. Как девочка. И при том, что работа у нее — не очень-то померещась. Врач в больнице. Все время среди болей, среди страданий, а после работы магазины, очереди, сумки тяжелые, но в дом войдет — для всех радость.
МАША. Да, если б родители тебя понимали... Но зато у нас в школе учителя были хорошие, к ним с любой неприятностью можно было прийти. Не все, конечно, но человека два-три было.
ИРА. А у нас не было особо выдающихся. И злодеев не было тоже. Ровный такой фон, спокойный, безразличный. В одних стенах, но каждый жил своей жизнью: учителя сами по себе, мы — отдельно.
ТАНЯ. Школу я вспоминаю с грустью. Не потому, что по кому-то скучаю, а как-то печально: ведь одинадцать лет все-таки, какой

большущий кусок жизни! И — впустило. Никаких открытий, никаких удивлений, ни-че-го. Не жизнь, а ожидание. Неизвестно чего.
МАША. Да что вы, как древние египтяне заговорили!
ТАНЯ. Господи! Египтяне-то при чем?
МАША. А при том, что они, как ты, всю жизнь не жили, а только готовились. Готовились к другому существованию, к загробному миру.
ИРА. Ну, сказала! Нормально они жили — как все люди во все века: любили, семьи создавали, детей рожали.
МАША. Нет, ты не понимаешь. Они не любили этот мир, им хотелось бессмертия на том свете. Вот посмотри: все прекрасные произведения искусства у них — для гробницы, для пирамид, для той жизни.
ТАНЯ. Вот уж не думала, что ты такой древнеегипетский теоретик.
МАША. Никакой я не теоретик. Просто наша жизнь — сегодня. Не надо мечтать, как когда-нибудь, может быть, всем станет хорошо. Мне вот и сегодня интересно жить. Мне даже иногда просыпаться интересно: а что этим днем произойдет? И людям в автобусах хочется сказать: ну что вы такие хмурые! Ну ведь ничего же страшного, не конец же света. Есть много замечательного: люди хорошие, книги, природа, музыка.
СВЕТА. Маш, опомнись! Это уже лекция. Любите книгу — источник знания. Слушайте классическую музыку — она возвышает душу...
ТАНЯ. Ой, Свет, ты, конечно, будешь смеяться, но правда: возвышает.
СВЕТА. Ну все, приехали.
ТАНЯ. Конечно, ты — москвичка, ты вся такая ироничная. А мы с Ирой — провинциалки, и в Москву я лично вообще первый раз попала. Такая удача, что в училище поступила! И мы с Ирой все время бродим по городу, прямо как экскурсанты. Недавно дошли до консерватории, а там как раз билеты свободно были. Знаешь, как здорово! Мы от начала до конца не шелохнулись: сидели. Вообще-то я, как по телевизору классику передают, сразу на другую программу переключаю, скучаю это — классика по телевизору. А тут музыка просто

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

С ДЕТЬМИ В МОСКВУ! КОНКУРС! НАКОНЕЦ-ТО КОНКУРС

— Сочинение на свободную тему, — сколько раз каждый словесник входил в класс с этими словами.
ВНИМАНИЕ:
Сегодня „Первое сентября“ предлагает вам, наши читатели-учителя, написать сочинение на свободную тему. Мы будем публиковать их в газете.
Это конкурс. Все темы равны. О школе, о любви, о себе. Что вас волнует?
Это конкурс. Все читатели могут оценивать сочинения.
Это конкурс. Авторы самых интересных (по оценке читателей) сочинений будут приглашены с детьми в Москву на каникулы. И с мужем! И с женой!

всю тебя охватывает: она и снаружи, и совсем-совсем внутри. Ир, ну скажи!
ИРА. Это... Ну, здорово. От музыки как раз и добра, и хотения жизни, и все-все хорошее. Мы когда из консерватории вышли, видим, мальчик маленький идет. Так захотелось ему что-нибудь хорошее сделать! Сказать: мальчик, какой ты славный, на тебе конфетку. Только у нас конфетки не было.
СВЕТА. А что вы хоть слушали?
ТАНЯ. Равеля исполнили и еще кого-то, я забыла. Да неважно! Была просто музыка, была консерватория. Слово само какое красивое — консерватория! Вот ты, ты хоть раз там была?
СВЕТА. Нет.
ИРА. Вы, москвичи, вообще странные. Здесь у вас и театры, и музеи, и просто улицы красивые старинные, но вы же нигде-нигде не бываете. Свой собственный город не видите. И увидеть не хотите.

Живем, как в скорлупе. Хочется выбраться из нее, глотнуть свежего воздуха, крикнуть: люди, я же существую, посмотрите!

СВЕТА. Может, ты и права.
МАША. Для нас Москва — место, где мы живем, работаем, учимся. А на экскурсии ездим в другие города. Ты, Ира, думаешь, только москвичи такие? Я вам сейчас историю расскажу. В нашем доме, у соседей с седьмого этажа, жил один английский студент, Джейк. На несколько месяцев приехал, по студенческому обмену, его в эту семью поселили. Здесь, в Москве, он встретил девушку, и они друг друга влюбились...
ТАНЯ. Вот повезло!
ИРА. Кому?
ТАНЯ. Девушке, конечно. Англичанин, и все такое. Представляешь, поженятся, он ее в Англию увезет...
ИРА. Ну, ты рассуждаешь... Ах, англичанин, ах, какое счастье! В чем счастье-то? Что он иностранец, в этом только?
МАША. Да подождите, я не о том. Повезло — не повезло... Короче, Джейк уехал, а ей оформил приглашение, и она месяц провела в Англии. Он потом своим бывшим хозяевам письмо написал. Про то, как все было замечательно там у них с Леной и хорошо. И еще было написано примерно так: „Я хотел показать Лене Англию и при этом понял, что сам ее никогда толком не видел. Не обращал внимания даже на те дома, мимо которых ходил каждый день. А они, оказывается, очень красивые. А сельскую Англию вообще себе не представлял. Если бы не Лена, так никогда, может, и не узнал бы собственную

страну. Так что не только мы, москвичи, такие равнодушные. Нам кажется, что интересно не там, где мы живем, — интересно в каких-то других странах и городах. Вот тот же Джейк. Он часами по Москве бродил, все ему было в диковинку. А свою Англию и не знает вовсе.
СВЕТА. Мы еще мало прожили на свете. Есть время — успеем и по разным местам поездить, и людей увидеть, и страны другие.
ИРА. Не так и мало — большой уже кусок жизни позади.
СВЕТА. Мне жизнь так представляется. Орек грецкий, а в нем человек сидит на самом дне. Он, в общем-то, живет, существует, но понимает, что настоящая жизнь где-то там, выше, что надо из этого ореха выбраться. И он летит, летит вверх, но руками и ногами отталкивается, чтобы выйти, настоящего воздуха глотнуть, чтобы крикнуть: люди, я же существую, посмотрите!
МАША. Ну а ты? Уже выбралась

или в грецком орехе еще?
СВЕТА. Я пока еще в скорлупе этого ореха. По-настоящему выбраться, когда узнаю, какая я на самом деле.
ИРА. Я, наверно, тоже еще в скорлупе. Все время чувствую: какие-то перегородки между мной и другими. Непонимание...
ТАНЯ. Да ну вас! Какая скорлупа? Все прочее. Есть плохое, но ведь и хорошее тоже есть.
МАША. У меня недавно такая радость случилась! Просто огоркая. Звонит подруга, говорит: приходи к метро, у меня для тебя сюрприз!
ИРА. Так почему-то завидовала, прямо колени затрясла — какой сюрприз? Курточку наизула — по-бежала. Вхожу в вестибюль, а там, возле эскалаторов, стоит Андрей. Такой ровненький, стоит в морской форме, и цветет в руке.
ИРА. Из армии вернулся?
МАША. Не совсем, на побывку только. Сейчас уже снова служит.
ИРА. Дождался его?
МАША. Я его жду, очень. А дождется ли? Не хочу загадывать... Ну вот, стоит он с этим цветком, я его увидела, чувствую, ноги не идут, все-все во мне остановилось. А потом, даже не поняла как, мы уже обнимаемся, и цветок этот несчастный упал, и я от радости так кричу, так кричу! На все метро. Люди, наверно, думали: вот дурочка какая. А я была совсем-совсем счастливая...

Стенографировала
Е. БОЛДЫРЕВА

В РУБЛЯХ И САНТИМЕТРАХ

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ

- чтобы о вас и о вашей деятельности узнала вся Россия и соседние государства;
- продать или купить что-либо;
- предложить работу;
- и другие рекламно-информационные объявления, в т. ч. „частные объявления“.

РАЗМЕЩАЙТЕ РЕКЛАМУ В ГАЗЕТЕ

„ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ“.

Реклама будет оформлена, как вы пожелаете.
Стоимость рекламы умеренная:

- полоса газеты — 240 тыс. руб.
- 1/2 полосы — 130 тыс. руб.
- 1/4 (527 кв. см) — 77 тыс. руб.
- 1/8 (263 кв. см) — 47 тыс. руб.
- 1/16 (132 кв. см) — 30 тыс. руб.
- 1/32 (66 кв. см) — 19 тыс. руб.
- Цена одного 1 кв. см — 300 руб.

Тарифы даны без налога на добавочную стоимость и налога на рекламу.

СКИДКА ДЛЯ ВАС:

количество публикаций: 2 3 4
скидка %: 5 10 15

В приложениях к газете „Первое сентября“
стоимость полосы (1053 кв. см) — 120 тыс. рублей.

Наш адрес:

101000, г. Москва, ул. Маросейка, 11/4
Редакция газеты „Первое сентября“.

Расчетный счет 609101 в Мосэлбанке, ОПЕРУ ГУ РФ МФО 201779.

Телефоны:

(095) 941-40-55 — Отдел распространения и рекламы,
925-50-69, 925-54-34 — редакция.

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ

Если вы пришли домой к ученику, вы просто обязаны хвалить его.
Гости не имеют права бранить хозяев.

19 декабря

первое

сентября

№32

19 декабря 1992 г., суббота

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

О ВЫБОРАХ в Российскую Академию образования

Российская Академия образования сообщает о выборах действительных членов (академиков) и членов-корреспондентов РАО по следующим отделениям:

- 1. ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ**
По направлениям: теория и история педагогики, философия и социология образования.
Число вакансий: 4
действительных членов (академиков) — 3
членов-корреспондентов — 1
- 2. ПСИХОЛОГИИ И ВОЗРАСТНОЙ ФИЗИОЛОГИИ**
По направлениям: психология, возрастная физиология, дефектология, коррекционная педагогика.
Число вакансий: 4
действительных членов (академиков) — 3
членов-корреспондентов — 1
- 3. ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ**
По направлениям: нравственное и эстетическое воспитание.
Число вакансий: 4
действительных членов (академиков) — 5
членов-корреспондентов — 8
- 4. ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**
По направлениям: содержание образования, частные методики, управление и экономика общего среднего образования.
Число вакансий: 4
действительных членов (академиков) — 6
членов-корреспондентов — 8
- 5. ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**
По направлениям: педагогика профессионального образования, управление и экономика профессионального образования.
Число вакансий: 4
действительных членов (академиков) — 5
членов-корреспондентов — 9

Действительными членами (академиками) РАО, согласно Уставу, могут быть избраны ведущие ученые, педагоги, деятели народного образования и культуры, обладающие российским образованием, имеющие первостепенного значения, имеющими новаторский характер. Членами-корреспондентами РАО, согласно ее Уставу, могут быть избраны видные ученые, педагоги, деятели народного образования и культуры, внесшие большой вклад в российское образование. Действительным членом Российской Академии образования, научным учреждением, учебным заведением, государственным и общественным организациям, органам народного образования предоставляется право в течение одного месяца со дня ланной публикации о выборах письменно сообщить Президенту Российской Академии образования с соответствующей мотивировкой имени кандидата по направлениям, указанным в публикации. Выдвижение кандидатов учреждениями проводится на заседаниях ученых, научно-технических и педагогических советов, коллегий, президиумов путем тайного голосования простым большинством голосов. На каждого кандидата представляются следующие документы (в одном экземпляре):
— представление на кандидата с обоснованием выдвижения,
— выписка из протокола тайного голосования,
— личный листок по учету кадров, автобиография и 2 фотографии размером 4х5 см,
— копии дипломов о высшем образовании, о присвоении ученых степеней и ученых званий,
— список научных работ (форма 3).
Документы должны поступить в Российскую Академию образования не позднее одного месяца со дня публикации о выборах. Материалы направляются по адресу: 119905, Москва, Погодинская улица, дом 8, комната 526. Российская Академия образования (телефон 245-35-54).
Российская Академия образования

Мужчинам для счастья не так уж много надо.
Хорошая жена, деньги на семью да надежная работа.

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Сколько стоит жизнь человека? Философы утверждают, что она бесценна. Жизнь С. Львова, В. Надежина, В. Петровского, В. Кольцова и С. Арбаченко стоит десять тысяч рублей в месяц. Они — охранники.

СТЕНОГРАММА № 31 Из караульного помещения

Работа у нас такая...

С. ЛЬВОВ. Многие в первую очередь обращают внимание на нашу зарплату, а что за эти деньги жизнью рискуем — не замечают. Мы фактически безоружны. В молодых конторах даже телефона и сигнализации нет, в случае чего и на подмогу не позовешь. Недавно был принят закон о ношении оружия, но как он работает — для меня загадка. Если для предотвращения хулиганств достаточно одной физической подготовки, то в банке, где есть ценности, компьютеры, действовать голыми руками смешно. Хотя бы газовые пистолеты дали! На Западе, если ты нормален и имеешь разрешение на ношение оружия, — пожалуйста, покупай! А у нас? Поймите правильно, я в принципе против свободной торговли оружием: у людей нет навыков обращения с ним. Но охранникам-то каково работать!

пока у нас дельцов настоящего, высокого класса.
С. ЛЬВОВ. Вообще-то коммерсантам быть неплохо, но бизнес лишь молодежи легко дается. А что сорокалетним делать? На свалку истории отправляться? Каждый человек имеет право нормально жить. А у нас даже необходимое превратилось в предметы роскоши. Пока копилка на холодильник, его цена с семидесяти тысяч до сорока скакнула. Где их взять? Разве что в долг под проценты. И что в этот холодильник класть? На продукты уже денег не хватает. Предметы первой необходимости должны быть доступными. Мужские деньги для счастья не так уж много нужны. Работать на одном месте да отдыхать в выходные, а не бежать сломя голову подрабатывать. А то получается: семья не видишь, детей не воспитываешь. У мужчины должна быть такая зарплата, чтобы он мог содержать семью, быть кормильцем. А женщина пусть хозяйством занимается. Ведь та же преступность во многом из-за того, что дети находятся без присмотра. Пока матери работают, они предоставлены самим себе. Но вообще-то женщины — народ своеобразный. Им всегда чего-нибудь не хватает, вечно они недовольны. Да мужчинам памятник ставить надо за то, что мы хоть как-то изворачиваемся, а они — ворчат.

В. НАДЕЖИН. Тут я в совсем согласен. Когда у человека есть оружие, это серьезный психологический шаг к уверенности в себе, которой нам так сейчас не хватает. Так и пишете: я обмениваю руками за продажу оружия, но... в разумных пределах. Сделать его достоянием всех в один момент опасно. Человек должен знать, в каких случаях допустимо применять оружие. Иначе, знаете, какая палба начнется? Народ-то раздражен до крайности. А теперь о Западе. Любит у нас проводить сравнения. Зачем, когда уровни жизни совершенно разные? Своими глазами, правда, не видел, а по газетам судя, на Западе у охранника есть и оружие, и правовая защищенность. Там больше рассчитывают на технику, здесь приходится полагаться на человека. Но оружие нам, конечно, не мешало бы.

В. ПЕТРОВСКИЙ. Мой пост — за стеклянной дверью, с улицы каждый может увидеть. Вышибай дверь и заходи. Так мало этого. Сейчас мода такая пошла — захватывать здания. И когда одна организация врывается в помещение другой, противостоят опять же кто? Охранник. В учреждении, где я работаю, много разных контор, и хотя это не входит в мои обязанности, приходится выполнять роль информационного бюро, рассказывать, как куда пройти — тоже дополнительная нагрузка. Бытует мнение, что охраняющий — человек второго сорта. Я понимаю, такое отношение — результат давнишних стереотипов, когда охранники существовали только потому, что... так было положено. Но теперь криминальная обстановка резко изменилась, и мы стали очень нужны, но не все, к сожалению, ценят нас по достоинству.

С. АРБАЧЕНКО. Верно. Охранника часто путают со сторожем и смотрят на него свысока. Редко кто знает, что в отличие от сторожа мы действительно защищаем. Лучшие всех к нам относятся те, кого мы защищаем, хуже — те, от кого защищаем. Крепко они нас не любят.
С. ЛЬВОВ. Начальство тоже не всегда жалует. Иной раз из-за предрейтингового отношения и работу менять приходится.

В. ПЕТРОВСКИЙ. Хороший начальник должен быть справедливым, дело свое знать. Я люблю подчиняться человеку интеллектом выше меня.
С. АРБАЧЕНКО. А для меня все начальники плохие, терпеть не могу, когда мною командуют: встань, развернись, подвинься. Я вообще не люблю подчиняться. И потому хочу иметь собственное дело. Раньше ведь оно чуть не у каждого человека было: кто имел лавочку, кто лавку... Даже названия улиц лавали по профессиям тех, кто там работал. Я мечтаю о том, чтобы было свое дело, а в свободное время — путешествовать.

Мужчина и женщина

В. КОЛЬЦОВ. Деньги сейчас многие любят. Но мне кажется, нет

на помощь, а если никого нет, лучше уж отдайте сумку, деньги. Это дело наживное, жизнь дороже.
С. ЛЬВОВ. Главное, надо кричать изо всех сил. Если вас держат за руки, бейте обидчика ногой чуть ниже колена, по голени, или наступайте ему каблукон на пальцы ног. Универсальное оружие — зонтик...
В. НАДЕЖИН. Учтите, на целую минуту вы отключите человека все равно не сможете, не пытайтесь. А вот ошарашить на несколько секунд — вполне реально. Старайтесь бить по болевым точкам. Конечно, нормальный человек не привык причинять боль ближним, но в борьбе за выживание годятся любые средства.

С. АРБАЧЕНКО. Только не думайте, что охранники какие-то кровавые люди. А то журналисты навальничали выставлять нас в таком неприглядном свете, что сам себя не узнаешь. «Что вы, дескать, испытываете, когда бьете человека?» Мы же не звери. Я и мои товарищи вообще всегда считаем, что бить человека — последнее дело, мы не бьем, а самообороняемся, это разные вещи.

В. ПЕТРОВСКИЙ. Большинство женщин, хочу добавить, страдают из-за того, что совершенно не готовы к нападению, а ведь его надо предвидеть, особенно если едешь в лифте, заходящий в темные места. Если ты не способен защищаться, это не доброта и не гуманность, а всего-навсего неумение постоять за себя, и гордиться тут нечем. Что же это за мужчина, если он не может защитить спутницу или слабого? Я таких мужчин не понимаю.

Философия преступности

В. КОЛЬЦОВ. Жить сейчас стало опасно. Не знаю, чем все это кон-

ники, охранники будут нужны. Возможно, многие фирмы уводят бабушек-вахтеров и возьмут профессионалов. Нет, я не агитирую молодежь идти в охрану, я только размышляю... Есть вообще высокие профессионалы. Охранники нашего президента, например. Хотя, признаться честно, я тем ребятам не очень завидую. Работать у Ельцина сложно, ведь он в любой момент может остановить машину и выйти пообщаться с народом. Мало ли какой неформальный поладится...

В. КОЛЬЦОВ. А вы не пробовали вычислить самый криминальный возраст, когда глупостей делают больше всего? Соглашайтесь или нет, но дело в основном приходится иметь с молодыми людьми двадцати трех — двадцати восьми лет. Говорят, у них в это время возраст переломный, себя проявить хочется, да вот беда, учиться и думать лень, работать тоже не тянет, только сила у них и остается.

В. НАДЕЖИН. Я всегда спорил с теми, кто считал преступниками людей с психологическими отклонениями. Как угодно, вроде они не виноваты, что так не повезло с развитием.

О пользе интеллекта

В. ПЕТРОВСКИЙ. Я думаю, виновато воспитание. Не уехали за человеком ни родители, ни школа, он и сбился с правильного пути. Особенно важна школа. Но где традиции русского классического образования? Традиционное учение в России было комплексным, сочетавшим в себе образование с воспитанием. В школе была строгая дисциплина, там формировалась манера поведения, закладывалось уважение к старшим. Почему сегодняшние дети иногда говорят, что им повезло с педагогом? Счителем не должно везти, он по сути своей профессии просто обязан быть хорошим. Учить — это Божий дар, который есть далеко не у всех, зачем же идти преподавать, если у тебя нет этого дара? Мое мнение — медиком и педагогом можно быть только по призванию. Я педагогом даже выше ставлю. Ведь врач кто учит? Педагог. Но и сам себе, я думаю, каждый должен быть учителем. Если не хочешь узнавать новое, что ты за человек? Я, например, на работе, как свободное время выберется, за хвосту не сочитаю, с огромным удовольствием читаю историческую публицистику, разные статьи по истории.

В. НАДЕЖИН. Очень жалею, что раньше не придавал значения учебе. По молодости хочется денег побольше заработать, а понимание важности образования приходит только с возрастом. Но уже не ни времени, ни средств, да и работу так просто не оставишь, семью кормить надо. Мы живем в суматошное время, когда все происходит в спешке на ходу: учишься, работаешь. Сейчас ты не прочь поучиться, но возможности увы, нет. В контору, где я работаю, часто приходят иностранцы и, не зная, кто я такой, обращаются ко мне с вопросами. Удивительно, но охранники, оказывается, нужен английский язык, вот бы никогда раньше этому не поверил! Безусловно, в школьном деле есть недостатки. Я где-то читал, что человек лучше запоминает и усваивает материал, если знает, что он ему в дальнейшем будет нужен. А если человек понимает, что, по себе судя, эти знания ему не пригодятся, то ничто не в силах заставить его их воспринять.

С. АРБАЧЕНКО. Не удивляйтесь, но даже в нашей профессии главное — не сила, а ум. Знаете, сколько надо уметь? Посчитайте. Уметь предостаточно драку и разбираться при помощи слов — два, ориентироваться на местности — два, обладать способностью уговаривать и успокаивать толпу — три, быть хладнокровным и не терять головы — четыре. И все вертится вокруг психологии, причем психологии высокого класса: попробуйте-ка вызванных людей остановить!

успокоить. Как и мои коллеги, я поздно убедился в необходимости образования. С удовольствием — верите ли? — прошел бы программу десятого и одиннадцатого классов. Наверное, мои товарищи не будут возражать, если я скажу, что в нашем деле любой прием лучше грубой силы, а ведь прием — это и есть ум.

В. НАДЕЖИН. Возражать не будем. Конечно, одно из основных требований для охранника — обладать физической подготовкой, но психологическая — важнее. В нашей профессии действительно без хладнокровия, врожденного или выработанного, невозможна работа. Говорят, в здоровом теле — здоровый дух. А на Востоке трактуется это изречение немного по-другому: тело и душа должны развиваться параллельно. Мне кажется, что духовно сильный человек всегда победит того, кто силен только физически. По крайней мере я верю в это.

Стенографировала Е. СТАНОВА

ПОЕХАЛИ В ОБХОД?

Политическое обозрение

Самый главный вопрос, который лично меня заботит после всех политических пертурбаций последних двух недель, это — когда же мы наконец перестанем растраниживать океаны эмоций и убивать невостанавливаемые нервные клетки по поводу съездов, сессий, заявлений, назначений, отставок и прочая, прочая, прочая? Беру такси — срочно надо добраться откуда-то с дальнего конца Ленинского проспекта в Строгино. А водитель мне и говорит — не поспею, дескать, через центр Москвы. Ельцин только что обратился к народу с съезду, так в центре все, наверно, перекрыто, а может, уже и танки ввели. Спорить с человеком сильно себя старее и не стал — ему, пожалуй, виднее. Так и поехали в обход, сначала по Рублевке, а дальше по «дороге смерти» — МКАД.

А я-то накануне рассуждал примерно так. Забаллотировал съезд народных депутатов Егора Тимуровича Гайдара. Печально, конечно... Оппозиция пыталась представить его авантюристом-экспериментатором, отвлеченным теоретиком, но на любой непредвзятый взгляд это была очевидная неправда. На посту и.о. премьера России находился профессиональный экономист с годичным опытом проведения реформ в стране, где, как известно, реформы проводить невероятно трудно и столь же невероятно рискованно. Но оставлять Гайдара людьми правдами и неправдами на премьерской должности тоже особого смысла не имело. И Верховный Совет, и извините за выражение, спикер в оставшихся до очередного исторического апрельского съезда времени, конечно бы, использовали все возможности, чтобы помешать гайдаровской команде нормально работать, при этом продолжая создавать «окулачному правительству» имидж всеороссийского козла отпущения. Тем более удобно было бы народным избранникам умирать руки, если бы Гайдар оставался не утвержденным съездом, а лишь назначенным Президентом и.о. Поэтому, как мне казалось, Ельцину следовало бы найти компромиссную фигуру на пост премьера, дав тем самым порулить какому-нибудь более-менее прогрессивному ставленнику директорского лобби. Тогдашняя ситуация на съезде это, кажется, вполне позволяла. А к нам, релю, глядишь, и Гайдара вспомнили бы добрым словом.

премьера назначен политик, принадлежащий к совершенно иному и социальному, и даже психологическому типу, нежели Гайдар. Это бывший член ЦК КПСС, управленец, представитель военно-промышленного комплекса и, если угодно, командно-административной системы.

Но то, что мы называем ВПК, — это практически и есть все наше машиностроение, электронная и аэрокосмическая промышленность, производство металлов, топливно-энергетические отрасли. Это значение многих лет он управлялся тем способом, что мы называем административно-командным. Другого способа не существовало. Думается, что многие из капитана промышленности вполне готовы к тому, чтобы принять перемены и работать в новых условиях, тем более что, скажем, приватизация выгодна директорскому корпусу. Но индустриальная Россия не успевает за быстрым шагом либерально-монетаристских реформ. Нужно время, нужна, наконец, пауза, передышка, чтобы изменить формы собственности и систему управления на крупных производствах, чтобы переменить структуру производимой продукции и сделать предприятия способными гибко реагировать на рыночный спрос. Но до того, как эти перемены произойдут, часть до поры до времени неэффективных, но перспективных в будущем производств нуждается в государственной поддержке. Иначе мы рискуем слиться с миром. Иначе мы можем получить деиндустриализованную Россию и толпы люмпенов, в которых превратятся квалифицированные рабочие и инженеры. И именно реакция на то тяжелое положение, в которое попала крупная промышленность в результате стремительных гайдаровских реформ, и стало усиление политического влияния лобби «производственников» и как логическое завершение — появление «их» человека сначала на посту руководителя Минтопэнерго, а потом и во главе правительства.

Все это, однако, не означает, что «углубление реформ» по-директорски, при всей законности этого процесса, обойдется без разного рода издержек. Упирая на необходимость приоритетного развития в государственной поддержке. Иначе мы рискуем столкнуться с социальными проблемами, новыми перемены уже успев пообщаться не допустить гиперинфляции. Каким образом он собирается выполнить эту «двухдневную задачу», ясно пока не очень, но что-то не слишком рыночным скрывается за высказыванием Черномырдина о «совершенствовании системы цен». Во всяком случае, замораживание цен и зарплат председателем правительства, видимо, не исключает из арсенала борьбы с возможным резким увеличением инфляции.

Есть и другие моменты. В высказываниях нового премьера сквозит прямо-таки классовое (и отчасти партийное) — это к вопросу о социальном и психологическом типе) неприятие, а — ну скажем — пренебрежение по отношению к мелкой частной собственности. Я имею в виду слова об «опутанной лапками державе» и как бы сквозь зубы высказанное признание прав на существование малых частных предприятий. Очень бы не хотелось, чтобы для латания дыр в бюджете и на радость части народных масс новое правительство при помощи налогов и строительного-разрушительного техники попольствова бы свести счеты с и без того не слишком могущественным частным бизнесом. Но увы — традиции демонстрационной политики и публичной ломки дров весьма сильны у нас, а особенно в практической деятельности руководителей определенного типа.

В целом создается впечатление, что политика нового кабинета в очень скором времени потребует возвращения к монетаристской политике финансового стабилизации, и, думается, это вновь потребует перемены в правительстве. А пока пусть новый премьер собирает свои команды. Успехов ему! И довольно считать рано... Нервы надо беречь.

О. МАКАРОВ

Полезные советы

В. КОЛЬЦОВ. Хочу дать женщинам несколько профессиональных советов, может, кому-нибудь они помогут. Видите, что вокруг творится? Шпаны полно, уголовников, пьяниц, за женщин — просто страшно. Если на вас напали, постарайтесь избежать драки. Нападающему справиться с вами трудно не составит, а от сопротивления он еще больше озлобится. Позовите

читается, может, завтра будет лучше? А пока уверен, что работой лет до сорока, пока молодой и крепкий, обеспечен. Вот друг мне подкажы, хороший друг, хирург, между прочим, что первым убийцей был брат Авеля из зависти. Конечно, точка зрения спорная, но вот что у любого вождя дикарей была своя охрана, это — наверняка.

В. НАДЕЖИН. Насчет дикарей не знаю, но согласен, лет до сорока нам работа хватит. А потом... Наверное, пока есть мужики и преступ-

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Дети любят разговаривать о телесериалах. А почему бы не использовать это для развития речи? Может быть, начать урок с пересказа вчерашнего фильма?

24 декабря

первое сентября

№34

24 декабря 1992 г., четверг

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

НАЧАЛО ЕСТЬ

Недавно мы объявили для наших читателей конкурс сочинений на вольную тему. Он обещает больше, чем «Лотто-миллион»: путешествие с детьми в Москву. И вот Андрей Жданов из Архангельска прислал первый материал с пометкой: «На конкурс». Читайте и оценивайте. Спешите составить конкуренцию!

Мы все хотим одного-единственного: жить по-человечески здесь и сейчас

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Место действия: областная больница сибирского города К., шестиместная палата в хирургическом отделении.
Действующие лица: так случилось, что из шести человек, ждущих своей очереди на операционный стол по поводу язвы желудка, пятеро — Володи; волей-неволей в палате ввели в обращение необычные прозвища:
Динамит — взрывник-горнопроходчик; российский татарин, живущий в Таджикистане.
Генерал — отставной военный из К.
Давид — лесничий из-под Свердловска; российский немец.
Карасик — колхозный механизатор из К. области; Карасиком стал из-за густо-медного цвета шевелюры.
Музыкант — бас-гитарист в ресторанном оркестре Таганрога.
Дед — заведующий районной библиотекой; петербуржец; сед, бородат.

В ОЖИДАНИИ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

ДЕД. Я перел тем как сюда уехать, целый день по городу ходил и наткнулся на коротенькую улочку имени В. уроженца К., знаменитого на всю страну поэта В. Ну-ка, местные, кто его стихи читал? Ага, молчите. Стоит на этой улочке здоровенный щит с цветным портретом В., с его биографией, и есть там слова о том, что В. — гордость города и вообще Сибири. А портрет-то вышел так, что и лица не разглядеть. В подлиннике треть слов дождями смыло. Вот вам и гордость! Тысячи людей, живущих на этой улочке-коротышке, каждый день мимо ходит, и хоть бы кто эта картина заметил, хоть бы кто за своего земльца обиделся.
ГЕНЕРАЛ. Они все сами обижены — нынешней жизнью. Любого спроси, кто из них в завтрашнем дне уверен, ох, и далеко тебя пошлют. Я по себе сужу: ложусь спать и не знаю, на каком свете проснусь — в Российской Федерации, республике Волная Сибирь или в японской провинции.
КАРАСИК. О, генерал, верно говоришь. Мои годы еще только начинаются, жить бы да по сторонам поплавать, а не поучиться. Все время словно бы землетрясения ждешь.
ДИНАМИТ. Ну, вы-то еще как в раю живете. На той неделе один грузин выплылся. Куда он долечиваться поехал? Правильно, в пекло. Здесь он медийной пропах, а там его пороком подкоптят. Или меня возьми. У нас в подъезде шесть семей живут, так мы на рынке в складчину «калалашникова» купили и по очереди с этой игрушкой ночные дежурства несем. Не, все верно, как на болоте живешь: слева — зыб, справа — зыб, того и гляди с макушкой провалишься.
ДЕД. Таджикистан да Грузия — дело особое. В других местах без стрельбы обходится, спокойно.
ДИНАМИТ. Спокойно да не здорово. Погодите, как станут у вас, в России, батоны по сотне за штуку продавать, так и здесь бо-ольшая драка начнется.

ПОЛТОРА ЗЕРНА НА ВСЕХ

ГЕНЕРАЛ. Что ты, взрывник, душа твоя пироксилиновая, каркаш? С чего бы это батону сотню стоит, когда во всех газетах писали, что урожай хороший выдался. Эй, колхозник, что насчет урожая скажешь?
ДАВИД. Про это и я могу сказать. Был недавно на одном элеваторе. В прошлом году его под завязку забрили, тридцать восемь тысяч тонн. А сейчас хурину туда запустили, зерна полтора вылетят, если очень постарается. Так что урожай, может, и есть, да про чью честь?
ДЕД. Да куда же зерно подевалось?
ГЕНЕРАЛ. А разные там карасики в колхозах-совхозах жмут да гноят.
КАРАСИК. Не гноим, но ждем. И правильно делаем. Пока нормально цену за него не даст государство, будете на всех полтора зерна делить.
ГЕНЕРАЛ. Нормальную цену? Да ты, взрывник, знаешь, что нам уже не один раз закупочные цены увеличивали? Куда же вы эти денюжки про... прости господи, профукали?
КАРАСИК. Это я, что ли, про... в общем, профукал? Я нынешним летом первый раз вором стал. У нас в поле сеносилку оставили и забыли, вся бурьяном заросла. Мы с корешом пузырь распили, пошли, да и раскурочили ее. А колхозу родному на память одну таяку оставили. Так что я с богатств таких на

пару железных колес попольстился?
ГЕНЕРАЛ. Да ведь не с голоду же ты пошел ее крушить, а потому что плохо лежало. Все вы так, колхозники-совхозники, полечте жизни искали, чтоб работать не до поту, вот вас теперь и рушат. Помню, ездили мы под Благовещенск помогать сою убирать. Вышли в поле, глядим: от каждого стебля три-четыре черенка растут, редко-редко до восемнадцати доходило. А через Амур китайцы по восемьдесят черенков от стебля берут. Разница? В соседнем колхозе-совхозе одиннадцать китайцев по найму работали. Так председатель прямо говорил: дайте мне еще столько, я всех своих до одного уволю.

САРАЙ, ИЗБА И НЕПОСТРОЕННЫЙ ХРАМ

ДИНАМИТ. Да бросьте вы крестьян в лени виноватить. Я-то до города на земле работал, все знаю. На уборочной от зари до зари выложись, поставь после этого перел той самой красивой женщине, а ты на нее как на пустое место помотришь. Одна мечта — до подушки дотянуться. Да чтобы целый месяц не будили.
ДАВИД. Бездельников всегда будет хватать, какую власть ни установи. Есть у меня сосед Яков, из себя худой, как велосипед...
КАРАСИК. ...худой, как моя жизнь.
ДАВИД. Подходит, значит, Яков как раз тогда, когда я сруб под сарай рубил. Посмотрел он и говорит: «Давид, ты мою избу видел? Она еще моим отцом поставлена. А ты сарай побольше моего дома делай». Как это так получается? Яков — отвечаю, — а сколькок сыновей ты за свои семьдесят с лишком лет вырастил? Пятых? Так ты с ними не только избу новую, храм Божий построишь? Я здесь семь лет живу, ты меня хоть раз пьяным видел? Нет. А я тебя — каждый день. Вот и нет тебе избы новой? Да ладно бы он сам закладывал, а то и сыновья у него — опойки. Откуда же добру взяться? В общем, плюнул он на мой забор и ушел...
ДИНАМИТ. Что тут говорить, лодырей да пьяниц действительно хватает. Да ведь не только в деревне. Я тут в Москве месяц жил. И куда ни пойду, везде митинг. Ходят разные со знаменами, плакатами, чего-то требуют, кого-то матерят. И так — с утра до вечера. А меня любопытство разоболало: на какие такие дишши они себе хлеб покупают, если с утра до вечера в говорильнях толкуются?

КТО КОГО НАКОРМИТ

ГЕНЕРАЛ. Их спонсоры кормят, хе-хе.
КАРАСИК. У меня в семье жена да двое спинорызов, одному шесть лет, другому — четыре года. А забобчик — я один. Вот бы и мне спонсоров.
МУЗЫКАНТ. У тебя там вместо спонсоров скоро фермеры будут. Вот они всех и накормят.
ДЕД. У меня в К. знакомый появился, писатель местный. Он мне вот что рассказал. Объявили в его родном колхозе общее собрание. Пришли все в клуб, и председатель предложил желающим от колхоза отделиться, взять в собственности землю и вести хозяйство на свой страх и риск. Объясняет он всю эту механику, а тем временем весь первый ряд снимается с места — и на выход. За ним второй, третий

СТЕНОГРАММА № 33 Из больницы

ПОРЯДОК ДАЙТЕ, ПОРЯДОК!

КАРАСИК. Ну, возьми я на себя хозяйство. Технику не купишь, так что, землю вилкой пахать? Ладно, заведу вместо трактора пару лошадей. А чем их кормить, когда поля до самого плетня распаханы и сено только по лощинам косить можно. И сена этого будет — в носовой платок завернешь, и не просыплется.
ДАВИД. Я свою лошадь в этом году определенно отставлю. Кормов нет, овса нет. Нет, отставлю я ее, хоть и жалко. Прошлой весной мой мальчишка баловался да пятак и заглотал. А он у него в горле встал. Беда! В район надо везти, а это шестьдесят километров по такой грязи, что танк увязнет. Запряг лошадь — и поехали. А под грязью на дороге рывины, колдобины, трясина. До города немного оставалось, тут мальчишка как захрипел: «Батя, поворачивай обратно, я пятак от тряски проглотил!» Повернули. А если б не лошадь? Все равно отставлю, а то с голоду помрет.
ДИНАМИТ. Слышь, Карасик, когда тебе пыль в комбайне надоест глотать, ты в К. смешком махорки подавайся. Сигареты в ларьках бешеные деньги стоят, так что на твою махорку покупатели всегда найдутся. Стакан продал — пятачок в рубль в карман. Да я первый у тебя куплю. Поторгуешь так возле вокзала с полгодика и открясьшь собственную лавку. Загляну я к тебе, возьми бутылочку чего покрепче да покрасивее и без штанов домой пойду. Ведь ограбишь, а?
ГЕНЕРАЛ. С этими лавочками да эм пз, малыми предприятиями, мы нормальный честный труд вконец обесценили. У меня сын — бригадир на электромеханическом. Работает у него подсобилец — на все руки мастер. Налю — кузов сварит, надо — трубы уложит или цех построят. А тут на днях встречает он знакомую девушку, она прежде в заводской бухгалтерии работала, потом в какую-то артель ушла. Поговорили про жизнь, а она возьми, да и назови свою зарплату. Он так и ахнул: эта вот свистушка зарабатывает в четыре раза больше, чем он со всей своей квалификацией. Что, спрашиваю, тоже с завода побежишь? Нет, отвечает, я к своей работе прикипел, я ее люблю и не брошу, и мой ребяти так же думаю. Тоже мне, нашлись бесребреники: люблю — не люблю...
КАРАСИК. А как же ваш сын?
ГЕНЕРАЛ. Ну-у, сын, его ребята... Много ли таких?

А НЕ НАДО НАМ НИКАКОГО ВОСПИТАНИЯ!

ДЕД. Генерал, вы, наверное, за свою службу мест тридцать — сорок сменили. Неужели не было желания снять погоню и осесть где-нибудь?
ГЕНЕРАЛ. Не так-то это просто было — погоню снять. А потом, я человек старого воспитания, я бы себя чем-то вроде предателя чувствовал.
ДЕД. Ну вот, у сына вашего такое же воспитание.
ДИНАМИТ. Эх, Дед, сейчас, чтобы хорошо в жизни устроиться, ни старого, ни нового никакого воспитания не нужно. А нужно одно: уметь высмотреть, где что плохо лежит, и вовремя подосуетиться. Вот Карасик колхозное колесо уволок, да ведь сначала пузырь раздал. А тут на трезвую голову страну растаскивают да еще нам, местным дуракам, смеются. Давид, у тебя в лесу браконьеров много?
ДАВИД. Больше, чем зверья. И самые главные — местные да заезжие начальники. На них рапорта писать — все равно что на дерево собственному дедушке.
ДЕД. Дайте-ка я вам одну цитату прочитаю из Салтыкова-Шчедрина. «Да и на дело-то вышедшие посмотришь, так словно бы оно на мошенничество похоже — стало. Прежде совсем делов не было, а нынче уже слишком много, а настоящего, постоянного дела все-таки нету — все с наскоку. Прервал глотку, утащил, надул — и убог. Вот нынешнее дело». Похоже на нас?
ДИНАМИТ. Один к одному. Столько этих глотокорвателей развелось! Бизнесмены...
ДЕД. Так не все же такие.

ПОРЯДОК ДАЙТЕ, ПОРЯДОК!

ДИНАМИТ. Все, все. Я снова о Москве хочу сказать. Я там в партию Жириновского хотел записаться.
ДЕД. Почему ж к нему именно?
ДИНАМИТ. К нему, к черту с рогами — все едино, лишь бы решительный был. Жириновского на пять лет к власти пустить, он порядок наведет. Фанатика, фа-на-ти-ка надо на престол.
МУЗЫКАНТ. А если он через пять лет не захочет с престола слезать? Мне, честно говоря, что демократы, что царь-батюшка — без разницы. Я одного хочу: пожить по-человечески здесь, и сейчас. Чтобы мне когда ночью домой возвращаюсь после работы, не надо было в кармане газовый пистолет шупать. Чтобы заработанный мною рубль не превращался на следующее утро в гривенник. Мужики, вы сейчас будете долго смеяться. Наш оркестр приписан к городской филармонии, и зарплата моя там составляет... тысячу двести в месяц.
ГЕНЕРАЛ. Ну, вы там у себя навар имеете.
МУЗЫКАНТ. То-то и оно, что это — навар. Сегодня он есть, а завтра заболел, где мой навар? А вы думаете, не противно, когда подполит этот баран, вытаскивает из кармана бумажник толщиной что твой портфель и прикапывает: «Ну-ка, быстренько сбавайте мою любимую «скромничку» синий платочек». И отслюнявливает сотенный, а то и тысячный билет.
ДИНАМИТ. Вот! А фанатик безостановочно с твоим баринством борется. Он бы за пять лет дармоедами да ворьем Чукотку очень плотно заселил. Пятьдесят — шестьдесят миллионов за колхозку сядет, честные работники вздохнут свободнее. Все тогда наладится.
ДЕД. Сколько-сколько миллионов? Пятьдесят — шестьдесят? Сидит, как жидкий твой третий соотечественник? А не слишком ли тебе просторно жить станет?
ДИНАМИТ. Ничего, не затоскую.
МУЗЫКАНТ. А если самого тебя туда по ошибке? Метла-то широко поместит.
ДИНАМИТ. Чего это я такой ошибки бояться должен? Всего бояться, так лучше из дому вообще не выходить — на улице кирпич на голову упасть может. Ладно, насчет миллионов я, конечно, загнул. Но вот, что не мешает Чукотке населения прибавить, — это факт.
ГЕНЕРАЛ. Насчет Чукотки не знаю, но дисциплину в стране пора наводить. Да вы не хмыкайте: мол, раз военный, то одна дисциплина на уме. Карас-рыба, тебе говорю, предположим, твой комбайн работает как часы. Знаешь, почему? Потому что все его части дисциплину соблюдают, ни одна шестеренка в неправильном направлении не вращается, верно ведь? А у нас сейчас механизм вразнос пошел. Я иногда просто удивляюсь, как в дома свет-газ подается, поезда бегают.
КАРАСИК. А как же ваш сын?
ГЕНЕРАЛ. Ну-у, сын, его ребята... Много ли таких?

К ВОПРОСУ ОБ АНГЕЛАХ

ДЕД. Постояйте, Генерал. Вы нас всех уже неделю как знаете, успели по душам поговорить. Допускаете ли вы, что все мы здесь собрались, как и ваш сын, любим свою работу и гордимся ею? Динамит, ты своим соседям по подъезду антоимат доверяешь. Значит, никого из них за колхозку не погонизишь. Смотришь-ка, сколько нас уже набирается. А если всех, кого мы знали и знаем, припомним...
ДИНАМИТ. Вас послушать, так вокруг одни ангелы живут.
ДЕД. Ох, не одни ангелы. Иногда утром газету прочитаешь, просто сердце гадает. Но ведь, как сказал Генерал, свет-газ в дома идет, поезда бегают, Карасик на уборке лошадь похлеще негра стал. Просто сейчас время переломное, муть много со дня поднялась. Да она же уляжется когда-нибудь.
ГЕНЕРАЛ. Вот именно, что когда-нибудь. А вот Музыкант хочет нормально жить не когда-нибудь, а сейчас.
МУЗЫКАНТ. Отец мой тоже кля-

Фото Г. НЕПИЮЩЕГО (г. Кировск, Донецкая обл.)

нет все эти переломы. «А раньше так-то было... а раньше об этом и подумать не могли...» Ну, я как-то и взвораюсь. «Отец, — говорю, — ты полвека на своем судоремонтном проработал. А много ли нажил? Цветной телевизор? Твое главное и единственное богатство. Я ж, отец, помню, как в школе по три года в одних штанах ходил и мать на заднице латки ставила. Ты что ж, хочешь, чтобы и внуки твои так жили?» А он мне так ехидно: «Где же они, эти внуки? Я ведь нечаянно подслушал твой разговор с женой, боитесь вы по нынешним временам детей заводите, нищету плодить». Ну, я и заткнулся.
КАРАСИК. Я, когда у меня черные мысли появляются, мебель начинаю строить, шкаф там какой или тумбочку. Смешно, наверное, это, но когда кладу лак на стенку для шкафа, то ни о чем плохом думать не могу.

ЧТО НАПИСАТЬ НА ШАРИКЕ...

ДАВИД. Я вам, мужики, вот что скажу: никто за нас нашу жизнь не устроит. Привыкли мы по привычке Москву смотреть, все ждем, чем отсюда нас обурдуят, что для нас придумают. А в Москве кто-то кого-то за идею грызет, кто-то кого-то просто поджигает. А мне лоси вспоминаются. Они когда дерутся, то в чащобе их самих не видно. Только далеко слышно, как рогами слышится: «Хлоп! Хлоп!» Смотрю я в ящике на наши вышедшие шашки — так это называется? — и все мне чудится: «Хлоп! Хлоп!» Знаете, что нам всем надо? Собственные головы ценить.
КАРАСИК. И собственные роковы.
ДЕД. А действительно, голый у

нас худо-бедно работают, руки — не крошки. А мы как что не по нам, так в слезы. Или за «калалашников».
МУЗЫКАНТ. Я когда-то читал, что человек, глядя на металлический шарик, может сам себя загнилоттизировать. А если на шарике будет написано: «Все плохо»? Так ведь и в петлю залезть сам себя угорюшь.
ДИНАМИТ. Ты что же, предлагаешь написать: «Все хорошо»?
ДАВИД. Для себя лично я бы пять-шесть слов написал: «Завтра все будет хорошо».
КАРАСИК. Картина я себе представил. Давид везет на каталке в операционную, а он спрыскает перепустил и подумал, что все будет плохо. Соскочил с каталки, в простыню завернулся и в город леру дал.

ПРИСТУП ЯЗВЫ

ГЕНЕРАЛ. Какие мы вдруг тихие да бластные стали. «Завтра все будет хорошо...» Динамит, ты насчет колхозки не передумал? Давид, а ведь ты вроде бы хотел в Германию перебраться. Намерение в силе остается, неужели тебе здесь стало? Дед, вы утром такого мажора загибали, когда услышали о крахе в университетской библиотеке. Как протчим воров? Карасик-немокер, ты после операции в родимый колхоз вернешься, и через неделю тебя погонят в комбайне ковыряться, а тебе по всем человеческим и медицинским законам надо бы еще месяца два в себя приходить. Может, все-таки махорочкой у городского вокзала поторгуешь? Или свой любимый отлакированный шкаф с тумбочкой коммунистическому за большие деньги загонишь?
КАРАСИК. Может, и загоню...
ГЕНЕРАЛ. Музыкант, ты газовый

пистолетик для безопасности носишь, а ведь он тебе в три-четыре твоих филармонических получки обошелся. Продай и купи запасные штаны, пока они в цену коротышки не встали. Ну, а я грязную старинную, разложу сынка на колени и вогну ремнем ума-разума, чтобы он со своей любимой работы шел в МП брошки-серезжи гнуть за хорошую денюгу. А то я ведь наследству ему не оставлю, нечего. Ну, как я вас по полочкам разложил?
КАРАСИК. Себе на полочке места не подыскал.
ГЕНЕРАЛ. Я пчел держу. Так вот, по весне уеду попольские, поставлю улья, а предельноительно пчел, как немецких овчарок, выучу, чтоб ни одного человека ко мне не подпустили. И сына — тоже, если с завода не уйдет.
ДЕД. Генерал, Генерал, вы, наверное, лекарство тоже забыли принести, вот у вас приступ язвы и разыгрался.
КАРАСИК. Честное слово, Генерал, вы что-то под конец с черной красочкой перестарались. А жизнь, я думаю, как трава мать-и-мачеха: с одной стороны белая, с другой — зеленая. Эх, скорее бы до дому добрался!
ДИНАМИТ. К жене заторопился?
КАРАСИК. Ну!
ДЕД. Знаете, пока нам есть к кому торопиться, не все так уж плохо.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ ВСЕМ

ГОЛОС МЕДЦЕСТРЫ. Да когда ж вы утихнете, окейные!
ГЕНЕРАЛ. Все, командир, молчи. Мужики, спокойной ночи.
КАРАСИК. И вам того же...
Стенографировал
Ю. ГРИБАЧЕВ

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Во всей педагогике есть только одна действительно неразрешимая проблема: учить ли детей давать сдачи обидчику, или учить терпению. Будьте осторожны в своих призывах.

100 лет первое сентября

№4(40)

12 января 1993 г., вторник

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

Школы теперь разные: государственные, частные, обыкновенные, альтернативные, параллельные и перпендикулярные.

Есть лицеи, колледжи, гимназии, прогимназии.

В действительности же все школы, какие бы они ни были, делятся на две группы: те, в которых любят детей, и те, в которых не любят.

Любовь к детям — если говорить о школе — это не столько чувство, сколько традиция.

В одной школе все и всегда думают о детях, тепло говорят о них, посмеиваются над ними, огорчаются из-за них — любят.

В другой думают о порядке, о том, чтобы в гардероб шли строем, о накоплении отметок, о дисциплине.

В одной школе детям тепло, в другой холодно.

Холодную школу теплой не сделаешь. Никакие усилия не помогают, никакие системы не работают. Холодную школу можно согреть только сердечным усилием взрослых.

Сначала согреть школу, потом уж внедряйте новые программы и системы.

превращается. Глаза горят, румянец во все лицо. Нет на свете ничего важнее, чем попать мячом в кольцо! А рядом сын или даже внук за нее болел, помогает, подкашивает, и какая же радость, когда непослушный мяч все-таки попадает куда надо. А потом вместе гордо идут на заработанный жетон что-то покупать: советую, прикидывают, решают.

СВETA. А в прошлом году все продавалось за деньги, конечно, за очень небольшие, пять копеек, десять. Потом пошли все вместе в магазин и на заработанные деньги купили точилки для карандашей, причем не все одинаковые, а каждый выбрал то, что нравился.

ТАНЯ. Так незаметно время идет! Вроде только вчера поступала в колледж, тогда педагогическое училище номер восемь, сдавала вступительные экзамены. А на следующий год придется расставаться.

СВETA. У нас очень хорошее училище, то есть колледж. Женский монастырь — мальчишек почти нет. Но девочки в основном такие все хорошие. И преподаватели. Какую добрую атмосферу парит. Нам с Викой хорошо, мы москвички. А вот Тана и Марине тяжело приходится. Тана живет в Обухове, Марина — в Монино. Чтобы успеть на занятия, приходится вставать иногда в четыре-пять часов утра.

МАРИНА. И целый день есть хочется. Утром не успеваешь обычно позавтракать, да и какой завтрак в пять утра? Домой возвращаешься вечером.

ВИКА. Мы обычно покупаем в ближайшей булочной буханку хлеба. Один раз поварица выглянула и позвала нас в буфет. Мы мнемся, стесняемся сказать, что денег нет на обед, она махнула рукой, налила всем чаю: пейте на здоровье, все равно пропадет, чего вы всухомятку хлеб жуете, с чайком все же получите будет.

ТАНЯ. Да мы не жалеемся. Сейчас всем трудно живется. Переживаем как-нибудь трудные времена, перетерпим.

Конец, перевертывай. А пока на магнитофонной пленке то и дело звенит, перебивается веселый детский хохот...

Стенографировала
Р. ФИРСТОВА

В детском саду, как в семье. Каждый ребенок — неповторим

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ
СТЕНОГРАММА

Таня Жаренкова, Света Сидякина, Марина Ушкава и Вика Михайлова учатся на третьем курсе Московского педагогического колледжа. Измайлово — на отделении дошкольного воспитания. Проходят практику в детском центре. Ходят к своим малышам раз в неделю, но впечатлений накапливается столько... Месяца не хватит, чтобы ими поделиться. Сегодня они собрались у Вики дома. О чем разговор?

СТАРШИЕ И МЛАДШИЕ

МАРИНА. Моя школьная учительница сохранила одно из моих сочинений на тему «Кем хочешь быть?». Я написала: или доройкой, или воспитательницей. Как видите, детская мечта близка к свершению. Думаю, что немалую роль в выборе профессии сыграла моя мама. Она работает в детском саду, и я с детства была среди детей. После школы немного поработала в детсаду у мамы, убедилась, что это — мое дело, пошла учиться по специальности. Но детский центр, в котором мы проходим практику, — совсем другое, на обычный детский сад не похожее заведение.

СВETA. Во-первых, в группах здесь воспитываются дети разного возраста — от самых маленьких, едва научившихся ходить, до первоклашек.

ТАНЯ. Уточнюю: включая перво-класски! Эти дети утром приходят в центр с ранцами, как обычные школьники. Но не садятся сразу за парты, а складывают свои ранцы в отведенное для этого место и вместе с другими ребятами идут завтракать, а потом играют, гуляют...

ВИКА. В какой-то момент приходит учительница и уводит школьников в учебную комнату. Там они занимаются по школьной программе, а потом возвращаются обратно и продолжают свою детсадо-

УЧИТЬСЯ — ЭТО ИНТЕРЕСНО СОВСЕМ ДРУГОЙ МИР

МАРИНА. Знаете, что меня удивляет и радует? Отношение к малышам — как принято между воспитанными взрослыми. Обычно ведь как бывает: все распложено по минутам. Пришло время занятий — поступает команда все отложить немедленно и приступить к ним, или спать идти, или еще что-то. Все бросай и приступай, к чему приказано. А человек занят делом, ему, прежде чем самому лечь спать, надо куклу уложить. Ну дайте ему на это время, а еще лучше — помогите, быстрее ведь вдвоем получится.

ВИКА. А чего стоят кошмарные допросы на занятиях, например, по математике! Малышам задают учебные вопросы: «Сколько яблок на картинке?» — «Много!» — «А точнее?» Молчание в ответ. Неудивительно: «Больше, чем групп, или меньше?» А он еще и различать их не умеет. Скажет — больше, последует вопрос: а почему? Кошмар! Воспитатель нервничает, ребенок плачет. Здесь все иначе. Занятия проходят в форме игры.

ТАНЯ. Вот, например, как мы учили малышей различать времена года. Пришел в группу Бура-тино и принес подарки: вырезанные из бумаги снежинки, листочки зелененькие и желтенькие, яблочки и прочее. У кого день рождения весной, тот получает зеленый листочек, если осенью — желтый, у кого летом — яблочко, у кого зимой — снежинку. И каждая эта игрушка — календарный лист, на котором указана дата рождения ребенка. Представляете, сколько сразу дети получают информации! Дело техники — эту информацию дать.

МАРИНА. Но без назойливых вопросов! А то как бывает: в детсаду учат, в школе учат, потом в институте. С ума сойдешь, если всю жизнь будут учить!

ВИКА. Если ребенку на занятии неинтересно, он может уйти и заняться чем-то другим. Плохой воспитатель к концу занятия может остаться в одиночестве.

МАРИНА. Вот бы в школе так было! Насколько больше стало бы хороших учителей...

СВETA. Или необразованных людей.

ВИКА. Бывает, ушел ребенок, за ним другой. На ходу перестраиваешься, уходишь от плана, начинаешь импровизировать. Тут и незабываемые Марианна с Луисом Альберто появляются, и Чип с Дэйлом, и кошки с мышками, и привидения — один раз полдня всей группой барабашку искали. Зато какая радость, когда потерявшие интерес к теме занятия дети возвращаются и внимательно слушают, активно участвуют в общей работе!

МАРИНА. Вы не представляете, какие талантливые получают дети, если их постоянно не загонять в отведенные (кем? зачем?) рамки! Как-то в группе провели неделю поэзии. Говорили только стихами, даже самые маленькие. К концу недели все такими рифмо-летами стали — профессиональный поэт позавидовал бы. Не скоро на прозу переключишь.

СВETA. А какие наши ребяташки музыкальные!

ВИКА. Как-то дали им задание придумать оперу: сочинить музыку, либретто, приготовить костюмы, декорации и самим спеть. В чем проблема! Через неделю мы имсли удовольствие присутствовать на премьере великолепного, чуть ли не в традициях Большого театра, оперного спектакля. Дети пели изумительно! Родители не верили ни своим глазам, ни своим ушам.

СВETA. Пример оказался заразительным, подобные спектакли с успехом были поставлены и испол-

нены малышами и в других группах. Но они еще и скульпторы, и художники...

МАРИНА. И выполняют порой задания, недоступные взрослым. Какой взрослый мог бы, например, вылепить из пластилина свое настроение: грустное, веселое, тревожное? Ребенок же делает это без труда. А как нарисовать ветер, холод, радость, страх?

СВETA. У ребенка в отличие от взрослого нет привязанности к конкретике. Он рисует так, как видит. Как-то слушали музыку и рисовали ее. Видели бы вы эти удивительные рисунки!

ТАНЯ. Но вот парадокс! Ребенок, только что нарисовавший свое настроение, свое отношение к чему бы то ни было, то есть что-то абстрактное, на предложение нарисовать, к примеру, птичку, заявляет: «Я не умею!» И в самом деле не умеет! Покажешь ему — быстро научится. Но для меня это все равно загадка — почему не умеет нарисовать то, что вот оно, перед глазами?

СВETA. Но иные вещи ребенок воспринимает слишком буквально. Один мальчик как-то сказал: в войну люди плохо жили, хлеба не было, масло прямо на колбасу намазывали.

ВИКА. Нам бы с вами так плохо пожить!

МАРИНА. Наш методист Татьяна Ивановна Архангельская учит нас все объяснять детям на конкретных образах, так они лучше понимают. Вот, например, занятие по географии. Можно показать на карте Черное море и быть уверенным в том, что ребенок тут же заявит, где оно находится. А можно предложить путешествие. На корабле проплыть от Москвы до Одессы, Ялты или доехать до моря на автомобиле, по дороге останавливаясь в крупных городах и знакомясь с ними, останавливаясь на ночлег на берегах рек и озер. То, что интересно, дети легко и прочно запоминают.

СВETA. Я сначала думала, что дети будут конфликтовать между собой, младшие страдают от старших. А здесь — как в обычной семье. Бывает, что поссорятся. Один раз две девочки даже попились друг дружке в волосы. Но к ним тут же подошел мальчик, разбил покрутил старшую, принес второй табурет: это — тебе, а это — тебе. Помирил. В основном живут мирно.

МАРИНА. Старшие любят с маленькими возиться, особенно спать укладывать. Заботливо укутывают, сказки рассказывают. Иногда говорю: ну, все уже уложила, молодец, иди сама теперь ложись. Нет, кому-то еще надо подушку поправить, с кого-то одеяло сползло, кто-то ворочается, надо пошептать ему что-то ласковое на ушко.

ВИКА. А здесь этого нет. Здесь все для детей. Они, кстати, могут даже мебель по своему усмотрению переставлять. Взрослые помогут. А еще знаете, что мне нравится? Никаких белых халатов у персонала. Ребенок ведь не в больнице находится. Дома ведь мама, папа, бабушка в белой спецодежде не ходят.

ТАНЯ. А у групп нет номеров. Все равно ребенок их не запомнит сразу. Вместо номеров названия — Капитошки, Гномы, Волшебники, Чик-Чирки и так далее. Группы разновозрастные, не будешь их подразделять «старшие-младшие», «младшие-младшие» — нелепо ведь, правда? И на прогулке удобно: «Капитошки, за мной! Гномы, сюда!» Номер запомнить — для малыша проблема. А то, что он капитошка или волшебник, усваивает сразу.

СВETA. На прогулках дети могут играть друг с другом, ходить в гости друг к другу. Иногда смотришь — Вика с моими детьми играет, а тоже с чужими какими-то играю.

ВИКА. Потом выволишь своих на прогулку, в следующий раз подбегает кто-то, из другой группы, и спрашивает: «Будем играть?» «Что за вопрос, конечно, будем!» Но кто это? Понятия не имею. Зато начинает наша Белоснежка-Света своих гномиков созывать, смотреть, сорядясь, побежал к ней. Значит, Светин ребенок, из ее группы. Они лучше нас разберутся.

СВETA. На прогулках дети могут играть друг с другом, ходить в гости друг к другу. Иногда смотришь — Вика с моими детьми играет, а тоже с чужими какими-то играю.

ВИКА. Потом выволишь своих на прогулку, в следующий раз подбегает кто-то, из другой группы, и спрашивает: «Будем играть?» «Что за вопрос, конечно, будем!» Но кто это? Понятия не имею. Зато начинает наша Белоснежка-Света своих гномиков созывать, смотреть, сорядясь, побежал к ней. Значит, Светин ребенок, из ее группы. Они лучше нас разберутся.

СВETA. На прогулках дети могут играть друг с другом, ходить в гости друг к другу. Иногда смотришь — Вика с моими детьми играет, а тоже с чужими какими-то играю.

ВИКА. Потом выволишь своих на прогулку, в следующий раз подбегает кто-то, из другой группы, и спрашивает: «Будем играть?» «Что за вопрос, конечно, будем!» Но кто это? Понятия не имею. Зато начинает наша Белоснежка-Света своих гномиков созывать, смотреть, сорядясь, побежал к ней. Значит, Светин ребенок, из ее группы. Они лучше нас разберутся.

СВETA. На прогулках дети могут играть друг с другом, ходить в гости друг к другу. Иногда смотришь — Вика с моими детьми играет, а тоже с чужими какими-то играю.

ВИКА. Потом выволишь своих на прогулку, в следующий раз подбегает кто-то, из другой группы, и спрашивает: «Будем играть?» «Что за вопрос, конечно, будем!» Но кто это? Понятия не имею. Зато начинает наша Белоснежка-Света своих гномиков созывать, смотреть, сорядясь, побежал к ней. Значит, Светин ребенок, из ее группы. Они лучше нас разберутся.

СВETA. На прогулках дети могут играть друг с другом, ходить в гости друг к другу. Иногда смотришь — Вика с моими детьми играет, а тоже с чужими какими-то играю.

ВИКА. Потом выволишь своих на прогулку, в следующий раз подбегает кто-то, из другой группы, и спрашивает: «Будем играть?» «Что за вопрос, конечно, будем!» Но кто это? Понятия не имею. Зато начинает наша Белоснежка-Света своих гномиков созывать, смотреть, сорядясь, побежал к ней. Значит, Светин ребенок, из ее группы. Они лучше нас разберутся.

СВETA. На прогулках дети могут играть друг с другом, ходить в гости друг к другу. Иногда смотришь — Вика с моими детьми играет, а тоже с чужими какими-то играю.

ВИКА. Потом выволишь своих на прогулку, в следующий раз подбегает кто-то, из другой группы, и спрашивает: «Будем играть?» «Что за вопрос, конечно, будем!» Но кто это? Понятия не имею. Зато начинает наша Белоснежка-Света своих гномиков созывать, смотреть, сорядясь, побежал к ней. Значит, Светин ребенок, из ее группы. Они лучше нас разберутся.

СВETA. На прогулках дети могут играть друг с другом, ходить в гости друг к другу. Иногда смотришь — Вика с моими детьми играет, а тоже с чужими какими-то играю.

ВИКА. Потом выволишь своих на прогулку, в следующий раз подбегает кто-то, из другой группы, и спрашивает: «Будем играть?» «Что за вопрос, конечно, будем!» Но кто это? Понятия не имею. Зато начинает наша Белоснежка-Света своих гномиков созывать, смотреть, сорядясь, побежал к ней. Значит, Светин ребенок, из ее группы. Они лучше нас разберутся.

СВETA. На прогулках дети могут играть друг с другом, ходить в гости друг к другу. Иногда смотришь — Вика с моими детьми играет, а тоже с чужими какими-то играю.

ВИКА. Потом выволишь своих на прогулку, в следующий раз подбегает кто-то, из другой группы, и спрашивает: «Будем играть?» «Что за вопрос, конечно, будем!» Но кто это? Понятия не имею. Зато начинает наша Белоснежка-Света своих гномиков созывать, смотреть, сорядясь, побежал к ней. Значит, Светин ребенок, из ее группы. Они лучше нас разберутся.

СВETA. На прогулках дети могут играть друг с другом, ходить в гости друг к другу. Иногда смотришь — Вика с моими детьми играет, а тоже с чужими какими-то играю.

ВИКА. Потом выволишь своих на прогулку, в следующий раз подбегает кто-то, из другой группы, и спрашивает: «Будем играть?» «Что за вопрос, конечно, будем!» Но кто это? Понятия не имею. Зато начинает наша Белоснежка-Света своих гномиков созывать, смотреть, сорядясь, побежал к ней. Значит, Светин ребенок, из ее группы. Они лучше нас разберутся.

СВETA. На прогулках дети могут играть друг с другом, ходить в гости друг к другу. Иногда смотришь — Вика с моими детьми играет, а тоже с чужими какими-то играю.

ВИКА. Потом выволишь своих на прогулку, в следующий раз подбегает кто-то, из другой группы, и спрашивает: «Будем играть?» «Что за вопрос, конечно, будем!» Но кто это? Понятия не имею. Зато начинает наша Белоснежка-Света своих гномиков созывать, смотреть, сорядясь, побежал к ней. Значит, Светин ребенок, из ее группы. Они лучше нас разберутся.

СВETA. На прогулках дети могут играть друг с другом, ходить в гости друг к другу. Иногда смотришь — Вика с моими детьми играет, а тоже с чужими какими-то играю.

ВИКА. Потом выволишь своих на прогулку, в следующий раз подбегает кто-то, из другой группы, и спрашивает: «Будем играть?» «Что за вопрос, конечно, будем!» Но кто это? Понятия не имею. Зато начинает наша Белоснежка-Света своих гномиков созывать, смотреть, сорядясь, побежал к ней. Значит, Светин ребенок, из ее группы. Они лучше нас разберутся.

ОЧЕНЬ БЫСТРО ТРИСТА МЕТРОВ ОТ ГРАНИЦЫ

Наш корреспондент
вернулся из командировки

Я приехала в Печору часов в шесть утра. Было еще совсем темно, но город уже проснулся. Зазвенели колокола знаменитого Псково-Печорского монастыря. Во многих окнах горел свет. К автобусной остановке подъехала машина «Жигули». Из нее вышел молодой человек в монашеской одежде. Женщина в белом фартуке поднимала булыжную мостовую единственной площади городка, и подметала она ее не метлой, а обыкновенным веником. Движения ее были по-домашнему неторопливы. И от этого фартука, веника, от неторопливости повеяло уютом. Именно таким и останется в памяти этот чистый городок, тоже несущий в своих движениях.

В день приезда я отправилась в интернет, где живут и учатся дети из малообеспеченных, неблагополучных, неполных семей, дети-сироты. Я разговаривала с учителями, с детьми, заходила в классы. И опять меня поразила чистота. Ну, положим, школьная администрация могла узнать о приезде корреспондента из Москвы и быстро распорядиться вымыть полы. Но в классах стояли парты, не изрезанные, не исписанные формулами, не разукрашенные незатейливыми рисунками подростков. В большой уютной столовой дети не оркали, не толкались. Какая-то удивительно домашняя атмосфера царил здесь — свободы, спокойствия. Кстати, обед был вкусный и сытный. Подшерстный совок подставляет интерну свежее молочное и мясные продукты.

И ребята в интернете мне очень понравились — доброжелательные, раскованные и... воспитанные. Я спрашивала у десятилетних мальчишек, как они чаще называют друг друга: по имени, фамилии или по прозвищу. Оказалось, чаще по имени, но и прозвища тоже иногда звучат. И они со смехом рассказывали о них. Грызун — потому что семилетний Коля на спор перевернул веревку. Лихой — по фамилии Лиходеев. Ни одного обидного прозвища я не услышала. Я все пыталась выяснить у учителя, влияет ли на атмосферу интерната близость Псково-Печорского монастыря. Но однозначного ответа на этот вопрос не получила.

В Печорах, кроме интерната, три общеобразовательные школы. Одна из них — эстонская — расположена в двухэтажном доме с печным отоплением. Детей в ней становится все меньше. Эстонские семьи уезжают. В лишь тридцать четыре. В выпускном классе всего пять человек. Главная проблема этой школы — это проблема кадров. В основном здесь работают учительницы пенсионного возраста. Единственный мужчина — источник. Кстати, так же обстоит дело и в остальных школах этого городка. Мужчин в них становится все меньше. Объясняют это тем, что Печору находятся в трехстах метрах от границы с Эстонией, где расположена пограничная и контрольно-пропускная служба. И учителя-мужчины уходят работать на таможену, где зарплата в два-три раза выше учительской.

Но есть и другие проблемы. Какие? О них немного позже.

Г. СЛОБОДЧИКОВА

ТАЛАНТЛИВЫ ВСЕ

МАРИНА. Вы не представляете, какие талантливые получают дети, если их постоянно не загонять в отведенные (кем? зачем?) рамки! Как-то в группе провели неделю поэзии. Говорили только стихами, даже самые маленькие. К концу недели все такими рифмо-летами стали — профессиональный поэт позавидовал бы. Не скоро на прозу переключишь.

СВETA. А какие наши ребяташки музыкальные!

ВИКА. Как-то дали им задание придумать оперу: сочинить музыку, либретто, приготовить костюмы, декорации и самим спеть. В чем проблема! Через неделю мы имсли удовольствие присутствовать на премьере великолепного, чуть ли не в традициях Большого театра, оперного спектакля. Дети пели изумительно! Родители не верили ни своим глазам, ни своим ушам.

СВETA. Пример оказался заразительным, подобные спектакли с успехом были поставлены и испол-

БЕЗ БЕЛЫХ ХАЛАТОВ

ВИКА. Но если что-то нельзя — значит нельзя. Важно только объяснить ребенку, почему — спокойно и доверительно. Запреты неизбежны.

СВETA. Надо, чтобы запреты были разумными. А то... Моя мама тоже работает в детском саду. У них там оборудован кукольный уголок. Кухня, гостиная, спальня, ванная... Квартира. Мама по образованию художник-конструктор, так замечательно все сделала! Даже в ванной на полочке шампуня, расчесочки крошечные, флакончики, мыльце — до мельчайших подробностей. Красиво! Я как-то зашла... Так все хочется потрогать, поиграть! Мне, взрослому человеку! А малышам тем более. Но это наглядное пособие, и прикасаться к нему нельзя. Только смотреть можно. Но это же пытка!

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Иногда урок превращается в диалог учителя с первой партией, на которой сидят умники. Не забывайте о последних партах. Никому не отдавайте классные камчатки и курилы.

Первое сентября

№11(47)

28 января 1993 г., четверг

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики.

Помните знаменитый лозунг
„Уходя, гасите свет“?

Все верно: электроэнергию
нужно беречь.

Но у каждого из нас есть свой
собственный свет — свет души,
добрых мыслей и поступков. У
кого-то он ярче, у кого-то тус-
клее, но он у всех. И его так
легко притушить, а то и вовсе
загасить — эгоизмом, равноду-
шием, злым словом, дурным
делом, даже простым невнима-
нием к ближнему, к его мел-
ким (на посторонний взгляд)
заботам. И самому темнее в
этом мире станет.

**НЕ ГАСИТЕ СВЕТ! НЕ ГА-
СИТЕ — НИ ПРИХОДЯ, НИ
УХОДЯ.
НЕ ГАСИТЕ СВЕТ.**

Мы не так уж долго живем на этой земле.
Но есть ценности, времени не подвластные

О ЧЕМ ДУМАЮТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ
СТЕНОГРАММА

Пролетая в замысловатых кривулях старого Арбата, нахожу наконец нужный дом, поднимаюсь по стертым каменным ступеням на четвертый этаж. Дверь распахивается, и я оказываюсь в необычном мире, среди людей, способных творить чудеса, о каких и не подозреваешь. Это не просто квартира, это — мастерская. Здесь работают реставраторы. Мои собеседники сегодня — один Александр: Демченко (главный хранитель), Козьмин (заведующий отделом реставрации живописи), Петров (художник-реставратор масляной живописи, уточним — художник высшей категории, каких в России по пальцам пересчитать). Кроме имени, их объединяет еще одно. Все молодые и все — талантливы.

Соловки. Светое озеро. Фото В. ТОБОТРАСА

С ЧЕГО ОНИ НАЧИНАЛИ

ДЕМЧЕНКО. Насчет Александр ты правильно заметила — нашего начальника тоже так зовут. Буркин Александр Иванович. Он и на работу принимает только Александров. Это вместо анкеты, обязательное условие — раз Александр, значит, голдишься в реставраторы. Я слышу, конечно. Но за исключением нескольких человек у нас по странному совпадению все Саши.

КОЗЬМИН. Наше официальное название — акционерное общество открытого типа „Купина“. Нам всего два года. Основная цель, ради которой мы собрались, — участвовать в работе по возрождению русской культуры. Понятно, мы знали, сколь трудна эта задача и в сколь суровую драку мы ввязываемся. Тем более что изначально решили быть самостоятельными: не брать больших сумм, не влезать в долги, чтобы не впадать в зависимость от каких бы то ни было властных структур.

ДЕМЧЕНКО. Не сразу это получилось. Сначала нами пытался руководить отдел социальных программ местного РК партии...

КОЗЬМИН. С самого начала решили зарабатывать деньги не только на собственное существование, но и на развитие. Чем мы стали заниматься? Прежде всего реставрацией древнерусской живописи (икон), потом реставрацией масляной живописи (главным образом светские картины), реставрацией предметов прикладного искусства (металл). Немного реставрируем фарфор.

ДЕМЧЕНКО. Еще мы по договорам работаем с людьми, которые делают для нас золотые шитье. Есть также у нас реставраторы по кости, по керамике, куда, впрочем, и фарфор входит.

КОЗЬМИН. Я продолжу. В практике бывшего Союза и теперь России было принято, чтобы реставрацией культурных памятников занимались либо музеи, либо специальные реставрационные мастерские. (Это прежде всего относится к иконе.) Но их, таких мастерских, было очень мало, они физически были не в состоянии справиться со всем. Мы решили оказывать помощь владельцам древностей, ко-

торых эти мастерские обслужить не могут.

ДЕМЧЕНКО. Это значит, что каждый, как говорится, простой смертный обрел возможность прийти к нам со своей требующей реставрации или даже реконструкции иконой и получить ее обратно возродившей.

КОЗЬМИН. Таких, кстати, много оказалось. Есть немало людей,

коллекционирующих иконы. Благодаря им недавно удалось организовать интереснейшую выставку под названием „Домашняя икона“. В общем, нам удалось сделать то, о чем мечтались: мы стали независимой, причем оригинальной организацией.

КОГДА С ВЕЩЬЮ РАБОТАЕШЬ, В НЕЕ ВЛЮБЛЯЕШЬСЯ

КОЗЬМИН. Нас частенько спрашивают: а были ли какие-нибудь очень запомнившиеся вещи, представляющие особую ценность? Сложный вопрос. Любая вещь, с которой работаешь, в которую вкладываешь душу, которую терпеливо и трепетно восстанавливаешь, оживляешь, очень дорога. В нее влюбляешься, о ней думаешь все время, ждешь с ней встречи. Она кажется самой лучшей. А потом другую встречаешь на своем рабочем столе, такую жалкую, погибающую, ее начинаешь возродить — она становится самой лучшей.

ДЕМЧЕНКО. Очень сложно порой восстановить икону. Ты вообще представляешь, что это такое? Думаешь, обычная доска, а на ней изображение? Нет. Икона — это что-то вроде многоугольного пирога. На доске несколько специальных грунтовочных слоев, на которых белый, последний слой — фон. А на нем пишется собственно икона. Потом она покрывается олифой, которая через 50–80 лет темнеет. Раньше ее затирали пемзой, выравнивали и писали сверху новую икону вместо безнадёжно вроде бы утраченной первой. А бывало, проше: прямо по этой темной олифе писали новую. И таким образом получались напластованные веков.

КОЗЬМИН. И так на одной доске оказывалось несколько ценных памятников. Нужны особые чутье, интуиция, специальные знания, чтобы под этими слоями выявить ценную икону, заинтересоваться ею. Вот одна из таких икон — памятник конца семнадцатого века. Прекрасная икона! Причем оказалась в хорошей сохранности. Ее, кстати, с удовольствием на выставку взяли.

ДЕМЧЕНКО. Представитель выставки, увидев ее, сразу: ах! Можно ее взять? Ну конечно, можно! Пусть люди смотрят, наслаждаются.

КОЗЬМИН. А была неприглядная доска, полностью записанная. Эта икона, кстати, наша собственная, из нашего фонда.

ДЕМЧЕНКО. Представляешь, безымянного автора давним-давно уже нет на этом свете, а его прапрапра... внуки по-прежнему восхищаются его творением. Почему автор икон в основном безымянные? Потому что икона пишется не просто личностью, а человеком, находящимся вроде бы как под воздействием святого духа. Иконописец, прежде чем начать писать новую икону, обычно три дня постился, молился, дабы он не соблазнался, молился, дабы он не соблазнался, молился, дабы он не соблазнался. Господь им командовал по мере написания. Вроде как в соавторстве с Богом работал. Ну а иконописца тех времен хатало скромности и

КОМСОМОЛЬСКАЯ ИКОНА — ТОЖЕ ИКОНА

ДЕМЧЕНКО. Часто встречаются сильно пострадавшие иконы. Сколы — до доски. И если утраты велики, икону приходится реконструировать. Мне попалась однажды икона из серии так называемых варварски разрушенные памятники, чем, увы, когда-то занимались молодые люди, комсомольцы. Так вот. Эта икона была расколота топором на три части и была попытка с помощью бухар разломать, разбить и эти части. Хотелось посмотреть фотографии, какой она была? Смори! А вот какой стала икона после реконструкции. Конечно, над ней немало пришлось ударов обухом топора приподнять, все трещины заделали, добавили тонирующей, еще целый ряд специальных приемов применили. Не верится, что эта груда безформенных шепок и та чудесная икона — одно и то же, правда? Тем не менее это так. Поэтому, если можно, я позволю себе обратиться к читателям. Икону ни в коем случае нельзя выбрасывать или сжигать, даже если от нее вроде бы ничего не осталось, даже если это просто доска, без всякого изображения. Ее можно и нужно спасти. Мы на земле временно, любая икона в принципе тоже смертна, но ее жизнь несравнимо дольше нашей. Пока она принадлежит нам. А потом — следующему поколению. Это же памятник! И если мы уничтожим икону, мы не себе принадлежущую вещь уничтожим. К иконе надо относиться как к чему-то живому.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

КОЗЬМИН. А поскольку это живой организм, то и отношение к нему должно быть соответствующее. Мы, как врачи, и методы у нас те же. Поступает больной, и мы должны в первую очередь поставить диагноз, определить, как лечить. И законы у нас, как в медицине, прежде всего — не навреди. Больше чем надо, не вмешивайся. На каждую вещь заводится специальный паспорт — как бы история болезни. Там все фиксируется, едва ли не каждое прикосновение к памятнику.

ДЕМЧЕНКО. Слишком большие утраты в особо ценных иконах мы не конструируем. Считаем, что не имеем на это морального права. В крайнем случае делаем это очень-очень деликатно. Приходится домысливать, что имел в виду иконописец. Если была академическая живопись, то надо в академическом же ключе и домысливать. А бывает, что икону писал какой-нибудь деревенский богомаз — вот и нам надо писать, как он, реконструируя эту икону.

КОЗЬМИН. Но бывают иные случаи, реставрация иного плана. Саша, расскажи!

ДЕМЧЕНКО. Бывает, приходит священник, приносит икону и говорит: „Ребята, мне не надо никаких изысков, мне нужна икона, на

которую можно молиться“. И мы доводим ее до такого состояния, как будто икона, будучи написанной давно, где-то пролежала на тронной иконе и ничем, а теперь мы ее достали и просто смахнули пыль... Для нас главное и вещь сохранить, и не напорить, потому что любое неоправданное вмешательство в икону — почти преступление: ведь никто никогда и нигде больше эту икону не напишет.

КОЗЬМИН. Представляешь, как бывает жалко, сплывая работу, уничтожить более поздние напластования!

ДЕМЧЕНКО. Их в принципе тоже можно спасти путем переноса иконы на такую же старую доску с безнадёжно утраченной иконой. Не верится? Но такие случаи уже были. Не у нас, конечно. Мы пока такие вещи не делали — нет для этого условий, специального оборудования и прочего. Но у нас есть главное — специалисты, способные такие чудеса творить. А потому будем надеяться: когда-то и мы будем.

РЕСТАВРАЦИЯ — ОТЧАСТИ ХИМЕРА

ПЕТРОВ. Я полностью разделяю точку зрения своих коллег в отношении к памятнику как к большому человеку. Реставрация — это операция. Человеку ее без особой нужды нормальный врач делать не будет. Но реставрация — это моя точка зрения — отчасти химера. Мы самонадеянно пытаемся остановить то, что делает время, и даже восстанавливаем то, что разрушено им. Наши мастера в широком смысле — хорошие мастера. Недаром же существует такое понятие: русская школа реставрации. Но если картина (а я в основном с картинами работаю) старилась 200–300 лет, разве ее исправлять за один час? Здесь тоже надо положиться на время. К сожалению, даже специально не всегда это могут понять. У меня недавно был неприятный разговор на эту тему с одним известным живописцем. Когда я начал ему сроки реставрации картин, которые он хотел восстановить в „Купине“, он пришел в негодование. В запальчивости даже сказал, что заново написать новое полотно можно значительно быстрее. Это верно. Иногда проще и починить старое. Но то же платье, а это — картина, произведение искусства, культурный памятник.

ДЕМЧЕНКО. Начать с того, что краски, которыми ремонтируется полотно, не просто должны высохнуть — должен произойти процесс стабилизации. Масляная краска имеет свойство сначала темнеть, затем светлеть, становиться прозрачной. И надо точно угадать, как она себя поведет, проконтролировать. Вообще реставратор — полигамная профессия: он и столяр, и химик, и физик, и слесарь, и механик, и художник, историк, искусствовед, и прочая, прочая, прочая.

ПЕТРОВ. Русские реставраторы, и мы в том числе, в отличие от, тем пример, американских специалистов, которые пользуются в основном синтетическими красками, традиционно ориентируются на натуральные. То же — что касается технологии.

ПЕТРОВ. Конечно, можно провестись в сжатые сроки, грубо говоря, противоаварийные работы или косметический ремонт, но это уже не реставрация в полном смысле слова.

ДЕМЧЕНКО. И здесь тоже очень важен принцип „не навреди“. А грань между тактичным вмешательством и недопустимым, излишним тоже непременно должна быть соблюдена.

КОЗЬМИН. Вот только кто нам укажет эту грань? Никто. Потому что ее не существует. Ее каждый раз должен почувствовать реставратор. Вот такая это профессия...

Стенографировала Р. ФИРСТОВА

Школьные министры подписывают договор

Недавно в Министерстве образования Российской Федерации было подписано соглашение о сотрудничестве в области образования между Россией и Литовской Республикой.

В непростых условиях находится сейчас русская школа в странах Балтии. Не хватает учителей, возникают проблемы с учебниками. Трудно выпускникам русских школ. Подписанное соглашение поможет решить многие проблемы.

В беседе с журналистами министр культуры и образования Литвы господин Тринкус выразил уверенность, что этот договор откроет новые возможности для общения учителей и учащихся двух государств. Министр заверил, что основные учебники для русских школ будут издаваться в Литве.

Корреспондент нашей газеты задал вопрос министру образования Российской Федерации Е. В. Ткаченко: — Выпускники русских школ Литвы и других республик бывшего СССР не могут поступить на конкурсной основе в российские вузы, так как они являются гражданами других государств, а платное обучение доступно далеко не всем. Что будет с нашими выпускниками? — Это положение совершенно недопустимо. Я думаю, что оно будет исправлено, — ответил министр.

ИНФОРМАЦИЯ

Г. СЛОБОДЧИКОВА

Многие подростки привыкли делать уроки под музыку. А не включить ли магнитофон во время сочинения? Конечно, негромко и если никто не будет против.

СОВЕТЫ
ГАЗЕТЫ